

ПИОНЕР

ИЮЛЬ

7

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» 1970 г.

ОБРАЩЕНИЕ XVI съезда ВЛКСМ

ЮНЫЕ ПИОНЕРЫ СОВЕТСКОГО СОЮЗА!

Через два года Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина исполняется 50 лет. Это большое и волнующее событие для советской детворы, Ленинского комсомола, всей нашей страны.

На заре Советской власти родилась пионерская организация. Она создана Коммунистической партией, окружена любовью и заботой Родины. Растите коммунистами, помогайте революции! Это доброе и мудрое наследство оставил Владимир Ильич самому юному поколению Страны Советов.

В вашем Торжественном обещании есть замечательные слова: «...горячо любить свою Родину, жить, учиться и бороться, как завещал великий Ленин, как учит Коммунистическая партия...»

Все поколения юных пионеров были верны этой клятве. Сегодня красное пионерское знамя в ваших руках, пионеров семидесятых годов.

Мы, делегаты XVI съезда комсомола, призываем всех пионеров страны начать подготовку к пионерскому юбилею. Готовьтесь к празднику горячо, увлеченно. Пусть каждый отряд, каждая дружина встретит его хорошими делами, новыми успехами в учебе, труде, спорте.

ЮНЫЕ ПИОНЕРЫ!

Пионерская организация носит имя Владимира Ильича Ленина. На ее знамени — орден Ленина. Дорожите званием юного пионера, всегда и во всем выполняйте заветы Ленина, свои пионерские законы. Учитесь у коммунистов и комсомольцев бороться за дело партии, любить свою Родину.

ЮНЫЕ ПИОНЕРЫ!

ПОМНИТЕ: БЕЗ ЗНАНИЙ — НЕТ КОММУНИЗМА!

Учитесь на совесть, учение — ваш главный труд. Растите пытливыми, упорными. Помогайте товарищам, строго спрашивайте с нерадивых, нарушителей дисциплины. Пусть в школах будет больше кружков юннатов, юных техников, книголюбов, историков, краеведов, геологов, математиков. Молодые рабочие, инженеры, ученые, студенты помогут вам сделать много новых открытий.

ЮНЫЕ ПИОНЕРЫ!

ПОМНИТЕ: КОММУНИЗМ СТРОИТСЯ ТРУДОМ МИЛЛИОНОВ.

Все прекрасное на нашей советской земле создано рабочими руками. Берегите и умножайте народное богатство, растите рачительными хозяевами страны. Охраняйте родную природу, украшайте нашу землю новыми садами, парками, скверами. Пусть каждая дружина и отряд приготовят Родине к пионерскому юбилею свой трудовой подарок. Дружите с бригадами и ударниками коммунистического труда, у них учитесь по-ленински трудиться.

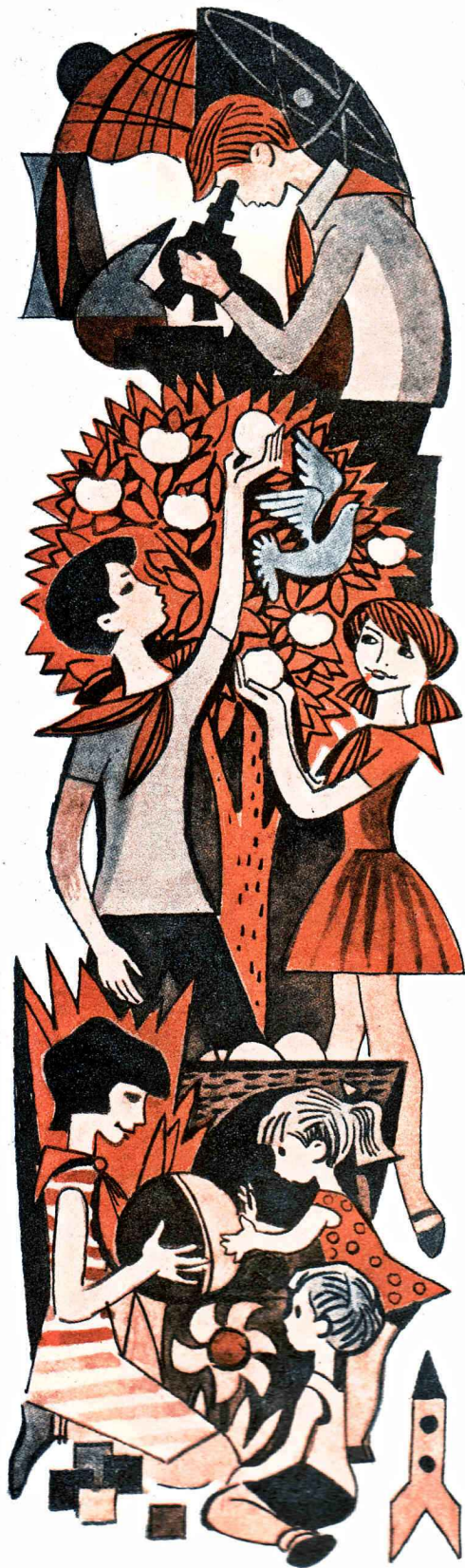

Рисунок Е. МЕДВЕДЕВА.

КО ВСЕМ ПИОНЕРАМ Советского Союза

ЮНЫЕ ПИОНЕРЫ!

ПОМНИТЕ: В ДРУЖБЕ СОВЕТСКИХ НАРОДОВ — СИЛА ОТЧИЗНЫ!

Наша Родина — большая, многонациональная семья. Крепите дружбу детей всех национальностей нашей страны, растите горячими патриотами социалистической Родины, гордитесь, что вы живете в стране Октября — Союзе Советских Социалистических Республик.

ЮНЫЕ ПИОНЕРЫ!

ПОМНИТЕ: ПИОНЕР ГОТОВИТСЯ СТАТЬ ЗАЩИТНИКОМ РОДИНЫ.

Совсем недавно наша страна, все прогрессивное человечество отметило 25-летие со дня победы над фашизмом. Изучайте боевую историю нашего народа и его Вооруженных Сил. Создавайте в дружинах юнармейские отряды, отряды юных друзей пограничников, моряков, летчиков, космонавтов. Дружите с воинами, учитесь у ветеранов и героев нашей армии и флота. Проявляйте заботу о семьях военнослужащих.

ЮНЫЕ ПИОНЕРЫ!

ПОМНИТЕ: КРАСНОЕ ЗНАМЯ — ЗНАМЯ МИРА И ПРОЛЕТАРСКОЙ СОЛИДАРНОСТИ.

Ленинский комсомол, пионерская организация идут в авангарде международного молодежного и детского движения. Мы призываем вас укреплять дружбу с пионерами и детьми трудящихся всех стран мира, с борцами за мир, прогресс и социализм. Укрепляйте солидарность с детьми Вьетнама, Камбоджи, Лаоса, арабских стран, борющихся против агрессии империалистов, собирайте средства в фонд мира. Растите настоящими интернационалистами.

ЮНЫЕ ПИОНЕРЫ!

Всесоюзная пионерская организация — это 23 миллиона ребят. Пусть для каждого из вас пионерские годы станут хорошей школой идейной закалки, дружбы и товарищества. От инициативы и смекалки каждого пионера, советов дружин и отрядов зависит интересная работа пионерских коллективов. Каждому пионеру — поручение, каждому отряду — полезное дело. Дорогу романтике, походам, веселым играм и увлекательным сборам!

ЮНЫЕ ЛЕНИНЦЫ!

Мы, делегаты XVI съезда ВЛКСМ, верим, что советская пионерия и впредь будет надежным резервом комсомола. Мы уверены, что каждая пионерская дружина достойно встретит 50-летие пионерской организации. Пусть подготовка к юбилею идет под лозунгом: «Тебе, родная партия, тебе, Советская Родина, наши отличные знания, трудовые подарки, верность и любовь!».

Ленинский комсомол будет и впредь с честью нести звание вожатого юных ленинцев.

Тверже шаг, пионерия! Выше пионерские знамена!

ЮНЫЕ ПИОНЕРЫ!

К БОРЬБЕ ЗА ДЕЛО КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА БУДЬТЕ ГОТОВЫ!

Выходит с 15 марта 1924 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ и
Центрального Совета Всесоюзной
пионерской организации
имени В. И. Ленина

ИЮЛЬ 7

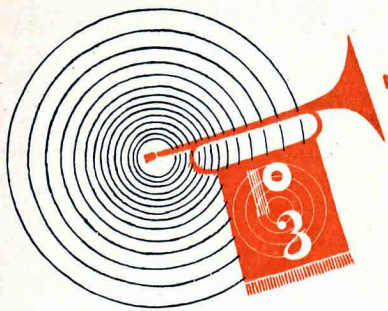
Издательство «Правда»

Москва 1970

С призывом, который вы только что прочли, обратились к вам, пионеры, делегаты XVI съезда. Двадцать семь миллионов комсомольцев отчитывались перед партией и народом в своих делах на пользу Родине, говорили о том, как будут жить и трудиться дальше.

Партия высоко оценила дела и помыслы молодых. В приветствии Центрального Комитета партии комсомольскому съезду, в выступлении на съезде Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева выражена огромная забота партии о своей юной смене и твердая уверенность в том, что комсомол и впредь будет верной опорой партии в борьбе за коммунизм. XVI съезд ВЛКСМ еще раз показал: молодежь готова достойно продолжать эстафету революции, готова посвятить всю свою жизнь делу партии, делу Ленина.

радиостанция
"Здравствуй!" ПРИНЯЛА

ПОСЛЕДНИЕ СООБЩЕНИЯ:

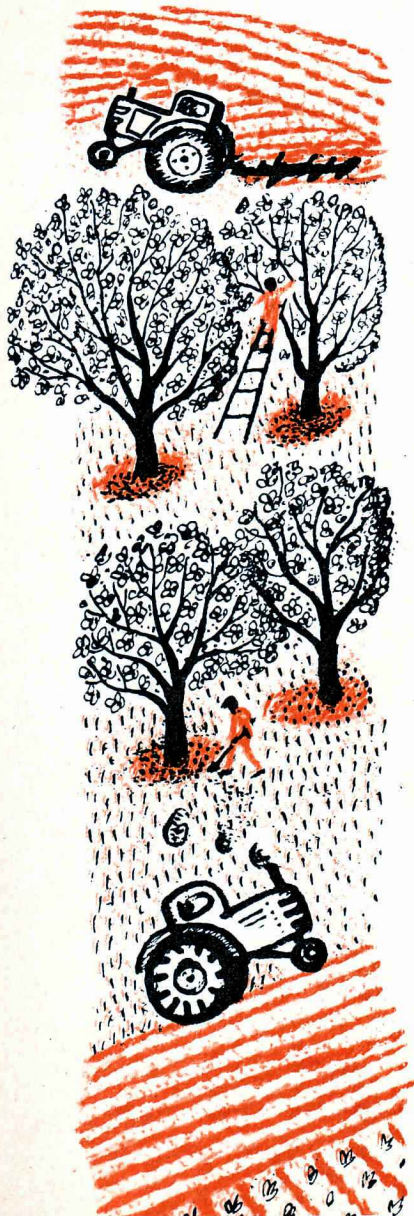
Ребята отвечают на призыв комсомола.

Ученые испытали новый сорт пшеницы. Эти ученые — ребята. Конструкторы изобрели новый малогабаритный трактор. Эти конструкторы — ребята.

Ребята научились работать с ракетой, стрелять из винтовки, прыгать с парашютом.

ЗЕРНО ПРОХОДИТ ИСПЫТАНИЕ

— рассказывают
о своей работе
юннаты
Заслоновской
средней школы.

Мы давно занимаемся пшеницей. Выращиваем разные сорта на пришкольном участке, ставим опыты, смотрим, какому сорту больше нравится наша земля, наш климат, какой сорт с удовольствием будет жить у нас и приносить большие урожаи. Хорошая пшеница — это очень важно. Это хлеб.

Однажды мы прочитали в газете «Правда» об опытах украинского ученого Василия Николаевича Ремесло. Он вывел новый сорт пшеницы «мироновская-808». Мы подумали: должно быть, хороший сорт. Надо бы испробовать его, посмотреть, как он приживается.

Написали на Мироновскую селекционную станцию, попросили прислать зерно для опыта. Посылка пришла быстро. Мы посеяли четыре килограмма новой пшеницы и стали ее растить. Ухаживали, наблюдали и все записывали. Урожай нас обрадовал: семьдесят пять килограммов отборного зерна. На другой год мы взяли участок под пшеницу побольше. И снова отличный урожай: сорок центнеров в пересчете на один гектар! Пятьсот килограммов мы передали нашему колхозу. Теперь не только наш колхоз, но и весь район выращивает «мироновскую-808».

А хороший сорт ячменя для нашего колхоза мы отыскивали в Эстонии. Там вырастили четыре сорта: «домен», «тооми», «тамми» и «ингрид». Мы испытали все четыре сорта и выбрали один — «домен». Он дает урожай пятьсот семь центнеров с гектара! «Домен» раннеспелый, и, хотя колосья у него наливные, он не полегает. А это важно: полегшие зерновые труднее убирать машиной.

ПОСООБРАЖАТЬ ПРИДЕТСЯ — предупреждают всех, кто хочет создать трактор, конструкторы станции Ярославской.

Наша станция смотрит окнами на предгорья Кавказа, на леса, на бескрайние кубанские поля. Шумит под ветром кукуруза, раскланивается подсолнечник. Нам привычны огни тракторов в ночи.

Мы помогаем колхозу. Обрабатываем за лето до трехсот гектаров технических культур. Для младших ребят колхоз выделил опытный участок в три гектара, и они собирают высокие урожаи кукурузы и подсолнечника. Опыты и наблюдения подсказали нам, что за растениями надо ухаживать от посева до уборки. А это нелегко сделать без механизации. Наш учитель труда Владимир Иванович Мацинин говорит: «Давайте сделаем машину для обработки кукурузы и подсолнечника. Тут посоображать придется».

Нам сначала не верилось, что мы сумеем. Не все сразу получилось. Но все-таки сконструировали мы такой трактор. И он обрабатывает кукурузу и подсолнечник в полтора метра высотой!

Понравилось нашим ребятам изобретать. Захотелось им еще что-нибудь сделать. У опытников участок небольшой, его большим трактором не обработаешь. И мы переконструировали для них маленький трактор «Риони». А потом появился на свет еще один трактор — «Беларусик». Он очень хороший.

Тут пришли к нам совсем маленькие ребята, говорят: «У нас тоже свой участок. Вы для нас тоже трактор сделайте». Мы и для малышей сделали трактор. Так его и назвали «Малыш». Теперь и они довольны.

ЖИВЕМ ПО ВОЕННОМУ УСТАВУ

— эти строки из сообщения юных друзей Советской Армии г. Минска.

Мы всегда ждем не дождемся лета.

Летом наш отряд юных друзей Советской Армии уезжает в лагерь, который стоит в воинской части, у шефов. Мы живем как настоящие военные, по уставу. Это здорово к дисциплине приучает. Раз-раз, надо утром по горну вскочить, быстро одеться — и на зарядку. Нам теперь смешно, как это мы раньше сто раз потягивались. Оказывается, быстро встать лучше: бодрости прибавляется.

В лагере у нас сорок человек. Мы соревнуемся в стрельбе из винтовок, учимся ориентироваться на местности, работать с радией. Мы теперь, если надо, можем срочно перелать донесение и принять приказ. Мы даже на танках ездим! С танкистами, конечно. Танк — это сила! Машина что надо!

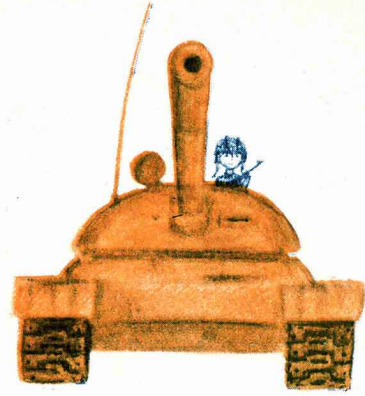
Ну и еще спорт. Футбол, волейбол, плавание, легкая атлетика. Без спортивной подготовки не станешь настоящим воином.

В общем, лето пролетает быстро. Все ребята из нашего лагеря становятся в школе командирами юнармейских отрядов, которые участвуют в «Зарнице». В лагере нас учили, а в школе мы учим, как можем.

Хочешь научиться засушивать растения и цветы?

Прошлым летом я спросила папу, как лучше сохранить веточку с цветами черемухи, чтобы цветы и листочки не обрывались. Папа посоветовал мне приклеить веточку черемухи к куску плотной синей бумаги бесцветным лаком для ногтей. И сверху веточку тоже покрыть лаком. Лак быстро сохнет и дает гибкую, прочную, прозрачную пленку.

Я все так и сделала. Прошло много времени, а цветы и листья по-прежнему как живые. Если вам пригодится мой совет, когда станете делать гербарий, напишите мне. Мой адрес: г. Пермь, 52, ул. Сокольская, дом 132, кв. 7. Марине Стуловой.

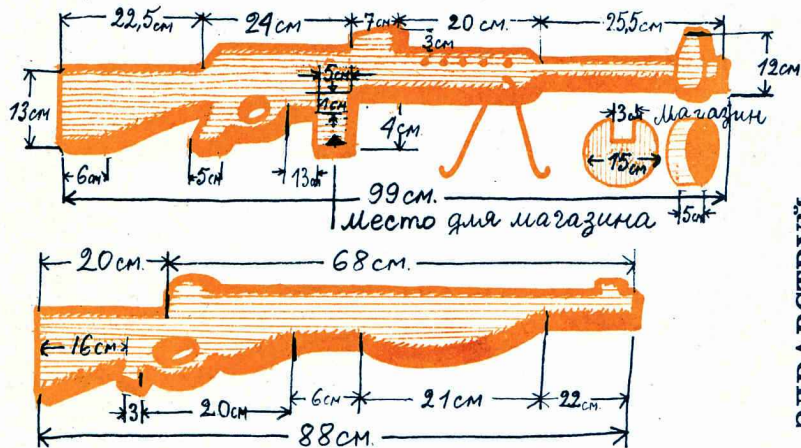

Спасибо, — говорят ребята села Малиновки, Саратовской области, всем, кто научил их делать оружие для игры «Зарница».

В этом номере мы предлагаем вашему вниманию ручной пулемет и карабин, созданные Юрой Трутневым из г. Зеленодольска.

Чтобы сделать такой пулемет, нужно взять доску толщиной в 4,3 сантиметра, а для карабина доска нужна потоньше — 2 сантиметра. Все остальное узнаете из чертежей. Желаю всем успеха в игре.

Юра Трутнев.

НУЖНА ТВОЯ ПОМОЩЬ

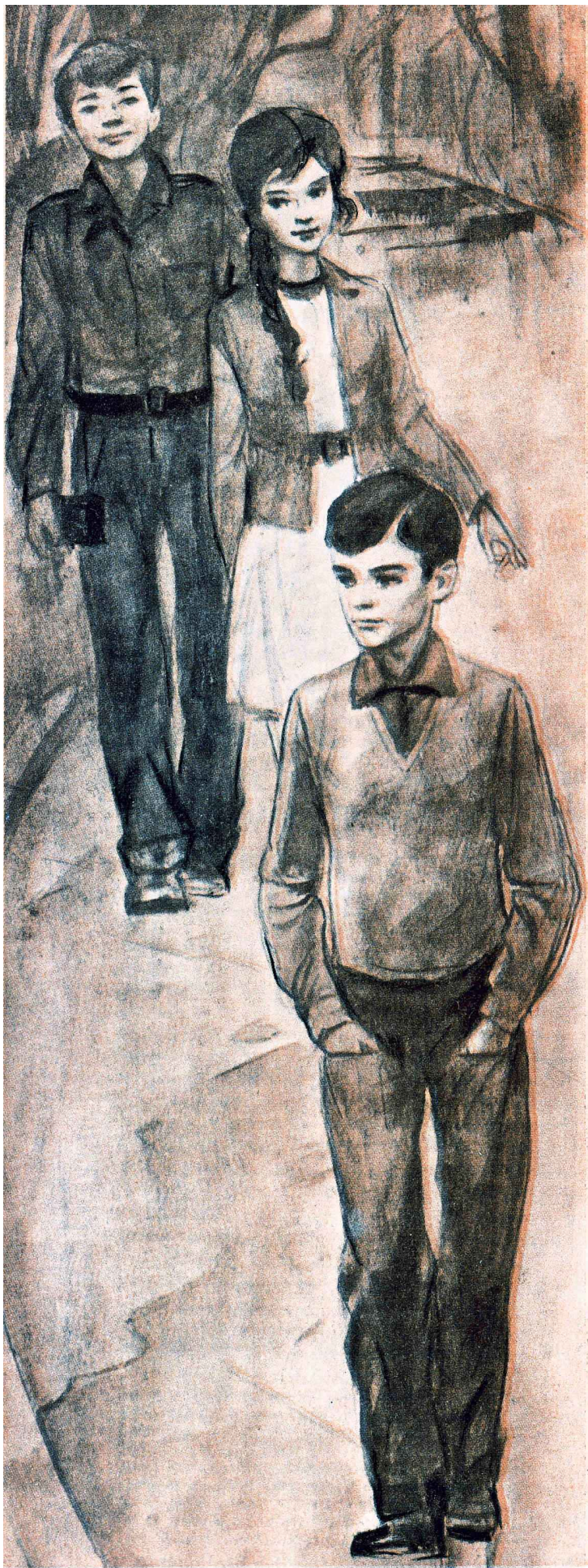
Я перешла в шестой класс. Мне 12 лет. У меня есть одно увлечение. Я очень люблю делать игрушки. Делаю я их из бумаги, из картона, из шишек, из желудей и из других самых простых материалов. Самые лучшие свои самodelки я отдаю малышам-первоклассникам. Они всегда радуются таким подаркам. И мне тоже бывает приятно.

Но вот что меня огорчает. Ребята в классе надо мной смеются. «Нашла себе занятие — малышкой забавлять. Двенадцать лет, а она все в куклы играет. Неужели серьезного занятия не можешь найти?»

Мне бывает очень обидно от таких замечаний. А иногда я думаю: «А может, они правы?»

Женя РЫБАКОВА, г. Харьков.
Что ты посоветуешь Жене?

РАДИОСТАНЦИЯ «ЗДРАВСТВУЙ»
ЖДЕТ СООБЩЕНИЙ ОТ ТЕБЯ!

Эдуард КОРПАЧЕВ

ГЕЙЗЕР

РАССКАЗ

Рисунок С. ТРОФИМОВА.

Сиротливо бродил Толя по двум опустевшим комнатам, еще хранящим запахи маминых духов и отцовского табака, поглядывал на пепельницу с забытым окурком в ней, напоминающим мятый валенок, на отрывной календарь с ликующей пометкой: «Едем на дачу!» И хотя он уже тосковал по уехавшим родителям, все-таки втайне был необычайно рад дарованной ими свободе и ждал в пустоте этих комнат какого-то приключения, какого-то невероятного счастливого события.

Когда тебе пятнадцать лет и у тебя есть друг и когда вы оба дружите с одноклассницей, которую оберегаете от возможных огорчений, то очень

часто воображаешь всякие там происшествия, которые могут захватить всех троих и преобразить жизнь. И вот теперь, в одиночестве, Толя бродил по комнатам, косился на телефонный аппарат, ждал, что вдруг сейчас проснется телефон и откуда-то сверху, с седьмого своего этажа, однокурсница Наташа заговорит, обратившись к нему на «вы», и он тоже ей будет отвечать на «вы»... Однажды они всем классом собрались слушать магнитофон, танцевали и писали друг дружке записки, кто-то первый сочинил чепуху: «Вы сегодня особенно очаровательны, княжна», — кому-то понравилось так обращаться к другу, как будто и ты и он взрослые. Но особенно по душе все это пришлось Толе, потому что он очень любил старые романы: как там думают и говорят, какие у всех манеры.

«Вы сегодня особенно очаровательны, княжна», — повторил он мысленно, то ли с усмешкой, то ли с горьким сочувствием к самому себе, и посмотрел в белый потолок — с первого этажа словно бы посмотрел туда, на седьмой этаж, где жила Наташа. И поскольку она жила на такой высоте, то, выходит, не просто расхаживала там, на седьмом небе, а летала над всеми этажами, над всеми людьми, над кастрюлями и телевизорами.

Звали за город и его, но у него с Вадимом и Наташей был свой план, тоже путешествие за город. И все-таки, может быть, отправился бы Толя с родителями, если бы не стеснялся он в последнее время открыто смотреть на отца и таить легкую досаду на него. Тот смех отца, раскатистый и неприличный смех, который так поразил Толю, потому что смеялся отец вместе с другими мужчинами, рассказывавшими анекдоты, — тот смех, помнится, там, во дворе, вызвал в Толе обиду за отца. Он любил отца, этот голос его, твердый и очень ясный, дикторский, любил запах его папирос и эти короткие, мятыми валенками, окурки в стеклянной пепельнице, а только смех, нечаянно поразивший Толю, все помнилось, все колот уши.

Чтоб не смущаться и теперь, он отогнал мысли об отце и снова стал думать о завтрашнем путешествии, о Наташе и о Вадиме. Как завидовал он Вадиму, бойкости его взгляда, бойкости его речи, как постоянно видел, представлял его щеголеватую фигурку в шортах и в безрукавке с погончиками! И лишь настораживало Толю, что когда они втроем, с Наташей вместе, всегда Вадим какие-то знаки оказывал ему, Толе, всегда старался подчеркнуть его, Толино, превосходство в любой мелочи. И оттого, что Вадим так пронизателен и так верен в дружбе, такие знаки внимания оказывает ему и просит взглядом, чтобы и Наташа смотрела внимательнее на него, Толю, — от всего этого он раздражался и сумрачно думал, что вот и портится у него характер. Да, совсем дурной становится у него характер, и вот он разочарован отцом, смущен верностью друга, а справедливо ли это? Ах, надо быть веселым и беспечным, еще не кончилось московское лето, и завтра втроем они поедут за город, в ту дачную местность, где уже бывали не раз и где на станционной платформе носился на велосипеде незнакомый мальчишка, все ждали поезда, а тут носился угорелый велосипе-

дист, на него посматривали испуганно, и лишь он, Толя, понимал велосипедиста, понимал, что у него необычное какое-то везение в это лето! А потом сиреневую мглу вечера распорол прожектор электрички и освещенная голова Наташи оказалась в нимбе. А потом стояли в переполненном, воскресном вагоне, у всех были опаленные лица, и почти все держали в руках букеты дачных цветов и этим напоминали победителей.

И сейчас, как бы увидев завтрашнюю явь, платформу, дачи среди корабельных сосен и тот домик, вокруг которого по вечерам мелькают летучие мыши, Толя ощутил счастливый озноб оттого, что будет он весь день с Наташей, и дерзко, отчаянно решил, что возьмет и поцелует Наташу. Так было неодолимо это, и так ему снилось приближающееся Наташино лицо, но все это снилось, снилось, а теперь он возьмет и поцелует — и пускай позор после, пускай конец дружбе, конец всему!

Ждал он приключения, невероятного события, и, как только зазвонил телефон, он подумал, что это Наташа, хотя она и не звонила никогда, а передавала просьбы через Вадима, но все должно быть сегодня иначе. Пускай бы позвонила она от туда, с седьмого неба!

— Итак, мы встречаемся у фонтана, — важно сказал Вадим, как будто он тоже безоговорочно принял игру в героев старинного романа, и Толя с улыбкой стал предполагать, какой же это фонтан и где он струится. Во дворе, с трех сторон окруженном семиэтажным камнем, только рощица топей, а с четвертой стороны примыкают теннисные корты и баскетбольная площадка, и никакого фонтана, двор и без того хорош. Мы сами не знаем, насколько прелестны московские дворы. Когда выходишь из дому под звезды, когда стоишь в тополевой рощице с закинутой головой, когда столько освещенных окон перед глазами, то переселяешься в иной мир, покидаешь свой дом и отстраненно смотришь на все, а за каждым окном тайна, какая-то жизнь, и у всех непохожие судьбы, один смеется, а другой плачет, и начинаешь думать о себе, обо всем прожитом. Всегда глубже думаешь о себе и яснее представляешь все, лишь стоит вечером взглянуть на освещенные окна огромного дома.

Но этот фонтан — откуда взяться ему во дворе? И все-таки начиналось какое-то приключение, начиналось с загадки, и вот встречаются они у фонтана, а завтра еще какие-нибудь удивительные события произойдут в том домике, вечернюю тьму вокруг которого стригут летучие мыши...

Он выждал некоторое время, пока сойдут со своих небес Наташа и Вадим, а когда вышел и сам, увидел фонтан и своих друзей у фонтана: прорвало тонкую ветвь трубы, протянувшейся мимо тополевой рощицы для полива кортов и баскетбольной площадки, и белесый кустик влаги бил напористо вверх. От него, от серебристого кустика, лежала на асфальте большая росная тень. Такой маленький кустик — и такая большая тень!

— Гейзер! — крикнул Вадим, перекинул Наташе через плечо фотоаппарат на ремешке и ступил под этот краткий дождик.

— Гейзер — горячий источник! — восхищенно подхватила и Наташа, и Толя видел, что восхищена она не шипящим гейзером, а тем, что Вадим так просто взял и ступил под струю. И Наташа сама выбросила руку ладонью кверху, чтоб ловить дождь.

Было такое мгновение, когда и он хотел ступить, вбирая голову в плечи, в этот искрящийся кустик, но что-то сдержало, а потом было поздно, и с каким разочарованием, с каким сочувствием взглянула на него Наташа прекрасными и отчужденными глазами. О, эта его медлительность, эта боязнь выглядеть смешным! И уже сам себя не любя, страдая от этого Наташиного взгляда, он отстал от друзей на полшага и, чтоб забыть какой-то пустячок, какой-то равнодушный взгляд, подумал с надеждой о завтрашнем дне: там что-нибудь произойдет, за городом, что-нибудь незабываемое, а сначала они долго будут ехать на велосипедах, Наташа попытается вырваться вперед, а они с Вадимом не позволят, они сами будут во главе — то он, то Вадим...

— Ну что ты, Наташа? Я не очень мокрый? — с беспокойством спрашивал Вадим, вымокший, с росой на волосах, и все оборачивался, все взглядывал виновато на него, Толю, словно и его ранил Наташин взгляд и словно он говорил: ну что вы, все правильно, и ведь это глупо — выглядеть мокрым!..

Так надо бы ценить преданность друга, но почему-то раздражало и это. Как безнадежно портится у него характер! И еще он открыл, что вот сейчас ему еще сильнее хотелось коснуться губами ее щеки. И пускай все нарушится после этого! Так, страдая и надеясь, замышляя отчаянный поступок, он шел с Наташей рядом и в то же время отдаленный ею, ее взглядом. И когда смотрел на нее, отмечал стремительную поступь ее, стремительность и порывистость во всей тонкой фигурке, то видел ее по-своему, было у него свое постоянное представление о ней: ну, словно ласточка в полете — вы видели ласточку в небе?

Уже недолго до завтрашнего дня, солнце садилось, и Триумфальные ворота на проспекте, к которым они вышли, были в тени высоких зданий, в тени были чугунные колонны и фигуры ратников, и лишь колесница с крылатой женщиной-богиней озарялась солнцем.

Так с ним бывало всегда: он воображал, загадывал будущую жизнь, и когда Вадим оставил их с Наташей у этих колонн, у этих ратников и навел издали объектив, он подумал про зиму и как придет однажды с катка и вдруг потянется к старым летним фотографиям и увидит чужих каких-то людей: себя, Наташу... Все еще может перемениться до зимы, если так меняется твой характер!

А Вадим перемещал их, примеривался к ним глазом своего аппарата, и всякий раз Наташа вопросительно взглядывала на него, Толю, а он лишь пожимал плечами. Он и взглядом боялся выдать, как ему хорошо замирать перед объективом, сбрасывать оцепенение и опять замирать, и карточки получатся удачные, и всюду, на каждой карточке, они вдвоем, вдвоем!

Щелкнув затвором и отведя аппарат, Вадим подмигивал им двоим, но Толя понимал, что лишь ему, Толе, он подмигивал, подбадривал в эти мгновения, которые останутся навечно запечатленными; но ведь могла понять все это и Наташа, могла какой-нибудь сговор меж ними предположить...

— Ну дайте я вас щелкну, — попросил Толя, чтобы хоть чем-то отплатить дружку за его щедрость, чтоб сгладить, как ему показалось, свою внезапную вину перед Наташей.

— А ему нельзя! Он же мокрый! — сердито обронила она и даже не посмотрела на Вадима, а потом, обернувшись, взглянула вверх — на колесницу с крылатой женщиной, на которую уже тоже пала тень.

И все-таки хотелось бы Толе, чтоб на него вот так рассердилась Наташа, а потом чтоб коснулась рукою волос. И это ничего не значит, если на всех снимках они вдвоем — Толя и Наташа, потому что потом, зимою, когда она будет рассматривать фотографии уже прошлого лета, то будет видеть у Триумфальных ворот себя и рядом беспечного человека в шортах и в безрукавке с погончиками. Совсем другого человека она будет видеть на фотографиях прошлого лета!

И с какой-то обреченностью Толя подумал, что Вадим — необыкновенно счастливый человек и что никакая это не ссора у них с Наташей.

Да вскоре он и убедился в этом: никакая не ссора у них с Наташей.

А сначала все трое вернулись во двор, в топовую рожицу во дворе, и на скамье, где лупой было выжжено кровоточащее сердце, уселись в хмуром молчании, и Толя достал карманные шахматы и принялся расставлять фигурки: с одной стороны березовый лес, а с другой — горелый.

Если тебе везет в жизни, то уж везет во всем, в любом деле. Ты вообще независимый человек, тебе ничего не стоит вымокнуть под фонтаном, ничего не стоит взять и выиграть в шахматы. Они уже столько раз играли в шахматы, и Толя признавал, что приятель играет сильнее, и почему-то сейчас его не волновало, что он опять проигрывает здесь, на скамье, где выжжено кровоточащее сердце, поблизости от возникшего в один день фонтана, проигрывает в присутствии Наташи. Надо смириться, решал Толя, переставляя фигурку, нащупывая маленьким отростком фигурки дырочку на шахматной клетке; надо смириться, решал он, стараясь не замечать Наташи и не встречаться с нею взглядом. Надо смириться, и легче жить, если не встречаешься с Наташей взглядом. Он даже с насмешкой подумал о замышляемом отчаянном поступке — какое все это детство!

Теперь он станет другим, сдержанным, сердце не должно быть таким глупым, кровоточащим, теперь он замкнется в себе, будет книги читать и думать о книгах, теперь он задумчиво станет смотреть на друзей, задумчиво и грустно, как пожилой, разочарованный человек. А там уже недалеко и до зимы, там захватят его коньки и лыжные походы, и так пройдет его беда, и однажды

он достанет фотографии прошлого лета и совсем бестрепетно узнает на них чужих людей и поразится, какое все это далекое и нереальное: тот гейзер во дворе, тот несчастливый день...

Как хотелось ему увидеть себя другим, мужественным человеком! И чтоб однажды зимой Наташа, заинтересованная этим его преображением, остановила его во дворе и, заискивающе глядя прекрасными своими глазами, повела его к скамье, где наледью скрыто кровоточащее сердце, и стала спрашивать, почему он такой странный, неразговорчивый, совсем другой, совсем забыл друзей, а он с горькой полуулыбкой даст понять, что да, теперь зима, теперь другие времена, многое переменилось, и он другой. И когда она, не добившись его благосклонности, устремится прочь, он захочет остановить ее, вернуть, все в нем крикнет по-прежнему: «Наташа!» — но мужество не позволит ему этой слабости. Такой неузнаваемый человек он будет зимой.

И вот, вообразив зиму и свою иную жизнь, он взглянул на Наташу, взглянул... Вы видели ласточку в полете? И все вернулось, встало на свои неизменные места: та же надежда, та же боль, то лицо, которое снилось ему...

А на шахматной доске странная происходила игра, как будто разучился Вадим играть, как будто он тоже о чем-то ином упорно думал и потому так бездарно играл. Толя пристально взглянул на счастливого человека, попытался вернуть его сюда, на шахматную доску, и, когда Вадим в сосредоточенности сделал опять неудачный ход, Толя понял, что приятель упрямо идет к поражению.

— Ну зачем так ходить? — воскликнул он, досадуя на Вадима и не желая легкого выигрыша. — Зачем так ходить? — спросил он еще раз, оскорбленный странной этой щедростью его, непонятным каким-то великодушием.

Как только закончилась партия, Вадим спокойно и ясно взглянул на него и протянул руку над карманной шахматной доской, над выжженным кровоточащим сердцем:

— Поздравляю. Ты лучше стал играть, Толя.

Вот тут-то и скользнула Наташа ладошкой по волосам Вадима — нежно, почти неуловимо. И рассмеялась. И прыгнула к своему подъезду. И оттого, что все она поняла, Толя почувствовал себя оскорбленным еще более.

Он опять с надеждой подумал о зиме — об этом времени без волнений и душевной смуты — и принялся расставлять фигурки, чтоб забыть нынешнее время, совсем забыться. Как хочется стать иным, твердым, независимым! Надо перебороть себя, уже бесповоротно решал он, делая очередной ход и нисколько не заботясь об исходе партии: выигрыш, проигрыш — какая чепуха!

И так, играя и чувствуя себя все время в проигрыше, Толя сидел со склоненной головой над шахматами до тех пор, пока фигурки стали неразличимы, пока не зажглись окна повсюду, отчего стена огромного дома чем-то напомнила шахматную доску: были светлые клетки, были и темные. А там, на седьмом небе, не светило то окно, которое мог отыскать Толя в любом мраке,

и он подумал, что Наташа легла пораньше, чтобы встать пораньше, чтобы весь день потом быть неутомимой, как ласточка, но он обманулся: вскоре Наташа прошла опять по двору, мимо гейзера и направилась на улицу. Может, она не хотела подходить к ним, а может, не заметила, потому что сидели оба тихо, разделенные досадой и размышлениями.

Опять ему мечталось о завтрашнем дне, о поездке на велосипедах за город, мечталось теперь, когда он ждал, ловил взглядом и слухом возвращающуюся с улицы Наташу, и она чуть слышно прошагала мимо тополевой рожицы, мимо гейзера, нет, у гейзера она задержалась, — должно быть, ловила в ладонь шелестящую капель.

И когда вспыхнуло блеклым, лунным каким-то светом то окно, которое светилось для него в любом мраке, он поднялся, и стоял так, и хотел идти в свою пустынную квартиру, и в то же время не хотелось уходить.

Вдруг кто-то затрещал по кустам, кто-то подходил к ним, и Толя, сощурившись в темноте, узнал одноклассника Славку, всегда восторженного, переполненного всяческими новостями. Неугомонный какой-то был этот Славка, и каждый раз упоенно, взхлеб рассказывал друзьям о разных событиях, обо всем.

— Вадька! — всполошенно окликнул Славка. — Я смазал цепь и подтянул. Велик твой хоть куда! Значит, завтра тут, у этой скамеечки?

— Как? — удивился Толя. — И ты с нами?

— Ага! — дружелюбно отозвался Славка. — Вадька дал мне свой велик. Значит, завтра тут, у этой скамеечки?

Должно быть, и в темноте почувствовал Вадим этот требовательный Толин взгляд, уловил это его напряженное дыхание и потому, помявшись, все же отвечал бесстрастно, с деланной зевотой:

— Да, я ведь не смогу с вами. Я должен с отцом за грибами, мы на автобусе. А вот Славка с вами, я ему велосипед свой дал...

«Какой великодушный человек! — раздражаясь мгновенно, подумал Толя. — Ему и велосипед не жалко!» И, представив утро и выпорхнувшую из подъезда Наташу, представив расстроенное Наташино лицо, эти ее просьбы пойти и разбудить Вадима, быть не может, чтобы всех он подвел, Толя подумал, что для нее, Наташи, это будет предательством. И такую неправдою показались ему все его добрые слова, все то, что должно было убедить его, Толю, в дружбе и верности, — такую неправдою показалось ему все это, что он даже вздрогнул от возмущения.

— А знаешь, Вадим, — неожиданно для себя тихо сказал Толя, — я ведь стукну тебя.

И когда Вадим стал горячо убеждать, какой он чудак и слепец, как ни во что не ставит их дружбу, как он еще пожалеет о своих словах, Толя с еще большей решительностью повторил эти слова, такие необычные для него самого, для тех героев старых романов, которым подражал. Словно прорвалось в нем что-то, подобно гейзеру, и он сказал, а потом и повторил эти слова:

— А знаешь, Вадим, я ведь стукну тебя сейчас!..

ПЕСТРАЯ МОЗАИКА СЛЕТА

Самодельный плакатик в окне второго этажа: «Привет ребятам-делегатам!». Автор плаката не очень силен в рисунке, зато свое настроение он передал отлично—прекрасное у него настроение, праздничное! И у всего Ленинграда такое же! Город в дни слета здорово помолодел. И люди помолодели и улицы. По Невскому движутся колонны пионеров. Радиоавтобусы тут рассказывают о ребятах, что проходят мимо, о том, откуда они и чем знамениты. Рядом со строем пионеров старательно вышагивает пожилой гражданин, он изо всех сил держит равнение и вместе с ребятами пробует петь «Взвейтесь кострами, синие ночи!..». Должно быть, он давно был пионером, но сейчас, в эти минуты, он тоже чувствует себя пионером.

На «Авроре» — гости, юные моряки. Бравый нахимовец переговаривается семафорной азбукой с белобрысым моряком из сухопутного города Североуральска. Оба стараются показать класс. Текст такой:

«Видел море?»

«Сто раз во сне».

«Значит, будешь плавать!»

У Смольного выстроилась линейка архангельской делегации. Ребята принесли цветы к памятнику Ильичу. Двое мальчишек подошли к колоннам Смольного — так вот он какой, Ленинский штаб, штаб революции!

Каждый день слета — это тысячи встреч с городом Октября. С его великим военным подвигом. С его людьми. Музеями. Друг с другом.

Каждый день слета — это переплетение множества впечатлений. Как передать все это в рисунке? Я попробовал сделать это вот так. Попробовал передать главное — праздник. Большой, радостный праздник всех пионеров.

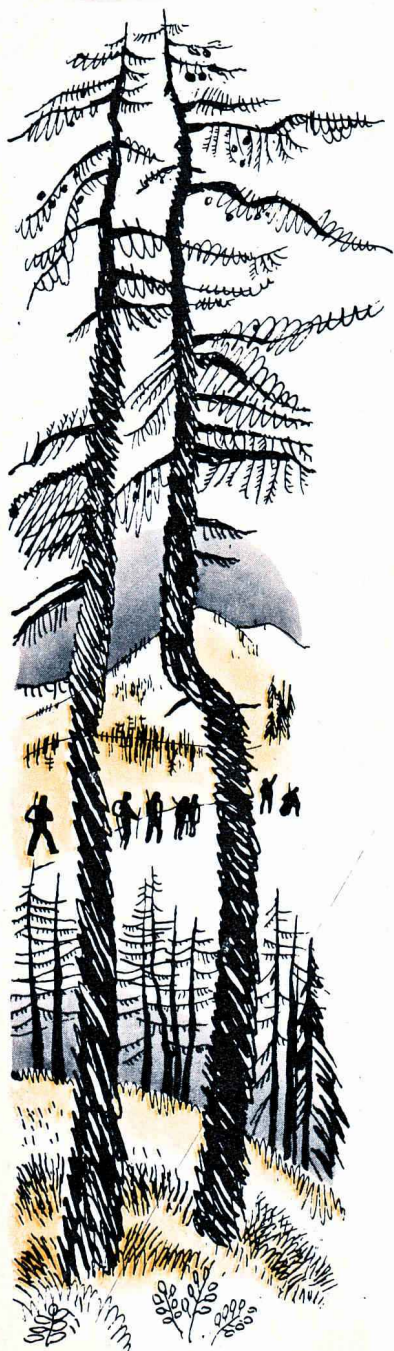
Художник Е. МЕДВЕДЕВ.

АЛЕКСАНДР ТРИФОНОВИЧ ТВАРДОВСКИЙ — это имя знает всякий в нашей стране. Стихи замечательного поэта и вся его жизнь неотделимы от жизни нашей Родины. И, думая об ее успехах и трудностях, мы часто для выражения своих мыслей нечаянно, — тем-то это и прекрасно, — пользуемся строками, которые найдены сердцем и талантом поэта.

Думая о войне, мы непременно вспоминаем созданного поэтом Василия Теркина, словно он живой человек.

Думая о нашей любимой земле, мы вспоминаем нежные и ласковые лирические стихи А. Твардовского, потому что поэт, которого мы сегодня от души поздравляем с шестидесятилетием, — поэт на редкость отзывчивый, душевный и в полном смысле этого слова народный.

А. ТВАРДОВСКИЙ

От Иркутска до Братска

Высоковольтная линия электропередачи Иркутск — Братск вступила в строй.

(Из газет.)

Этот подвиг солдатский —
Он недаром в чести:
От Иркутска до Братска
Ту струну навести
Через горы и пади,
Сквозь тайгу на ура,
Где ни шага, ни пяди
Без дружка-топора,
Без пилы, да мотора,
Да, по сходству с войной,
Тягача-корнедера
И взрывчатки порой;

Тяжкий вывесить провод
Вровень с дикой тайгой
И по линии новой
Ток для стройки другой
На подмогу направить
В срок, что планы велят.

Как не петь их, не славить,
Тех таежных солдат!

Что же за люди это,
Что за мощь, что за стать?
Их в прошедшее лето
Мне случилось встречать.

Той жарой пропеченных
В непривычных местах —
Пареньков и девчонок
В неизменных штанах
И целинных ковбойках,
Горожан и сельчан,
Присмиривших и бойких,
Москвичей и минчан,
Киевлян, ленинградцев
И землячеств иных,

От Иркутска до Братска
Фронт держался на них...
Буреломы да гари,
Лес живой — грудь на

грудь,
Мертвый лес под ногами,
Заграждающий путь.

Духотища лесная,
Будто влез на полкок,
И вода привозная —
Скудный в сутки паек.

И ни срока, ни часа
От нещадной мошки...
Так и строилась трасса
Сквозь тайгу напрямки.

Виды видела обувь,
Все, как было в войну...
Но запомнил особо
Я девчонку одну.

С новой грубой наукой
Плохи вышли дела:
Поврежденную руку
В тыл, как ляльку, несла.

Смесь восторга и боли —
Это было и тут,
Как у всех, что из боя
С легкой раной идут.

Рана — что же дивиться:
Рана в деле — почет,
И возможность отмыться,
Отоспаться не в счет.

И по сходному праву
Та девчонка-солдат,
Ну, почти что со славой —
Из тайги — на Арбат.

Впереди телеграмма,
Следом поезд прямой.
Вот и папа и мама,
И мошки никакой.

Благодать, не поспоришь.
Но сегодня, гляди,
Вдруг затлеется горечь
У девчонки в груди.

— Вот до нынешней цели,
До победного дня
Там дошли. Одолели
Все труды — без меня...

И утратой немалою
Та покажется даль.

Даже папа и мама
Тут помогут едва ль.

(Стихотворение
неизвестного бойца)

*
Как после мартовских метелей,
Свежи, прозрачны и легки,
В апреле
Вдруг порозовели
По-вербному березняки.

Весенним заморозком чутким
Подсушен и взбодрен лесок.
Еще одни, другие сутки —
И пол корой проснется сок.

И зимний пень березовый
Нальется пеной розовой.

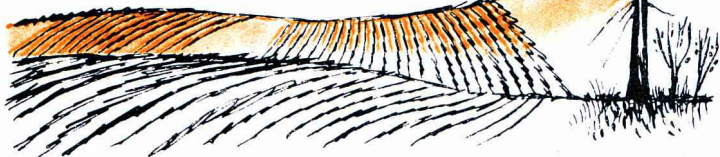
*
...И жаворонок, сверлящий небо
В трепещущей голубизне,
Себе и миру на потребу
Оповещает о весне.

Все как тогда. И колокольня
Вдали обозначает даль,
Окрест лежащую раздольно,
И только нету сумки школьной,
Да мне сапог почти не жаль —

Не то что прежних, береженных,
Уже чиненных не впервой
Моих заветных сапожонок,
Водой губимых снеговой.

Ласточка, в траншейной нише
Ты с весны у нас жила,
Не найдя родимой крыши
На пожарище села.

Легкая в дому жиличка,
Скоро мы вперед уйдем,
Скучно тебе будет, птичка,
Прилетать в затихший дом.

*
Запас огня, залог тепла,
Она одна при мне была.

Одна в просторном коробке,
Как в горнице сухой.
Одна во всей глухой тайге.
Зажги — и нет другой.

Застыла коробом шинель,
Метет за воротом метель.

Вторую ночь в лесу встречай —
Той ночи нет конца.
Ну, спичка, спичка, выручай,
Не подведи бойца.

И чует жесткая ладонь,
Что уцелел под ней огонь.

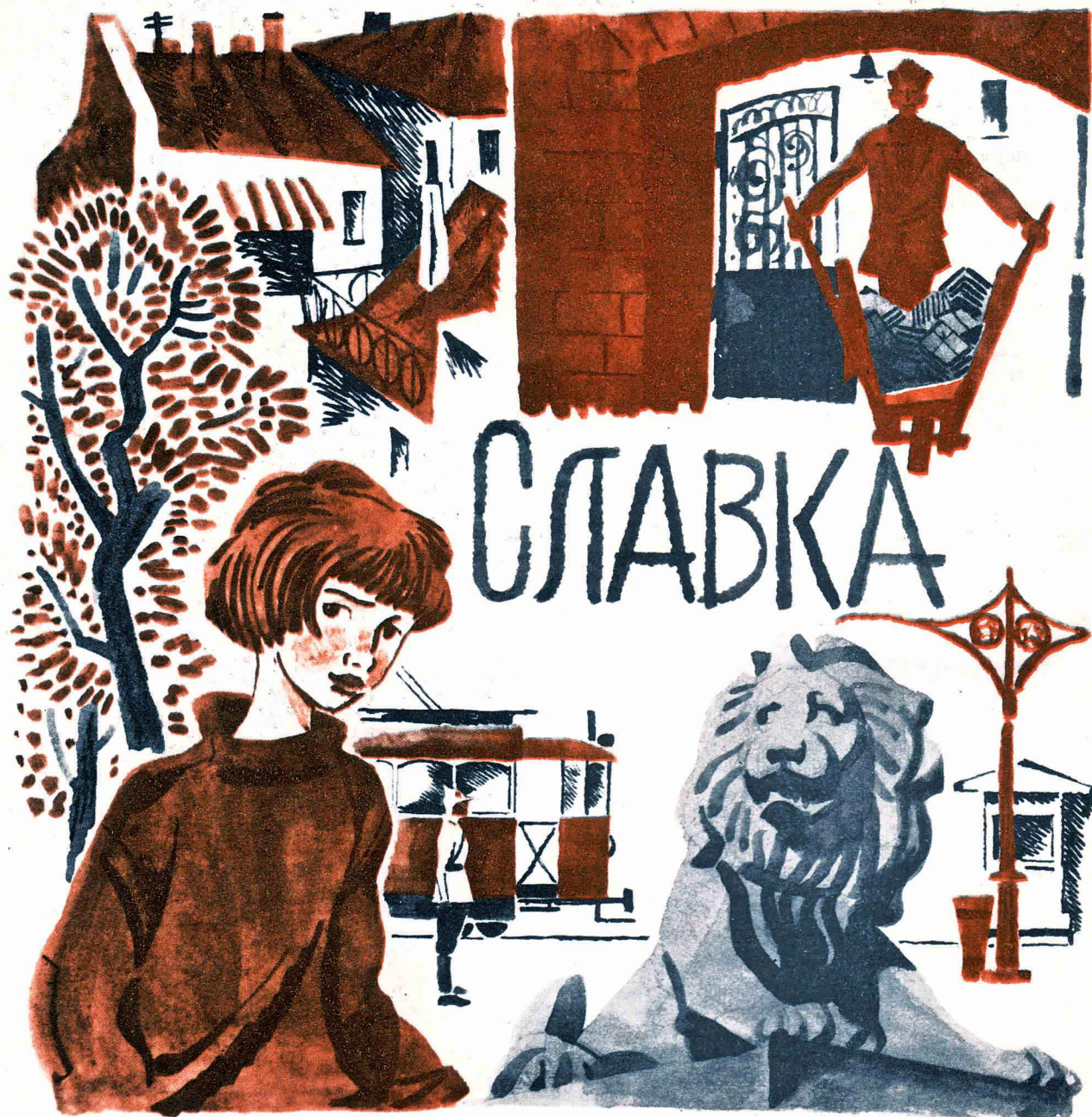
И завились, как червячки,
Сучки — сушь пучок.
Трещат, как спелые стручки,
Стреляют в кожу щек.

Дымком повитое тепло
Под рукава ползком зашло.

Разута правая нога.
Что ночь, что холод мне!
Вот как бывает дорога
И спичка на войне!

*
Я знаю, никакой моей вины
В том, что другие не пришли с войны.
В том, что они — кто старше, кто моложе —
Остались там, и не о том же речь,
Что я их мог, но не сумел сберечь, —
Речь не о том, но все же, все же, все же...

И. АНДРЕЕВА

МАЛЕНЬКАЯ ПОВЕСТЬ

Петя пришел

К вечеру Славка так обалдевала от суматошной дворовой жизни, что до кровати добредала с трудом. За день ступени выросли, лестница делалась круче, Славка то и дело спотыкалась, а когда вспоминала, что еще ноги придется мыть, просто реветь хотелось. И каждый раз она надеялась: а вдруг что-нибудь случится, вдруг мама забудет.

Дверь к вечеру тоже уставала открываться и

долго не поддавалась Славкиному натиску. И так странен, так оглушающ был переход от дня, наполненного шумом, беспорядочной беготней, выкриками: «Штандер!», «Чур не я!», «Сама дура!..», «Замри!» — к вечерней комнате, освещенной тишайшим светом настольной лампы.

Еще от двери она видела маму у стола под лампой — сначала затылок ее с двумя косичками, скрепленными заколкой. И улавливала кисленький запах красных чернил.

Мама была учительницей-отличницей.

На минутку она выныривала из тетрадных водоворотов и переводила дыхание. Потом вся она

улыбалась Славке, а теплая мамина ладонь обегала Славкины щеки. Мама говорила озабоченно: «Избегалась, похудела, дуреха! А я тебе сказки Римуса принесла. Ну, ложись скорей, одеяло я потом подоткну».

Теперь Славка была в безопасности. Из обшлага носков она осторожно доставала травинку и укладывала под подушку ее бессильное тельце. Это была не просто травинка, а еще и пароль завтрашнего дня, потому что каждого выходящего во двор девчонки встречали криком: «Не рвать, не брать — вашу зелень показать!»

Рывком Славка стягивала носки, и бросалась в простыни, и замирала, а тело ее гудело, остывая от движения. Лампа начинала щетиниться лучами. Они удлинялись.

Мама шептала что-то тихонечко, так что до Славки долетали иногда отдельные слова, а иногда даже фразы: «Ах, Лилька, Лилька!.. «О» подчеркиваем... Дверь захлопнет очень ловко что такое мышеловка...»

Чем непонятней, тем интересней.

Комната отходила ко сну. И только когда под балконом проходил трамвай, она вздрагивала, наполнялась стремительным, звенящим светом. И так же быстро свет этот стекал в приоткрытую балконную дверь на улицу.

В тот вечер Славка еще сидела на кровати с носком в руках. Вошла мама. За руку она вела худого, очень длинного человека. Они подошли к Славке. И Славка знала, что вот сейчас он спросит: «А сколько тебе лет?» Или если это знакомый, начнет ахать, как она выросла, а потом спросит, где это она зуб потеряла...

Но человек наклонился к ней, подержал в ладонях сразу зазямшую Славкину ногу, коротко подержал и отпустил. И сказал:

— Здравствуй, гусь лапчатый! Меня зовут Петя. А ты можешь называть меня Петя или папа, как хочешь, потому что я теперь у вас буду жить: с тобой и с мамой. Так что придется нам привыкать.

Он повернулся к маме и подмигнул: «Вот и все, наверное». И засмеялся. И так много у него оказалось зубов, и такое грохочущее «р-р-р», и такими твердыми были все слова (он говорил «что» и «потому что» — ни мама, ни Славка так не говорили). Славке показалось, что он разгрызает слова, как орехи. В тот вечер она уснула не сразу. Она лежала и думала: «Почему «гусь»? почему «лапчатый»? и какой же он «Петя»?»

Но чем-то этот Петя ей понравился.

«Айда за папиросами!»

А наутро... Что за веселая жизнь началась наутро! Петя привез на тачке очень много книг. Среди них были такие толстые, что на книге можно было сидеть, как на скамеечке.

Петя объяснил Славке, что он казак и еще историк. И во всех этих книгах написана его история — родословная.

Пачки книг громоздились на столах, на подоконнике, прямо на полу. И Славка могла совершать на них «горные восхождения».

В ящик письменного стола Петя затолкал две рубашки, совершенно одинаковые — черные, с круглым воротничком и три белые пуговицы — сбоку. И точно такая же рубаха была на нем.

Потом Славка держала молоток, а Петя вбил на балконе огромный гвоздь. И они повесили на этот гвоздь связку лука. А когда пришло время обеда, он столкнул со стола книги прямо на пол (Славка взвизгнула от восторга — такой грохот пошел). Они налили в миску томатный сок из трехлитровой бутылки, резали лук кружочками, сверху полили подсолнечным маслом. И каждый взял в руки по огромной горбушке хлеба. Славка опускалась в нее лицом: языком давила она сладкий мякиш, носом вбирала подгорелый запах корки.

В жизни ничего вкуснее Славка не ела!

За обедом она рассказала Пете, что у нее есть подружка Эмка, а Веточка — ябеда, ее никто не любит, и что она никак не может придумать имя для новой куклы. И Петя придумал имя смуглое, как луковые шкурки, — Дели. А потом сказал ей совсем так, как большие парни говорили пацанам в их дворе:

— Слушай, пока я тут порядок наведу, слетай-ка за папиросами.

И Славка задохнулась от готовности бежать. Хотя мама категорически не разрешала ей выходить на улицу, она знала табачный киоск на углу Старопочтовой.

Мысленно она уже бежала: через двор, мимо витрины часовщика, за которой, как в рамке, сидел маленький человечек в черной круглой шапочке и с черной трубочкой на глазу. Эмка уверяла, что у всех часовщиков один глаз устроен так, что может выдвигаться вроде подзорной трубы. Мимо булочной и серебряной будочки «Мороженое» — на угол Старопочтовой.

Славка сначала все представляла про себя, а потом иногда забывала сделать это по-настоящему, считала, что сделала, и очень обижалась, когда ее ругали. Но на этот раз, сама испугавшись своей медлительности, она ударилась в дверь коленями и локтями, испуганно промчалась коридором, вылетела на кухню... И тут ее поймал Петя:

— А деньги-то, деньги возьми! Папиросы «Дели», не забудешь? Две пачки. На сдачу ирисок себе купи.

И Славка запрыгала через ступеньку, через две, пронеслась мимо девчонок, крикнув им на бегу:

— Айда за папиросами! — И представила, как они обомлеют.

Пропустила она витрину часовщика и, может быть, чуть замедлила шаги, поравнявшись с будочкой мороженого.

Что это была за будочка! И как завидовали они тетеньке, что сидела за стеклом в окружении

Вечером двор наполнялся людьми, он звучал пестро и разногласно, как детская погремучка.

серебряных бидонов! Любая девчонка с их двора отдала бы что угодно, только бы поменяться с ней на одну минуточку. А она не ценила своего счастья: целый день лущила подсолнухи да перевертывала страницы растрепанной книжки. И семечная шелуха попадала даже в тарелку с кружевными вафлями.

Сколько раз Эмка и Славка убежали со двора, и прятались в подъезде напротив, и смотрели на нее, меняя наблюдательный пост, когда будочку заслонял покупатель!

Как завидовали они покупателям, когда тетенька локтем отодвигала книгу, сонными пальцами выбирала из тарелки вафлю с вашим име-

нем — «Люба», «Вера», «Вова» было написано на прекрасных этих вафлях — и закладывала ее на дно круглой металлической коробочки.

Ложкой накладывала она в коробочку мороженое, самой обыкновенной ложкой, и выравнивала, и заглаживала края, поочередно опуская ложку то в бидон, а то в банку с водой. Налепив сверху кругляшок вафли, она ладонью поддевала снизу палочку, так что колесико мороженого высвобождалось из коробочки. И тут берешь его двумя пальцами осторожно, как бабочку...

Но попадались и такие покупатели, которые просто надавливали на вафли зубами, и они ломались с слабым хрустом, а белые комочки мо-

роженого выскальзывали на тротуар и таяли, таяли неудержимо.

Двумя пальцами за самую серединочку надо держать это хрупкое колесико и медленно провести им по языку — на языке останется сладкий, обжигающий след. А потом его можно прокатить по языку много-много раз, пока у вас в руках не останутся только вафли с собственным вашим именем, оттиснутым сразу с обеих сторон.

Нет, не остановилась Славка у мороженого. Она шла, сосредоточенная на важности поручения, крепко прижимая к груди две пачки папирос.

У Славкиного парадного девочки играли в магазин. Они посмотрели на Славку и вышли из игры.

— А у Славки отчим теперь... — сказала Веточка. Рот у нее сделался кислым, как будто отчим — это болезнь вроде чесотки.

— Пьющий отчим-то? — озабоченно поинтересовалась Нюська. — Драть теперь будет, наверное. И мамка не поможет. Ремень какой носит — широкий, с пряжкой?

— И никакой не отчим, просто Петя, — сказала Славка. И скорее пошла от них наверх.

В комнате бродил все тот же прекрасный кавардак, а Петя за столом писал что-то. Славка положила папиросы на край стола и копеечки все от ладони отлепила. Петя, не глядя, рукой нащарил коробку, оторвал уголок, щелчком выбил папиросину. Славка глядела, как щеки у него сначала втягиваются, а когда он выпускает дым, голова закидывается кверху. Она заглядывала ему в лицо, и ждала, и искала чего-то, пока Петя не посмотрел на нее. Он поворошил ее коротенькие, неровно остриженные волосы.

— Смешной человек ты, соломенная крыша! И не куришь и присок не уважаешь. Или все-таки уважаешь? Иди во дворе погуляй, мне работать надо.

На всякий случай Славка еще глазами поискала: какой Петя ремень носит, с пряжкой? И с облегчением увидела на нем подтяжки.

Она свалилась во двор с криком: «Чур не я! Айда в прятки! Пошли считать: «На золотом крыльце сидели...»

Ей хотелось двигаться, бегать, кричать.

Про наш двор

Вот я снова ныряю из душной темноты подъезда, пропахшей борщом и перцем, в наш двор. Я лечу в этот гигантский куб золотого и синего летнего дня. Замощенный асфальтом, облицованный штукатуркой куб, не оставивший нам ни пятачка живой, теплой земли, ни травинки. Может быть, потому мы так судорожно засовывали в носки, сандалии, карманы пучки трав, листья, мы сосали белые сладкие цветы акации, и про-

хладно покачивались у щек первые рогульки черешен.

Не было голубей в нашем небе — только всплески простынь и маек над головой да крики из окон: «Я тебе побегая, босяк чертов! Я тебе сейчас все уши оборву!»

Но это был наш двор. Мы здесь жили. Мы расчертили его классиками и рожицами. И стены дома облуплены ударами наших неистовых мячей и хранят следы наших сложных отношений.

Мы давно уже снова ходим с Эмкой, обнявшись, по квадрату двора, несчетное число раз ходим, и шепчем свои секреты, и тихо смеемся, а в нашем парадном все еще смотрит со стены мерзкая рожа, под которой предательская Эмкина рука накорябала мое имя.

Целый день двор был отдан в наше распоряжение, но играли мы нехотя, лениво, легко ссорились. Только к вечеру овладевала нами отчаянная жажда игры, которую раздували мамини призывные голоса.

Вечером двор наполнялся людьми, он звучал пестро и разноголосно, как детская погремушка. Прямо на подоконники выставлялись патефоны. Музыка сочилась во двор, как фарш из мясорубки. Но мы не слышали ее, так же как не слышали стука домино о деревянный стол, который по вечерам захватывали взрослые.

В крытой подворотне, соединявшей наш двор с улицей, касаясь плечами друг друга, стояли взрослые парни. А вокруг них, ожидая приказаний и смеясь особенно громко, вертелись пацаны помладше, те самые, которым говорили: «Ну-ка, кореш, сбегай за папиросами!»

Как у каждого двора, у нас была своя гордость, тщеславие, свои достопримечательности. Мы гордились тем, что среди нас живет Юрка с редкой болезнью «астма» и девочка Циля, самая красивая, по крайней мере на три соседних дома. А из четвертого подъезда вместе с сумерками спускается блатной своей походочкой «Кольцовский царь», Васька-вор. Все мы побаивались его, но носили в себе этот страх как знак особого достоинства.

И все мы — девчонки, и Юрка со сложной болезнью «астма», и красавица Циля, и Васька-вор, — все мы были как-то связаны между собой, потому что были жителями одного замкнутого мира — нашего двора.

Ой, я чуть не забыла про дощатую дверь в левом углу двора, которая вела в галерею сараев, в темную бесконечность, опечатанную множеством тяжелых замков!

Играешь, бывало, в «войну», случайно залетишь со свету в клубящуюся темноту, а оба конца коридора теряются в сыром мраке. И так страшно делается, и пятишься, и пятишься, и выскокиваешь поскорей обратно. Эта облезлая, щелястая дверь казалась нам мрачной и таинственной, ведущей к опасностям и приключениям. Она напоминала о пещере, где потерялись Бекки и Том Сойер. Тем более что когда мы отправлялись в сарай, надо было брать коробок спичек и салютную свечу.

Сорвиголова!

Мама все время мерзла. По вечерам она забивалась в уголок дивана и куталась в шерстяной платок. Балконную дверь закрыли. Акация облетела, но ствол ее стоял широко и крепко, как слоновья нога.

Славка с Петей взяли два ведра, толстую свечку, коробок спичек и пошли в сарай. Распахнули дверь — и темнота отбежала от порожка. И было совсем не страшно, потому что впереди шагал Петя. Он шел угольным коридором, по бокам его сопровождали угольно-черные тени, такие длинные, что они не умещались на стенках и сползали на пол. А Петя распевал:

Храбрые казаки,
В деле удалцы,
Гнаться ль, биться в драке
Прямо молодцы.

Это была казацкая песня. Петя вычитал ее в одной толстой книжке, а мотив они со Славкой сами придумали. Славка подтянула:

На коня взлетая,
Тронув удила,
Жизнь, как наживная,
Нипочем пошла.

Всюду — в ров, с утеса,
На утес из рва,
По воде, по лесу
Сорвиголова!

Вдруг Петя остановился.

— Каждый раз я забываю, какой сарай наш — пятый или шестой. Давай метку поставим? У нас в станице все метили: арбузы, дыни на бахчах, кур... Вот и мы себе нарисуем.

Он подобрал на полу кусок угля, высоко поджиг свечку и нарисовал на двери знак +.

В сарае Славка увидела свою старую куклу без головы и без ног. И к ней вернулось чувство жалости, с которым она прижимала к себе куклу и приговаривала: «Бедный мальчик, без ноги!..» И помятую кастрюлю она узнала и чайник без ручки.

Совсем иначе оглядела Славка черную каморку и ее гигантских черных стражей, волнующихся по стенам. Здесь находили пристанище вещи отжившие, ненужные, может быть, им стыдно было, что они такие никому не нужные, и они прятались в темноте.

За горой угля торчала деревянная перекладина. Славка потянула ее к себе и даже закричала от радости:

— Санки! Это ж мои санки! Как давно я на санках не каталась!

Петя с грохотом бросал в ведра уголь. Славке казалось, он ничего не слышит, а он сказал:

— Санки возьмем с собой. Поставим на кухне. Увидишь, зима придет быстрее.

И еще сказал:

— А у нас дома в сарае по стенкам гнезда ос висели. Никогда не видела? Они красивые, как амфоры. И весной сарай гудел от ос. А меня они

признавали: я там от мамы прятался. И свет на книжку ложился полосками, через щели... Очень светло было, но полосочками... Как бы тебе это объяснить?

Зима пришла очень скоро. Ворвалась в город, заметалась, закружилась по улицам снежными метелями. Даже трамвайные пути перемело. И красные, громкоголосые трамваи стояли, уткнувшись друг в друга, вдоль всей Старопочтовой по брюхо в снегу.

Петя возвращался из школы вечером с зазябыми, красными руками, — перчаток он нарочно не носил. Он засовывал руки под мышки, бегал по комнате, согреваясь, напевал.

А мама сердилась почему-то:

— Замолчи, пожалуйста, ради бога! Просто ножом по стеклу... Хлеба, между прочим, дома нет.

Петя брал ее за концы платка, притягивал к себе и уговаривал:

— Будет, все будет, честное слово! Пошли лучше с нами на саночках кататься. Слушай, а ты без психологии на саночках кататься умеешь?

Славка твердила про себя: «Улыбнись же, ну, улыбнись!»

Но мама хмурилась, отбирала платок и только глубже погружалась в него. А Петя и Славка переглядывались, хватали санки и выскакивали на улицу, смеясь и подталкивая друг друга. А санки грохотали за ними по ступеням.

Все переулки на другой, четной стороне Старопочтовой сбегали к Дону. Они выгибались, как спины огромных рыб.

Когда Петя первый раз подвел Славку к этому спуску и предложил прокатиться, она ужасно струсилась. Ей и подумать было страшно, как она одна должна будет взбираться по скользким, обледеневшим булыжинам, в глубокой тьме, боясь повернуть голову...

— Ну, что такое «темно», подумай — пусто! — Петя горстью загребал темный морозный воздух и заставлял Славку потрогать. — Видишь, ничего. И выходит, ты это «ничего» боишься?

И он рассказывал ей о казаках, какие замечательные они были разведчики: врага находили по следу. Так и шли по следам французов, и все намерения их по следам читали. Это называлось «ходить по сакме».

— Внизу у нас будет французский лагерь, а ты казачий эскадрон, ты будешь «ходить по сакме» и доложишь в штаб все, что увидишь и услышишь. Они сейчас там коней расседлали, костер разожгли... Штаб — это я. Ледышку мне с самого низа принесешь. Ну, по коням!

А Славка слушала и не слышала, а только представляла, как она будет взбираться на гору и торопиться, а темнота будет нагонять, дотрагиваясь до затылка, и голову повернуть страшно, а санки будут бить ее по ногам... И она твердо знала, что не хочет ходить на санках, и французов не хочет, и штаб не хочет!

— А иначе дружба врозь. С трусами я не дружу! — говорил Петя, нетерпеливо подталкивая санки концом ботинка.

*Иногда они мечтали о том,
как поедут в Петину станицу...*

Этого Славка слышать не могла. С отчаянием она шлепнулась на санки животом, и тут же они сорвались с места и оборвались вниз, а снег и ветер визжали, ревели, носились вокруг. Колючие кусочки льда и снега впивались Славке в щеки, и она боялась пошевелиться, не смела даже спрятать лицо в рукава.

Страх отпускал ее только тогда, когда она начинала различать вверху, у себя над головой, слабый огонек папиросы и Петин голос говорил: «Ну, вот это сорвиголова! Вот это молодец!»

Потом они медленно шли вдоль улицы к зданию банка, который сторожили два замерших холодных льва с серыми гривами. И по дороге Петя объяснял Славке, что человек должен быть монолитным, из целого куска, без всякой там психологии. Он должен выращивать себя, как кристаллы выращивают себя, в этом вся штука. Вот, например, Славкина медлительность — с ней уже сейчас надо бороться, надо уроки себя задавать по часам. Надо заставлять себя делать то, что не любишь. Сало есть. Да, да, не любишь, а есть. Все можно воспитать в себе и сделать привычкой. А ты темноты боишься!

Иногда они мечтали о том, как поедут в Петину станицу, ботинки разденут обязательно на станции, повесят через плечо и пойдут прямо по пыли, по траве босиком. Но Петя сказал, что случится это не раньше, чем он напишет свою брошюру о донских казаках в 1812 году. Слово «брошюра» не нравилось Славке, оно было жесткое, как спинка майского жука. Но так Петя сказал, а Славка знала, что слово у него очень твердое.

Они шли. И санки послушно шли за ними, как собака. Рукавами они касались друг друга — оба держались за веревочку. Славка тоже перестала носить варежки, как Петя. Она затолкала их за сундук в коридоре. Сначала он спрашивал, почему без варежек, а потом и спрашивать перестал.

Веревка была колючая от намерзшего снега, рука замерзала так, что Славке казалось, никогда она не сможет разогнуть пальцы. Но убрать руку в карман она не могла.

Они подходили ко львам. Петя подсаживал Славку, она взбиралась верхом на спину льва, счищала с него снег, и гладила, и тормозила его. Ей казалось, что это про нее, про Славку, поется в песне: «На коня взлетая, тронув удила...» И так ей было хорошо!

Потом они бежали в булочную погреться. Зимой Старопочтовая замирала: будочки стояли, неразлично залепленные снегом, уходили в тепло лоточки. Только окна булочной светились. И стоило приоткрыть дверь — теплый запах хлеба распускался на морозе.

Петя не любил носить хлеб в руках, поэтому они покупали булки и непослушными пальцами, с трудом заталкивали их в карманы пальто

От булочной до дома рукой подать, невольно они убыстряли шаги.

— А мама уже чайник поставила, нас высматривает. Ты помогай ей, между прочим, Славка, она скоро маленького ждет.

Славка давно уже о чем-то таком догадывалась. Еще когда мама стала конверт вышивать синими крестиками. В ряду других крестиков пять Славкиных есть, пять синих звездочек на оранжевом поле. Но Славка большого значения этому не придавала. Вышила — и все. И слова Петины она мимо ушей пропустила.

Пусть маленький. Не ждала для себя Славка от этого нового человека никаких неприятностей. И радостей больших не ждала. Вообще его не ждала.

Славка отказывается быть свидетелем

В эту зиму она прочла Буратино. Сама! И так захотелось Славке сделать кукольный театр. Она даже придумала, как его сделать. Если на стул поставить перевернутый стул, чтоб все его четыре ножки торчали вверх, и повесить эти ножки старой простыней, получится сцена.

Только Славка взяла в руки мишку и хотела начать представление, дверь открылась, пропуская Петю. Он шел с большим оранжевым свертком в руках. Руки у него были неестественно высоко подняты — сейчас пустится танцевать лезгинку. За ним шла мама и еще две соседки. И все улыбались, как на демонстрации.

Сверток положили на диван, развернули — Славка протиснулась к самому дивану, — и там оказался очень вертлявый человечек, красненький и лысый, ноги у него были сильно согнуты в коленках, и он все время выбрасывал их вперед, и головой вертел, и рот разевал — сейчас зевнет, — и никаких зубов у него не было.

Славка потихоньку забрала мамину руку. Рука пахла мылом. Но мама поскорей руку выдернула и закричала: «Ну вот, сейчас простудится, сейчас чихнет!» И стала этого поскорей в пеленки завертывать.

Подумаешь, чихнет!

Спектакль был безнадежно испорчен, играть не хотелось. Да и жизнь, как вскоре выяснилось, тоже. Разве это жизнь?

— Не топай, Павлик спит.

— Покачай, Павлик не спит.

— Оторвись от книги, Славка, посмотри, какие у нас персиковые щечки.

И всему радуются, как маленькие: голову поднял — ах, какая радость! Улыбнулся пустым своим ртом — они прямо хохочут.

— Ты теперь с ним и с ним, — сказала Славка маме как-то вечером. — Со мной никогда не бываешь.

— Но он же маленький, Славка! — удивилась мама. И по голосу ее, по тому, как сказала она «ма-а-ленький», будто покачала, Славка поняла, что так теперь будет всегда.

Они и гулять теперь ходили втроем. Была весна, и солнце заливалось всюю, а мама напя-

ливалась на Павлика сто шарфов. Он лежал в коляске толстый, неповоротливый, щекастый. Только глаза тарашил. А глаза у него ненормальные какие-то, как у собаки в сказке «Огниво» — с мельничное колесо.

Он еще никаких слов не понимал, а Петя рассказывал ему про казаков и разные истории. Славка тащила сзади. «Глуп, как пуп!» — мстительно думала она про себя. Она нарочно отставала.

А еще Петя придумал: каждый день он дарил ему что-нибудь. Один раз звезды подарил. Так и сказал:

— Я тебе все звезды дарю и луну в придачу. Можешь с ней делать, что хочешь. Хочешь — съешь, как пряник, я тебя подсажу. Или, знаешь, пусть лучше висит, а ты будешь знать, что она твоя. Ну, а если кто засомневается, Славка подтвердит. Ты теперь, Славка, очень важное лицо — свидетель.

Он своему Павлику и «брошюру» подарил, сказал, что ему про казаков напишет. И Старопочтовую.

Как будто это Павлик часами простаивал у будочки с мороженым и разглядывал в витрине часовщика, как будто он знает, какой двор проходной, а какой нет, и где растет шелковица, и разве с ним здороваются лоточник, продавая ириски. Павлика и ноги еще на Старопочтовой не было, а Славка обошла и обежала ее из конца в конец, может быть, тысячу раз!

Она сразу вспомнила, как в прошлом году Старопочтовую чинили, женщины в толстых ватных брюках лопатами раскидывали густую черную кашу и вся улица дымилась горячо, дымилась даже после того, как тяжеленный каток придавил и разгладил горячее месиво. Черная река асфальта вплотную подошла к их воротам, и тогда Славка и Эмка потихоньку поставили свои ноги на краешек черной реки. Одной ногой они стояли на планке ворот, вцепившись в ворота двумя руками каждая со своей стороны, а одну ногу осторожно поставили на асфальт — и сделали отпечатки. Так и остались у самых ворот два смутных следочка, как оспинки у плеча, — метка их дружбы.

Но когда Петя и львов Славкиных Павлику отдал, она решила, что больше с ними никогда гулять не пойдет.

Петя поднял Павлика на вытянутых руках и посадил его верхом. Летом камень теплеет, львы оживали. А он прямо вцепился в гриву всеми десятью пальцами. И глаза у него сделались круглые и прозрачные — сейчас потекут. Он боялся, это сразу было видно. Он прямо свалился в Петины руки.

А Петя еще говорил:

— Молодец, не подвел! Если бы ты каких-то там львов испугался, я б ударил тебя, честное слово. А теперь они твои.

Теперь, когда они собирались на прогулку, Славка старалась удрать во двор или говорила, что у нее голова болит.

— Как болит? Колет, режет, ноет, как? — допытывался Петя.

А к вечеру Павлик заболел...

— А вам что за дело? Я же не ваша дочь, — сказала Славка. Презрительно, твердо сказала «что». Совсем как Петя.

И слушать больше не стала, что они пойдут на Дон, что там акации. Идите, на здоровье! Пусть Петя своему сыночку и Дон подарит и все акации в мире — весь земной шар! Только без свидетелей. Не будет она свидетелем. И пусть дарит. Все равно этого никто не узнает.

Неудавшийся побег

Весной к Славкиным обязанностям прибавилась еще одна: ходить в молочную кухню. Дом этот, напротив трамвайной остановки, казался слепым: все окна его были затянуты марлей. Там

всегда было много народу, длинная очередь тянулась к окошку, где выдавали бутылочки.

Звякая бутылочками, Славка вышла на крыльцо. Домой идти не хотелось. С девочками ей почему-то стыдно стало играть. Даже с Эмкой. Так было уже, когда Славка болела коклюшем. Мама выводила ее и оставляла у парадного. И она так и стояла весь день одна, никто не подходил к ней, а мальчишки, пробегая мимо, орали: «Эй ты, коклюшная!»

Славка свернула за угол и пошла вниз, к Дону. Солнце наполняло улицу нестерпимым светом. Булыжны отсвечивали синим. И, раздвигая, расталкивая их, пробивались сильные стрелки травы. Воздух был прозрачный и настоенный, как первый ледок, готовый зазвенеть и расколоться от взмаха птичьего крыла, от первого крика.

И тут прозвучал рожок.

Оглянувшись, Славка увидела керосинщика. Он стоял рядом с телегой, над которой горбилась красная бочка. Закинув голову, он дул в жестяной рожок.

Он был в выцветшем серо-буром балахоне, топорщившемся вокруг его тела. Откиннутый капюшон собрался на плечах вроде воротника. Он засунул рожок за пояс и медленно пошел вниз. Славке показалось: балахон понес его вниз. А рядом с ним лошадка так ловко, так игрушечно переставляла ноги со светлой бахромкой ниже колен.

Славка пропустила их немножко, а потом помчалась догонять. Лошадка была рыженькая, застенчивая такая. На голове у нее надета шапочка вроде панамки с дырочками для ушей. А из-под шапочки почти на глаза падала челочка. Славка косилась на лошадь, лошадь — на Славку. И мысленно она назвала ее Маргариткой.

Славка подумала, что теперь она пойдет, пойдет за Маргариткой, а к ним никогда не вернется. Она будет дружить с Маргариткой, будет расчесывать ее челочку, гладить теплые опадающие бока.

Славка пыталась идти с Маргариткой в ногу, но у нее никак не получалось.

А керосинщик свернул в переулок и снова вытащил рожок. И этим рожком он стал выманивать из домов женщин. Они выбегали красные, распаренные, прямо от примусов, на ходу вытирая руки о фартуки и юбки. Они окружали телегу со всех сторон, оттесняли Славку. Желтая струя тяжело ударялась о донца. Звенели бидоны и ведра. И женщины, оглушенные примусами, кричали прямо-таки оглушительно.

Маргаритка вздрагивала всей кожей. И телега тоже вздрагивала. Керосинщик кричал желтым, прокуренным голосом: «Тпруу, холява!»

Потом женщины разбежались. Керосинщик причмокнул губами: «Но!» И мостовая загремела, как тысяча оркестров сразу. Маргаритка помахивала головой в такт шагам, будто раскланивалась после удачного циркового представления.

А Славка шла за ними, раскинув руки. Она приподнялась на цыпочки и старалась ступать воздушно и по одной линии, как будто скользит по канату. И тоже кивала головой. И бутылочки согласно позвякивали у нее в сумке.

Они с Маргариткой — известные цирковые артистки. И вот сейчас из всех окон посыплются к их ногам на мостовую пятаки и копейки, завернутые в уголки газет.

Ей казалось, она путешествует очень давно. Тысячи улиц и дворов отделяют Славку от дома. Впервые она увидела, сколько дворов в их городе и какие все разные. Они проезжали дворик маленький и чисто выметенный, как комнатка. У крылечка стоял фикус. Прямо во дворе была плита, и женщина помещивала что-то, напевая.

Они проезжали целые галереи дворов, соединенные друг с другом бесконечными переходами. Множество ребят заполняло их: играли в «классики», в «трешечки», в «войну», «чижа».

И у всех подъездов и подворотен на скамеечках, табуретках и прямо на ступеньках сидели старухи, подставив себя солнцу, положив на палки сухонькие, дремлющие руки, похожие на ящериц. А молодые женщины, небрежно одетые, в туфлях на босу ногу, качали и ласкали детей.

Славка рада была потеряться, она совсем забыла о Пете, о Павлике, о доме. Но когда керосинщик достал из кармана балахона ломоть хлеба и стал жевать на ходу, она поняла, что хочет есть, что у нее устали ноги. И испугалась возвращения, которое придвинулось к ней вплотную.

Где-то совсем рядом громыкала трамваями Старопочтовая.

Петя ничего Славке не сказал: отобрал бутылочки и стал разогревать на плитке кашу. И не спросил, где она была.

А к вечеру Павлик заболел. Он выбрасывал от себя ноги, словно хотел отогнать боль, и снова прижимал их к животу. Он сделался весь красный от крика и мокрый.

Мама поила его с ложечки сладкой водой, прикладывала к животу теплые пеленки. А потом у него и кричать не стало сил, он только длинно всхлипывал и постанывал.

Славка забилась под письменный стол, привалилась там к теплому коричневому боку тумбы. Из своего укрытия она видела длинные Петины ноги во вздернутых брюках. Руки он сунул под мышки, как будто мерз, бегал по комнате и повторял:

— Что же делать? Что делать?

— Попробуй поноси его, — сказал мамин голос.

Тогда Петя стал носить Павлика на руках. Когда он отходил к балкону, Славка видела, какие черные, втянутые у него щеки, — так они втягивались, когда Петя вдыхал дым.

Одна нога Павлика выбилась из одеяла, она была красная, маленькая, с красными, маленькими пальцами и слабо болталась. А Петя шагал и шагал из угла в угол. И Славке вдруг сделалось страшно: а вдруг Павлик умрет, и это она виновата, что пробегала по городу, а бутылочки, может быть, скисли. Мама всегда просила ее приходить сразу. А у него уже выросло пять зубов...

Славка нашла в тумбе дырочку от выпавшего сучка и стала ввертывать туда палец, все глубже и глубже.

— Спать, девочка, десять часов, — сказала мама. — Сумасшедший день сегодня. А мне еще план составлять.

Она сунула в руки Славке чашку с молоком. И Славка послушно выпила, давась пенками. Мама погладила Славку по голове, да так и забыла руку на Славкиной макушке, она была необычно тяжелая. Косички у мамы обвисли вдоль лица. И, чтобы не разреветься, Славка опустила лицо глубоко в чашку с молоком.

Потом неловко поставила чашку на край стола. На столе валялись пеленки, утюг, в миске с водой плавала розовая маленькая клизма.

Ночью ее разбудили чьи-то шаги под балконом, медленные, одинокие. Каждый шаг оставался на мостовой след. Потом через приоткрытую дверь проскользнул тоненький луч света, бочком, как слепой, прошелся по комнате, дотрагиваясь до стула, дивана, кровати Павлика...

И тут Славка заревела. Слезы затекали ей в нос, в уши, просачивались в подушку. Ей было жалко Павлика: она ведь не нарочно, она не хотела, чтоб ему было больно. И маму ей было жалко, и себя, и даже старушку соседку Марию Михайловну, которая говорила об управдоме «глуп, как пуп».

Она перевернулась на живот, и все равно плакала, на бок — во рту сделалось солоно от слез, и даже во сне продолжала плакать.

А утром ночные страхи забылись. Девочки под балконом кричали: «Славка, пошли фантики собирать!» Такая игра была у них в то лето — фантики. Она пробежала босиком по нагретому полу на балкон, сунула ноги в завитушки решетки, перегнулась.

Все они стояли под акацией: и Эмка, и Нюська, и Веточка — и кричали ей, махали руками, показывая, куда они пойдут собирать фантики. И Славка пообещала выйти. Но Петя строго сказал ей сидеть с Павликом, пока он не вернется, и ушел.

Славка расстелила на полу одеяло, бросила на одеяло игрушки. С силой усадила Павлика:

«Сиди!» И отсела на другой конец читать книгу. Вдруг мягкая, влажная лапка легла ей на колено. Славка отбросила ее, не глядя, но ощущение тепла осталось, она невольно прислушивалась к нему и ждала. И снова у нее на колене мяконецкая эта лапка. Он полз, он уже дышал ей в книгу. И снова она оттолкнула его, сердясь на себя.

Рот Павлика расплылся круглыми морщинами, и он заревел удивленно: кто может обижать его, такого маленького, и почему? Он так и лежал, упав на руки, и вытянув ногу, и оборачиваясь к Славке лицом, он ей плакал обиженно.

И вдруг Славка схватила, прижала к себе это теплое тельце, которое искало у нее защиты. Она вытирала его лицо своими щеками, губами, и все сильнее сжимала его, и говорила: «Маленький, деточка, ну-ну, никому не отдам, мой!»

Павлик затих. Волосы его тихо дышали Славке в шею.

В коридоре послышались Петины шаги. Славка быстро опустила братишку на одеяло и поскорей села подальше от него, спиной к двери. Ей хотелось смотреть на него: он был такой смешной, круглоглазый, неповоротливый. Она и смотрела вверх книжки, и улыбалась, и подмигивала, и что-то показывала ему на пальцах, прикрываясь книжкой. Потому что это были совсем новые, ее с Павликом отношения, до которых никому другому не было дела. Даже Пете.

Рисунки Е. МЕДВЕДЕВА.

НАУЧНЫЙ ТЕЛЕГРАФ

Вода в мешке

В сказках многих народов происходит такое чудо: сегодня было озеро, плескались волны, а назавтра озеро исчезло, вода ушла в землю...

К сожалению, подобная история может случиться не только в сказке. Когда строят искусственное водохранилище в песках, вода медленно и незаметно просачивается сквозь дно, ее уровень постепенно падает (правда, не так быстро, как в сказках). А вода в засушливых краях — на вес золота. И, чтобы удержать ее, дно уплотняют самыми разными способами, вплоть до того, что покрывают бетоном. Но это работа долгая и дорогая.

Совсем недавно советские инженеры попробовали гораздо более простой способ. Они сделали дно из полиэтиленовой пленки, той самой, которая не дает черстветь хлебу, в которой так удобно принести с рыбалки или из зоомагазина рыбок вместе с водой. Первое искусственное море с пластмассовым дном построено на юге Киргизской ССР. На дно котлована строители уложили широкие полиэтиленовые полотнища, сварили их и насыпали сверху слой земли. Конечно, и эта работа потребовала времени: ведь площадь нового водохранилища — 650 гектаров.

Зеленый голубь прилетел на Курилы

Чуть ли не каждый год зоологи находят на территории нашей страны птиц, которые раньше у нас не жили. Так, несколько лет назад на Курильских островах появился гость из Японии — зеленый голубь. Потом в районе Владивостока была замечена японская выпь. Но эти птицы пробыли у нас недолго, они даже не построили себе гнезд. Погостили — и улетели в родные края.

А вот в Узбекистане обосновалась красивая розовато-серая птичка — свиристелевый сорокопут. Ее родина за несколько сотен километров — в Аравии и Месопотамии. Эти птицы уже обжились, построили гнезда вдоль старых арыков, вывели птенцов.

В Атлантическом океане нет места для Атлантиды

Со слов древнегреческого мыслителя Платона дошел до нас красивый миф. Будто бы посреди Атлантического океана был некогда огромный остров, который населяли красивые и сильные люди. Но случилась катастрофа — остров исчез под водой. Произошло это примерно 12 тысяч лет назад.

В любой легенде, в любом мифе может быть доля правды. Поэтому многие годы ученые и исследователи-энтузиасты ищут в океане следы погибшей Атлантиды.

Ищут и не находят. Поиски эти продолжаются по сей день.

Как ни грустно расставаться с красивым преданием, придется, видимо, эти поиски прекратить. Советский ученый доктор географических наук О. Леонтьев доказал, что в Атлантическом океане Атлантиды не было. И вот почему. За каждую тысячу лет на дне океана откладывается примерно один-полтора сантиметра ила. Значит, за 12 тысяч лет на поверхности Атлантиды ила могло накопиться совсем немного, значительно меньше, чем в других местах океана. Однако пробы, взятые в разных частях Атлантики, мало чем отличаются друг от друга — ил повсюду старый, он покрывает дно толстым слоем. Следовательно, он отложился намного раньше того времени, когда, по преданию, исчезла Атлантида.

Может быть, ее надо искать в других океанах?..

Розовые улицы, голубые переулки...

Архитекторы стараются сделать дома как можно наряднее, города украшают газонами и деревьями, на клумбах высаживают цветы. Лишь тротуары и мостовые остаются серыми.

Окрасить мостовую можно, только краска под колесами автомобилей и ногами пешеходов быстро сотрется. А ввести краситель прямо в дорожное покрытие пока никому не удавалось. Только совсем недавно польские инженеры сумели ввести в цемент красящие добавки. Они сделали опытное покрытие для мостовых шестнадцати цветов. Может быть, в городах появятся скоро розовые улицы и голубые переулки...

Но не только для красоты нужна цветная мостовая. Для безопасности движения полезно сделать яркими, заметными пешеходные дорожки, перекрестки, участки возле школ. Яркий цвет обязательно привлечет внимание шофера и пешехода и напомнит им, что надо быть осторожными.

Самая большая бочка в мире

Ее длина — 154, ширина — 45 метров. В ней может уместиться 128 тысяч тонн нефти. Делают эту бочку в Голландии, чтобы затем перевезти в Персидский залив. Там, в открытом море, она будет служить плавучим нефтехранилищем.

Угольный самолет на серной дорожке

Авиация всегда на переднем крае техники. Стоит появиться новому материалу, как конструкторы начинают прикидывать, где его можно использовать — в самолете или вертолете. Ведь здесь нужны самые легкие, самые прочные материалы.

Казалось бы, мягкому графиту и хрупкой сере нет места в авиации. Но вот недавно появились сообщения, что из графита делают детали самолета, а из серы — взлетные площадки.

Конечно, не из чистых графита и серы. Детали фюзеляжа, стабилизаторы, тормозные щитки делают из пластмассы, которая упрочнена графитовым волокном. Это волокно совсем непохоже на мягкие графитовые стержни карандашей, оно прочно и не боится высокой температуры. И поэтому пластмасса, в которой графитное волокно играет роль каркаса, не уступает по прочности хорошей стали.

Серу расплавляют и наносят на стеклянную ткань. Потом сворачивают ткань в рулон, а когда нужно подготовить взлетную площадку, рулон раскатывают в считанные минуты.

Ст. РАССАДИН,
Б. САРНОВ

Рисунки
Н. ДОБРОХОТОВОЙ.

СТО ПЯТЬДЕСЯТ ДОН ЖУАНОВ

РАССКАЗЫ О ЛИТЕРАТУРЕ

«А как же отрицательные?..»

«Дорогая редакция! Я прочитала в первом номере вашего журнала рассказ «Писатель выдумывает, или это было на самом деле?»

Я не все в нем поняла и очень прошу объяснить мне один вопрос. Неужели, описывая каждого своего героя, даже отрицательного, писатель обязательно хоть немножко описывает себя? Вот этого я не могу понять.

Остапа Бендера тоже нельзя назвать положительным героем. Но он по крайней мере весе-

лый, остроумный, обаятельный. А ведь очень часто писатели изображают в своих книгах настоящих подлецов, трусов, предателей. Вот, например, Швабрин в «Капитанской дочке». Неужели о нем тоже Пушкин мог бы сказать: «Швабрин — это я»? Неужели в этом подлом, отвратительном человеке Пушкин хоть сколько-нибудь изобразил себя? В это я никак не могу поверить!

Или Митрофанушка из «Недоросля»...

Пожалуйста, объясните мне, права я или нет».

Такой вопрос задала нам Аля Петухова, восьмиклассница из Новосибирска. Вопрос интересный. И не простой.

Однажды примерно такой же вопрос задали известному советскому писателю Юрию Олеше.

Олеша написал роман «Зависть», главным героем которого был Николай Кавалеров, довольно пошлый человек, одержимый злобной, иступленной завистью. Кавалеров был изображен с такой пронзительной силой реальности, с таким личным пониманием самых потаенных уголков его души, что многие спрашивали у Олеша:

— Неужели в Кавалерове вы хоть частично изобразили себя?

А иные просто решили, что Николай Кавалеров — это и есть писатель Юрий Олеша.

Отвечая на этот вопрос, Олеша говорил:

«В каждом человеке есть дурное и есть хорошее. Я не поверю, что возможен человек, который не мог бы понять, что такое быть тщеславным, или трусом, или эгоистом. Каждый человек может почувствовать в себе внезапное появление какого угодно двойника. В художнике это проявляется особенно ярко, и в этом — одно из удивительных свойств художника: испытать чужие страсти».

Это признание очень многое объясняет.

Самый храбрый человек хоть раз в жизни да испугался. Самый бескорыстный — хоть раз да позавидовал. Кто из нас в детстве не завидовал обладателю прекрасной авторучки, редкой марки, сверкающего гоночного велосипеда? Значит ли это, что все мы закоренелые завистники? Нет, конечно. Потому-то Олеша и говорит о свойстве художника «испытать чужие страсти». Чужие! Не свои! Но чтобы достоверно, правдиво, проникновенно, то есть ХУДОЖЕСТВЕННО изобразить «чужую страсть», писатель во что бы то ни стало должен найти в своей душе хоть крошечный, хоть самый ничтожный росток этой страсти.

Герой «Войны и мира» Андрей Болконский накануне Аустерлицкого сражения признается самому себе:

«Я никогда никому не скажу этого, но, боже мой! Что же мне делать, ежели я ничего не люблю, как только славу, любовь людскую. Смерть, раны, потеря семьи, ничто мне не страшно. И как ни дороги, ни милы мне многие люди — отец, сестра, жена, — самые дорогие мне люди, — но, как ни страшно и неестественно это кажется, я всех их отдам сейчас за минуту славы, торжества над людьми, за любовь к себе людей, которых я не знаю и не буду знать».

Князь Андрей — один из самых обаятельных образов мировой литературы. Он умен, справедлив, благороден. Но чувство, завладевшее им в этот раз, — дурное, темное чувство. Жутко представить себе, что такой человек, как князь Андрей, мог испытывать нечто подобное. И уже все невозможно вообразить, что это жестокое, холодное тщеславие, этот предельный эгоизм хоть в малой степени были свойственны самому Толстому, человеку, который не только всю жизнь проповедовал любовь к людям, но и сам в глазах всего человечества олицетворял собою совесть мира.

Разве не похожи, как две капли воды,

Но вот жена Толстого Софья Андреевна заполняет свои дневники бесконечными жалобами на тщеславие и эгоизм Льва Николаевича. Она прямо говорит, что ради славы он готов забыть родных и близких.

Может быть, Софье Андреевне не следует доверять? Может быть, она просто не понимала своего великого мужа? Тем более что Толстой и в самом деле жертвовал благополучием своей семьи, хотя и не ради тщеславия, а во имя своих идей.

Разумеется, и это играло немалую роль.

Но в том-то и дело, что так же безжалостно, даже гораздо безжалостнее говорит о тщеславии Л. Н. Толстого сам Л. Н. Толстой:

«Я много пострадал от этой страсти, — записывает он в дневнике, — она испортила мне лучшие годы моей жизни и навек унесла от меня всю свежесть, смелость, веселость и предприимчивость молодости».

Оказывается, Толстому были мучительно знакомы чувства, владевшие душой князя Андрея, — эта, как говорил сам писатель, «непонятная страсть». Она не давала ему покоя уже в ранней юности, преследовала его всю жизнь.

Что же, может быть, это дает нам основания разочароваться в Толстом? Заставляет нас меньше преклоняться перед его великой душой?

Совсем напротив!

Великий человек велик не тем, что душа его стерильно чиста, как дистиллированная водичка. Он велик тем, что даже мимолетное дурное чувство мучит его, причиняя нестерпимую боль. Недаром ведь Толстой говорит, что он «много пострадал» от своего тщеславия. Да и его герой князь Андрей стыдился своего недоброго чувства: «Я никогда никому не скажу этого...»

Петрушино воспитание и учение Митрофана?

Возможно, создавая образ плохого человека, писатель оттого и способен так глубоко проникнуть в его темную душу, что ненавидит все плохое прежде всего в самом себе, стремится победить зло и в своей душе и вообще в жизни.

Аля Петухова, приславшая нам письмо, недоумевает:

«Неужели и Фонвизин мог бы сказать: «Митрофан — это я?»»

Да, мог бы. Во-первых, как мы уже говорили, лень, грубость Митрофанушки, да и другие его малопривлекательные качества в той или иной степени свойственны каждому из нас (хотя, скажем прямо, куда разумнее следовать не Митрофану, весьма довольному собственными сверхными свойствами, а Толстому, непримиримо относившемуся к самым малым своим недостаткам).

А во-вторых, когда мы говорим, что каждый писатель даже об отрицательном своем герое может сказать: «Он — это я!», — мы имеем в виду еще и другое.

Митрофанушка и Петруша

Когда в суде допрашивают свидетелей, очевидцев преступления, почти всегда их показания существенно расходятся. Очень часто бывает так, что, скажем, из пяти свидетелей ни один не повторяет версию другого. У каждого — своя версия.

Естественно предположить, что в лучшем случае только один из них говорит правду, а остальные — лгут.

Оказывается, ничего подобного.

Все говорят правду. Но говорят так, как они ее себе представляют.

Нечто похожее происходит и в искусстве.

Одно и то же жизненное явление разные художники видят по-разному. И по-разному изображают.

Девочка, с письма которой мы начали наш рассказ, поставила рядом Швабрина из пушкинской «Капитанской дочки» и фонвизинского Митрофана. И, вероятно, это никого не удивило. Но интересно, что бы вы сказали, если бы мы поставили рядом с Митрофаном не отвратительного Швабрина, а симпатичнейшего Петрушу Гринева?

Наверное, вы бы сказали:

— Петруша и Митрофан? Что вы, смеетесь? Что между ними общего? Митрофан гуп, хамоват, невежествен. А Петруша Гринева смел, благороден, честен. Над Митрофаном Фонвизин издевается, а Пушкин своего героя любит...

С этим трудно спорить. Пушкин действительно не только любит своего героя, но и отдает ему свои любимые мысли. А уж Митрофан... Даже если бы Фонвизин захотел подарить ему свои мысли, тот бы их просто не понял.

И тем не менее...

Крупнейший русский историк Василий Осипович Ключевский утверждал, что Митрофан и Петруша воплощают в себе одно и то же социальное и историческое явление: «Это самый обыкновенный, нормальный русский дворянин средней руки».

Поэтессе Марине Цветаевой тоже пришлось в голову это сопоставление. В статье «Пушкин и Пугачев» она прямо называет юного Гринева Митрофаном. Хотя для Петруши это и звучит обидно, основания для такого сближения есть. И немалые.

Вспомните «Капитанскую дочку»:

«...Доложили, что мусье давал мне свой урок. Батюшка пошел в мою комнату. В это время Бопре спал на кровати сном невинности. Я был занят делом. Надобно знать, что для меня выписана была из Москвы географическая карта. Она висела на стене безо всякого употребления и давно соблазняла меня доброю бумагой. Я решился сделать из нее змею и, пользуясь сном Бопре, принялся за работу. Батюшка вошел в то самое время, как я прилаживал мочальный хвост к Мысу Доброй Надежды. Увидя мои упражнения в географии, батюшка дернул меня за ухо, потом подбежал к Бопре, разбудил его очень неосторожно и стал осматривать укоризнами. Бопре в смятении хотел было встать и не мог: несчастный француз был мертво пьян... Батюшка за ворот приподнял его с кровати, вытолкал из дверей и в тот же день прогнал со двора... Тем и кончилось мое воспитание.

Я жил недорослем, гоня голубей и играя в чехарду с дворовыми мальчишками...»

Ну что? Разве не похожи, как две капли воды, Петрушино воспитание и учение Митрофана? Похожи, вплоть до мельчайших совпадений. «Упражнения в географии» Петруши и Митрофановы познания в «георграфии». Бопре, который «в отечестве своем был парикмахером», и его двойник Вральман, прежде служивший кучером. Общее у Петруши и Митрофана и их страсти к голубятне...

И все-таки, что ни говори, Митрофан вызывает к себе одно отношение, а Петруша — совсем другое.

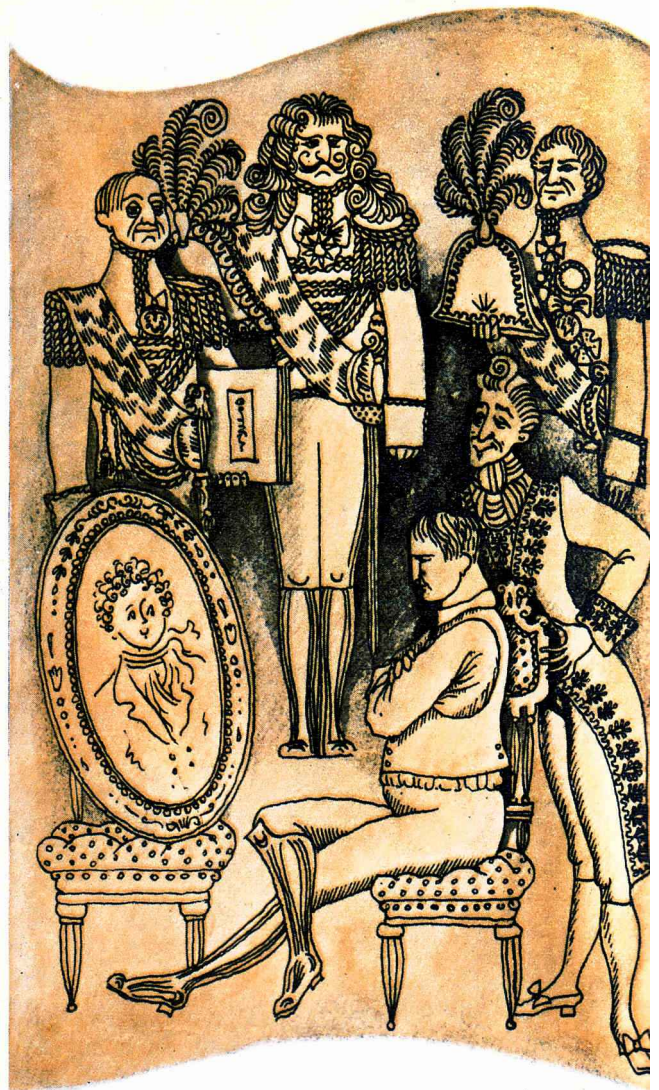
Так в чем же дело? Может быть, один писатель изобразил «нормального русского дворянина средней руки» верно, а другой был к нему несправедлив?

Между прочим, именно так и считал историк В. О. Ключевский. Он полагал, что Пушкин изобразил дворянского недоросля XVIII века «беспристрастнее и правдивее Фонвизина. У последнего Митрофан сбивается в карикатуру, в комический анекдот. В исторической действительности недоросль — не карикатура и не анекдот...».

Противопоставляя судьбу среднего русского дворянина шумной судьбе высшего дворянства, находившего приют в столичной гвардии, Ключевский писал:

«Скромнее была судьба наших Митрофанов. Они всегда учились понемногу, сквозь слезы при Петре I, со скукой при Екатерине II, не делали правительство, но решительно сделали нашу военную историю XVIII века. Это — пехотные армейские офицеры, и в этом чине они протоптали славный путь от Кунерсдорфа до Рымника и до Нови. Они с русскими солдатами вынесли на своих плечах дорогие лавры Минихов, Румянцевых и Суворовых».

И дальше он говорил: «Недаром и капитанская дочь М. И. Миронова предпочла добродушного армейца Гринева остроумному и знакомому с французской литературой гвардейцу Швабину. Историк XVIII века остается одоб-

Наполеон Толстого.

рять и сочувствие Пушкина и вкус Марьи Ивановны».

Историк Ключевский прав во многом, но только не в своем отношении к фонвизинскому «Недорослю». Митрофан вовсе не «сбивается в карикатуру», он и задуман как карикатура, как образ САТИРИЧЕСКИЙ. И Пушкин и Фонвизин — оба они сказали о дворянском недоросле правду. Просто Фонвизин сгустил отрицательные свойства недорослей (о которых упоминает и Ключевский: «учились понемногу... сквозь слезы... со скукой»).

Для Пушкина время Митрофанов и Гриневых стало уже историей. А Фонвизин, современник Митрофана, заботился об исправлении существующих нравов. Ведь человеку, как и обществу, иногда бывает очень полезно увидеть свои пороки сквозь увеличительное стекло.

Кстати, говорят, что комедия Фонвизина имела и самое прямое действие. По мнению иных

Наполеон Лермонтова.

его современников, Митрофан был карикатурой на знакомого Фонвизину дворянского мальчика Сашу Оленина. И карикатура произвела на юного Оленина такое впечатление, что он набросился на учебу, учился в Страсбурге и Дрездене, стал одним из образованнейших людей России и даже президентом Академии художеств...

Сто пятьдесят Дон Жуанов

Вы скажете:

— Ну, хорошо, Фонвизин и Пушкин оба написали правду. Это понятно. Только, может, все объясняется гораздо проще? Ведь они пи-

сали об одном и том же явлении, а не об одном и том же человеке. Пушкин мог взять хорошего недоросля, Фонвизин — плохого. Только и всего!

Но в том-то и дело, что очень часто разные писатели изображали даже одного и того же РЕАЛЬНОГО, действительно существовавшего человека так, что эти образы были похожи друг на друга ничуть не больше, чем Петруша Гринев на Митрофанушку Простакова.

Припомним строки одного из лучших стихотворений русской поэзии:

Скрестивши могучие руки,
Главу опустивши на грудь,
Идет и к рулю он садится
И быстро пускается в путь.

Несется он к Франции милой,
Где славу оставил и трон,
Оставил наследника-сына
И старую гвардию он...

На берег большими шагами
Он смело и прямо идет,
Соратников громко он кличет
И маршалов грозно зовет.

Но спят усачи-гренадеры —
В равнине, где Эльба шумит,
Под снегом холодной России,
Под знойным песком пирамид.

Это — «Воздушный корабль», стихи, воспевающие Наполеона. Да, именно воспевающие, потому что для автора их — Михаила Юрьевича Лермонтова Наполеон был романтическим героем, противостоящим низким и пошлым людям, окружающим поэта.

А вот другой писатель. И совсем другой Наполеон:

«...Император Наполеон еще не выходил из своей спальни и оканчивал свой туалет. Он, пофыркивая и побряхтывая, поворачивался то толстой спиной, то обросшей жирной грудью под щетку, которой камердинер растирал его тело. Другой камердинер, придерживая пальцем склянку, брызгал одеколоном на выхоленное тело императора с таким выражением, которое говорило, что он один мог знать, сколько и куда надо брызнуть одеколому. Короткие волосы Наполеона были мокры и спутаны на лоб. Но лицо его, хоть опухшее и желтое, выражало физическое удовольствие...»

А вот этот другой Наполеон смотрит на портрет сына, того самого, о котором так трогательно говорит Лермонтов:

«...С свойственной итальянцам способностью изменять произвольно выражение лица, он подошел к портрету и сделал вид задумчивой нежности. Он чувствовал, что то, что он скажет и сделает теперь, есть история. И ему казалось, что лучшее, что он может сделать теперь, — это то, чтобы он с своим величием... выказал в противоположность этого величия самую простую человеческую нежность. Глаза его отуманились, он подвинулся, оглянулся на стул

(стул подскочил под него) и сел на него против портрета. Один жест его — и все на цыпочках вышли, предоставляя самому себе и его чувству великого человека...»

Это — Толстой. «Война и мир».

Подумать только — какая разница! У Лермонтова — гордый изгнанник, идущий, не смотря на свое униженное положение, «смело и прямо»; у Толстого — самодовольный пошляк, жеманничающий перед самим собою, даже свои отцовские чувства превращающий в фальшивую и актерскую позу. Там — «могучие руки». Здесь — выхоленное, жирное тело. В стихах — одинокий человек, преданный живыми и покинутый мертвыми. В прозе — барин, окруженный лакеями, кто бы они ни были, камердинеры или маршалы.

Два Наполеона... И таких примеров можно привести множество. Не десятки, а сотни, даже тысячи случаев.

Невозможно представить себе читателя, которому было бы неизвестно имя Дон Жуана. Кто встречал его в комедии Мольера, кто — в стихотворном романе Байрона, кто — в повести Мериме, кто — в маленькой трагедии Пушкина «Каменный гость» (где он, правда, называется Дон Гуаном), кто — в драматической поэме А. К. Толстого... Да разве всех перечислишь! Мировая литература насчитывает около СТА ПЯТИДЕСЯТИ Дон Жуанов. И у каждого писателя — свой Дон Жуан, непохожий на своих собратьев.

Тут может возникнуть сомнение. Хотя, по слухам, Дон Жуан и существовал на самом деле, все-таки жил он давным-давно, в XIV веке. А Наполеон ведь жил сравнительно недавно. Сохранились его портреты, жизнеописания, составленные современниками, исторические документы. Словом, достаточно точно известно, каким именно был Наполеон — вплоть до его манер и привычек.

Так кто же изобразил Наполеона правильно, в соответствии с исторической правдой — Лермонтов или Толстой? Может ли быть, чтобы и на этот раз были правы оба писателя?

Может. И на этот раз правы оба.

Не только Лермонтов, который восхищался императором Франции, но и Толстой, ненавидевший и презиравший Наполеона, сделавший его воплощением лицемерной пошлости, мог бы сказать: «Наполеон — это я!..» Это значило бы: «Я писал не Наполеона вообще, но СВОЕГО Наполеона!»

Реальный, исторический Наполеон Бонапарт был одинаково мало похож и на могучего героя лермонтовского стихотворения и на жирного пошляка, изображенного в «Войне и мире». И Толстой и Лермонтов не особенно стремились к сходству портрета с оригиналом, потому что оба они живописали не Наполеона, а СВОЕ ОТНОШЕНИЕ к нему.

Так всегда поступает художник. В красках, в звуках, в словах он воплощает свое отношение к миру.

НАДО ПОСОВЕТОВАТЬСЯ

...Наша дружба началась очень давно, еще в шестом классе. С тех пор мы всегда бывали вместе: и уроки делали, и гуляли, и в кино ходили. Но однажды Светлана Викторовна всех нас пересадила. И меня посадили с мальчиком (раньше я сидела с девочкой), и Саша сказал, что дружить со мной не будет, потому что я сижу с мальчишкой. Я ему объяснила, а он — свое. Про все свои беды я рассказывала своей лучшей подруге, не хочу даже писать ее имя. Она мне сочувствовала, советы давала, а потом я узнала, что Саша предложил ей дружбу и она согласилась. И теперь они дружат на моих глазах. Скажите, разве хорошо так поступать? Посоветуйте, как мне быть? Только, пожалуйста, не пишите мой адрес в журнале, напишите просто Наташа К.

Наташа К.

НАДО ПОСОВЕТОВАТЬСЯ

НАТАШЕ

отвечает журналист

Марина Михайловна РАЧКО

Мне кажется, что впервые я столкнулась с женским коварством лет в тринадцать, в пионерском лагере на берегу Финского залива. В то лето в лагере была просто эпидемия коллективных влюбленностей. Я сама чуть не подбила всех девочек из моего отряда влюбиться в Славку по прозвищу «Паук». Что меня в нем привлекло, понять невозможно. Слава был угрюм и молчалив. Если он что-нибудь и говорил, то только чудовищные грубости. За эту дурацкую затею я жестоко поплатилась.

В середине смены в лагере появилась личность исключительная. Звали эту личность Генкой. Он был маленького роста, с обритой наголо головой. И он был способен на все.

Однажды поздно вечером, когда мы все уже улеглись, наш лагерь, расположенный на самом берегу, вдруг осветился мощным прожектором с залива. И мы, высунувшись в окна, увидели, как в туманном, зыбком белом свете прожектора два блестящих моряка (легенда передавала потом: «два капитана») прошли с Генкой по лагерю к палатке начальника. Мы видели, как моряки козыряли начальнику, как хлопали Генку по плечу, что-то говорили и смеялись. Потом они махнули прожектору, чтобы погас, и ушли в темноту. Лагерь дрогнул. Ночная разведка разлетелась по палатам и донесла, что Генка решил переплыть ночью на лодке бухту и был подобран пограничным катером. Разведка рассказывала, что моряки подарили Генке тельняшку за смелость и попросили начальника не очень круто с ним обходиться.

Вот этот случай и решил дело. Слава требовала, чтобы у героя была дама сердца, и притом одна. До этого случая Генка оказывал особое внимание мне и моей подруге Тате. Например, рано утром кидал в окно на наши кровати охапки травы с редкими цветами и щавелем, вырванными с корнями. Но в один прекрасный вечер Генка вызвал Тату на футбольное поле — место тайных свиданий и секретных разговоров всего лагеря — и сказал ей, что хочет дружить со мной и хочет узнать, что она думает по этому поводу. «Это невозможно, — сказала змея-Татка. — Поклянись, что никому не скажешь, потому что это страшная тайна и большой секрет, но она до смерти влюблена в Славку еще с начала смены».

Вот это было коварство! Я была отвергнута. Цветы больше не сыпались на мою кровать, яблоки и ворованный горох доставались Тате. И они, как пишет Наташа, беззащитно «дружили на моих глазах».

Что же мне было делать тогда, в тот трагический момент моей жизни? Может быть, жаловаться, требовать справедливости? Не знаю. Только я ничего этого не делала. И теперь я думаю, что поступила правильно. Разве мне было бы легче, если бы кто-то совершенно определенно сказал, что

моя подруга или мой товарищ поступили скверно, неправильно? Начни я злиться, выяснять отношения, высказывать обиды, только унизила бы себя. И я изо всех сил старалась тогда быть мужественной и думала о том, что если сумею стать по-настоящему интересным человеком, то будут у меня и подруги и друзья.

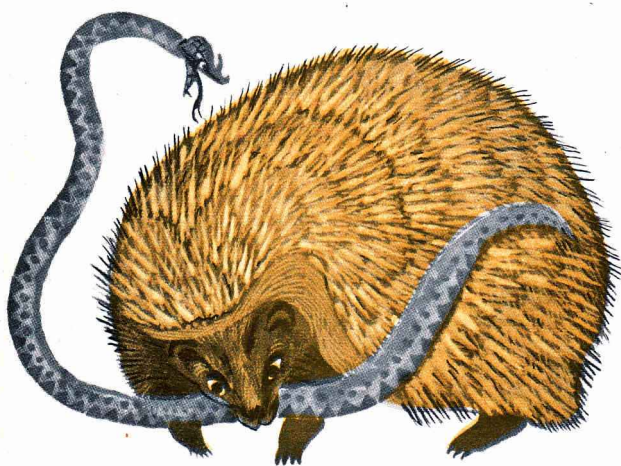
Тебе, Наташа, трудно сейчас, но ведь это прекрасные трудности. Наверное, тебе не хотелось бы оказаться человеком, который никогда не любил, не страдал, не ревновал, не мучился. Без сильных человеческих чувств наша жизнь была бы бедней. Постарайся только научиться разбираться в своих чувствах самостоятельно. И ты станешь сильнее, увереннее, независимее. Не думаешь же ты, что кто-то всегда, всю жизнь будет давать тебе готовые рецепты, как поступить. Да и где их взять, готовые рецепты? Если ты не научишься думать и я не научусь думать, кто же найдет ответы на наши с тобой вопросы?

Одно хочу сказать тебе теперь. В жизни очень часто бывает так, что все вдруг меняется, появляются новые интересы, новые привязанности. И это, в общем, нормально. Помнишь, что происходит с Томом Соьером, которого отвергла Бекки: «Сердце Тома терзала печаль... и он готов был завидовать Джимми Годжесу, который недавно скончался. «Как хорошо, — думал он, — лежать в могиле, спать и видеть разные сны, во веки веков...» Ах, если бы у него были хорошие отметки в воскресной школе, он, пожалуй, был бы рад умереть и покончить с постылой жизнью... А эта девочка... ну, что он ей сделал? Ничего. Он желал ей добра. А она прогнала его, как собаку — прямо как собаку. Когда-нибудь она пожалеет об этом, но будет поздно. Ах, если бы он мог умереть, не навсегда, а на время!

Но в молодости сердца эластичны и, как их ни сожми, расправляются быстро. Тома захватили опять помыслы здешнего мира».

И Том становится пиратом, Черным Мстителем Испанских морей. Но это не обязательно. Главное тут вот что: посмотри на Тома и Бекки. Они могли быть несчастными, наверное, самое большее день, а потом жизнь так захватывала их своими увлекательными делами и новыми интересами, что они совсем забывали о том, что несчастны. У человека в твоём возрасте, Наташа, столько жизненных сил, что их хватит и на несчастную любовь, и на счастливую любовь, и на страстное увлечение идеями, людьми, интересным делом, книгами, да мало ли еще чем.

Я не знаю, поможет ли тебе чем-нибудь мое письмо, но в одном я уверена: пока мы с тобой переписывались, в твоих отношениях с друзьями уже произошли решительные перемены. И, когда к тебе придет мой ответ, у тебя уже будет готов новый вопрос.

И. АКИМУШКИН

ЕЖ И ЕГО РОДСТВЕННИКИ

Разные ежи — разные привычки. Одни в лесах живут, все больше в еловых да сосновых. Другие — в степях, полях, в живых изгородях и кустах. Третьи — альпинисты, предпочитают дышать горным воздухом. А есть и такие, которым нравится жить с людьми по соседству: на скотных дворах, в садах, сараях. Эти доверчивы. Людей не очень боятся, но на всякий случай иглами себя страхуют.

И в неволе и на воле любят ежи молоко. Для них это — праздничное угощение. А люди, застав ежа в коровнике, случалось, думали, что он

сам себе молока надоил. Вот и родилось поверье, будто ежи доят коров.

И еще про ежей слава ходит: хорошие они мышеловы.

Тоже едва ли. Дохлых мышей еж иногда ест (хоть и не очень охотно), это верно. Но жи-

Маленький совсем ежик и его мама — это ежи обыкновенные, или, как их называют ученые, «европейские». Все ребята их хорошо знают. А вот на других фотографиях вряд ли попадется кто знакомый, хотя все это ежиные родственники!

вую мышь в большой комнате ему, тихоходу, трудно поймать. Да и в клетке, когда мышь к нему пускали, еж долго скромничал, не трогал ее, а то и просто не замечал, пока носом в нее не уперся. Тогда попытался схватить ее, но мышь без особого, впрочем, страха и труда вырвалась и отскочила.

Зато стоит посмотреть, как он расправляется со змеями! Даже гадюки ядовитой не боится. Увидит ее, потихонечку, незаметно к ней подберется, потом быстрый бросок — и вот он уже хватает змею острыми зубами. Гадюка извивается, кусает ежа. Но всюду натывается на колючий барьер. А еж атакует раз за разом и норовит укусить все в одно и то же место.

Змею он съедает всю целиком, часто с головой и ядовитыми железами. Мало того, ест он (и в немалом числе) и ядовитых испанских мушек и жуков маек, в крови которых очень сильный яд — кантаридин. Никто из насекомых, кроме ежа, их, кажется, не трогает. А он разоряет гнезда шмелей, ос, пчел и пожирает этих жалоносцев без страха.

В лабораториях ставили опыты, пытаюсь понять, отчего так. Давали ежам разные яды: мышьяк, сулему, опиум, хлороформ. Слишком большие дозы их убивали, но все-таки оказалось, что все эти яды ежи переносят лучше, чем, например, человек.

НЕЛЕГКО КОЛЮЧЕМУ ПРОПИТАТЬ СЕБЯ

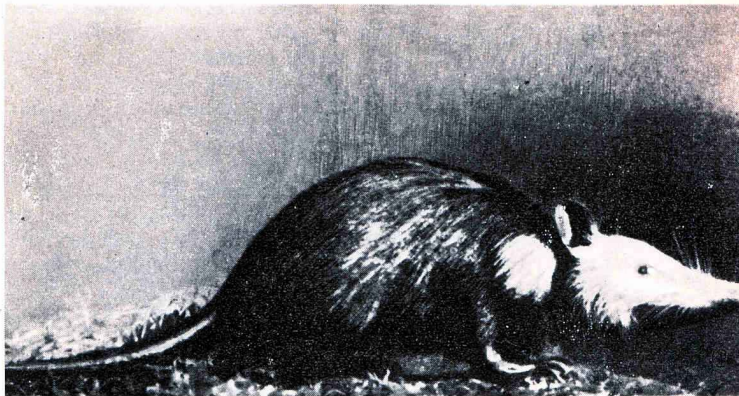
Ест колючий все, что на его вкус съедобно, все, что в зубы попадает. Один еж за десять дней отправил в свой желудок около двух килограммов мучных червей! И поправился за эти дни санаторного питания на 466 граммов: в начале опыта весил 689, в конце его — 1 155 граммов.

Нелегко колючему пропитать себя. Всю ночь топает и вынюхивает, где что съесть. Днем спит под кустом, валежником, меж корней, иногда и в норе — своей или чужой. В норе у него обычно два выхода, один из них, чтобы не дуло, заткнут сухими листьями. А на зиму натаскает их побольше, да еще мха, рыхлым комом все уложит, заберется внутрь и, свернувшись, спит до весны. Во время этой спячки тело его холодеет, но в любой мороз оно не холоднее 5—6 градусов. Пока зимой еж спит, он, естественно, ничего не ест и дышит очень редко. Зато когда проснется — а это бывает не только весной, но и в сильную оттепель, — очень хочет есть и, если ничего не найдет перекусить, то остаток зимы, опять в сон погрузившись, может и не дозимовать, умрет, но не от холода, а от голода. Таких, погибших зимой ежей (чаще всего молодых) находят нередко весной.

ЕЖАТА УЧАТСЯ ЖИТЬ

От мая до сентября можно найти в лесу новорожденных ежат.

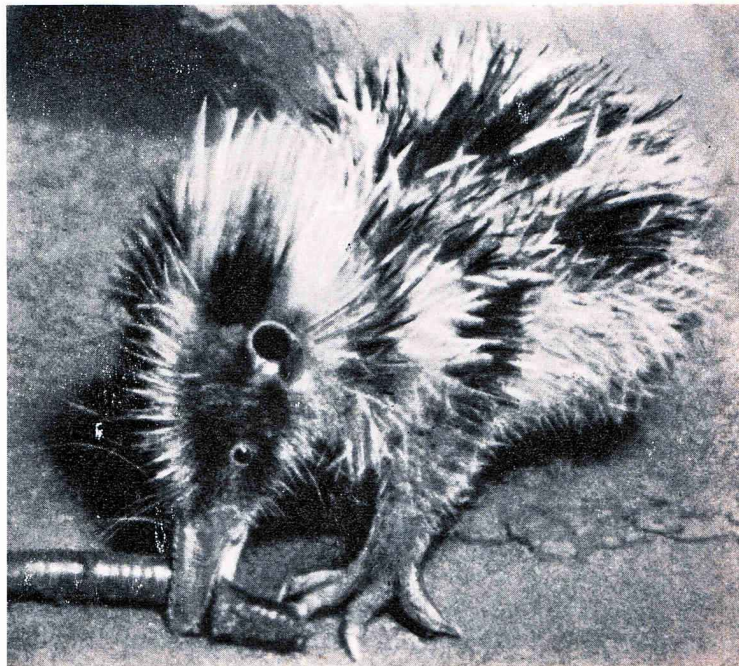
Мальши слепы, глухи, беззубы и редкими, мягкими, белыми иглами утыканы. Через двое суток после рождения новые иглы, более темные и острые, начинают расти. Через две не-

Казалось бы, ничем не похож на ежа гаитянский щеленосный зуб, а тоже его родственник. У него щеленосный зуб соединен с ядовитой железой.

Малый иглистый танрек очень похож на ежа, только меньше его. Он отлично лазит по деревьям. На нижнем снимке — полосатый танрек.

дели уже вся спина у малышей густо поросла ими, а «молочные», белые иглы все выпали. Тогда же и глаза у ежат открываются, а еще через неделю или две прорезаются острые зубки. На одиннадцатый день ежата уже умеют шаром сворачиваться.

Когда родятся ежата, отец удаляется и больше к потомству своему не возвращается, предоставив матери все заботы о нем.

Первый день она ни на минутку от ежат не отходит. Кормит молоком. Ежата еще слепые и глухие, а уже дерутся. Из-за соска, в котором больше молока. Не кусаются, не царапаются, а боксируют. Кожа с иголками у ежей очень подвижна. Ежата быстро надвигают ее на лоб и, как боксер кулаком, бьют этим колючим капюшоном. Ежонок послабее, как при хорошем нокауте, летит от такого удара в сторону.

Мать-ежиха в их драки не вмешивается — эта возня им вместо гимнастики. Сильнее будут.

Когда ежиха уходит из гнезда, она закутывает малышей травой и листьями. Лежат такие маленькие пакетики в гнезде. Их не видно, и тепло им в упаковке. Иногда ежиха одного за другим перетаскивает детенышей во рту на новое, более надежное место.

Пока глаза закрыты, из гнезда ежата никуда не уходят. Но как только начинают видеть, выбираются на волю. Жмутся поближе друг к другу. Если же кто отстанет и заблудится, жалобно пищит, тоненько так, словно свистит. И мать спешит назад, ищет, где он, оставшийся. Найдет и носом, носом подгоняет: «Не отставай!»

Мать учит своих чад, где улиток искать, каких жуков можно есть, а каких пока лучше не трогать. Без ее разрешения ежата ничего в рот не берут.

Месяца полтора обучает ежиха колючую компанию премудростям жизни и все это время

Это танрек, еж, который живет только на Мадагаскаре. Танреков 30 видов — одни щетинистые, другие шерстистые, третьи волосатые.

подкармливает молоком. А потом ежата разбегаются кто куда. На следующее лето у них у самих дети будут.

ДРЕССИРОВАННЫЙ ЕЖИК

Отгороженный от всех собственным колючим барьером, еж мало кого боится. Филлин из его врагов самый опасный да еще крупные совы и ястребы — хищники с длинными когтями и роговой броней на лапах. Тут все ясно.

Но вот как лиса умудряется ежей есть — это загадка. Говорят, что она его — шаром свернувшегося — в воду катит. Там он волей-неволей должен развернуться — и тогда рыжая хватает его за морду. Это, правда, сведения непроверенные, зато проверено другое: ежи, которых молва представляет довольно тупыми тварями, в экспериментах вели себя очень сообразительно. Они легко обучаются разным штукам. Например, по команде «Развернись», «Свернись», делают, что приказано. Как и обезьяны, умеют, схватив зубами кончик палочки, втянуть ее всю меж прутьями решетки к себе в клетку, если, конечно, на другом ее конце привязано какое-нибудь лакомство, скажем, майский жук.

Проводили и такой опыт. Учили ежа открывать (носом и лапами) одну из нескольких похожих дверей, ту, за которой — еж по опыту знает — спрятано угощение. Причем еж открывает дверку не только, скажем, крайнюю правую, или левую, или там третью по счету от края, но даже и окрашенную в другой цвет, — тот, на который его выдрессировали. А ведь считается, будто у всех зверей, кроме обезьян, нет умения различать цвета. Биологи уверяют, что бесполезно дразнить быка красной тряпкой: для него что красное, что серое, что черное — все равно. Свиньи, овцы, лошади, собаки о красках тоже понятия не имеют. Все окружающее для них — лишь разные оттенки серого (это доказывают опыты). Только человек и обезьяны (но не полуобезьяны, для которых тоже все серо вокруг) наслаждаются созерцанием разноцветной планеты. И еще раки, насекомые, осьминоги, рыбы, ящерицы, змеи, птицы (за исключением, возможно, ночных — сов и козодоев).

И для ежа, оказывается, тоже сделано исключение: мир для него не серая туманность разных тонов. Может быть, будущее покажет, что и другие звери тоже различают краски окружающего мира, может быть, опыты, доказавшие их цветовую слепоту, были недостаточно совершенны?

ЕЩЕ ОДНА ЗАГАДКА

Близко живут, совсем рядом с нами ежи, а как мало мы, оказывается, о них знаем. Вот еще одна загадочная странность в повадках ежей: встретив какой-нибудь предмет с резким запахом, скажем, корешок книги, пахнущий клеем и типографской краской, еж его обнюхивает, потом долго лижет. Полизав, обо-

рачивает голову назад и, сколько может дотянуться, лижет иглы, оставляя на них пленки пенистой слюны. И так несколько раз.

Если предмет этот небольшой и умещается во рту, еж берет его в рот, мусолит и пытается жевать. Затем смазка игл продолжается. Изжеванную вещь еж никогда не глотает, а выплевывает.

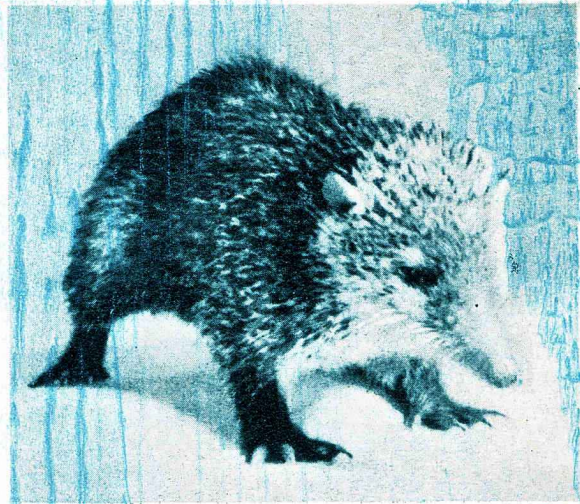
Нравятся ежам такие вещи: мыло, клей, сигареты, вата с валерьянкой или духами, некоторые цветы, газетная бумага, корешки книг, жабь (!) или, когда всего этого нет, шерсть других ежей.

Каков смысл подобных пристрастий? Возможно, тот же, что и у любви ежа к яблокам. Кислый их сок (яблоки еж ворует обычно дикие) отравляет паразитов, недостижимых для его когтей. Вторая, не доказанная, впрочем, догадка: может быть, пахучей отдушкой еж заглушает свой собственный, довольно резкий запах, чтобы враги нюхом его не нашли? Но у него и врагов таких, которые сильным обонянием вооружены, почти нет. Лисица разве только. Дезинфекция, пожалуй, более вероятная цель этой загадочной ежиной привычки.

БЕРЕГИТЕ ЕЖЕЙ!

«Какая польза человеку от ежа?» — вопрос, который часто задают. Ни в пушной торговле, ни в гастрономической еж значения не имеет, совсем не ценится. Правда, некоторые европейцы ежей едят, запекая их в сырой глине. Иглы его в небольшом числе используются учеными при вскрытии мелких животных. В древности римляне, содрвав с ежей колючую шкуру, делали из нее разные чесальные устройства на своих суконных фабриках.

Во многих странах известны легенды о еже, ворующем яблоки. Еж с яблоками запечатлен даже в некоторых рыцарских и дворянских гербах. Вот он и на этом старинном рисунке.

Это тоже танрек — бесхвостый, самый крупный из них. Он вооружен иглами, между которыми растут волосы и щетина.

Но на самом деле польза его внушительнее и совсем она в другом: охранная. Ибо ежи, ненасытные аппетиты свои удовлетворяя, уничтожают массу всяких вредных насекомых и слизней (и змей, не забудьте!). Хоть охотники за взрослыми мышами они и неважные, однако и мышей много губят, разоряя их гнезда.

Разоряют, к сожалению, и птичьи. И зайчат крохотных, и лягушат, и ящериц тоже не щадят. Так что есть от ежей и некоторый вред в лесном и полевом хозяйстве. Но вред по сравнению с пользой невелик. Поэтому берегите ежей! С ними, кроме всего прочего, не соскучишься: сколько интересных загадок таится за иглами!

Рисунки И. ГАЛАНИНА.

журнал в журнале

Печатает только тебя

Пред тобой стихи ребят из литературного объединения «Алые паруса». Восемнадцать лет существует при челябинском Дворце пионеров это объединение, которым руководит Лидия Александровна Преображенская. «Станут ли наши кружки поэтами и писателями? — говорит Лидия Александровна. — Может быть, единицы. Да разве в этом дело? Я рада и тому, что все они навсегда полюбили поэзию. Это так обогащает человека, приносит ему радость. И это чудесно.»

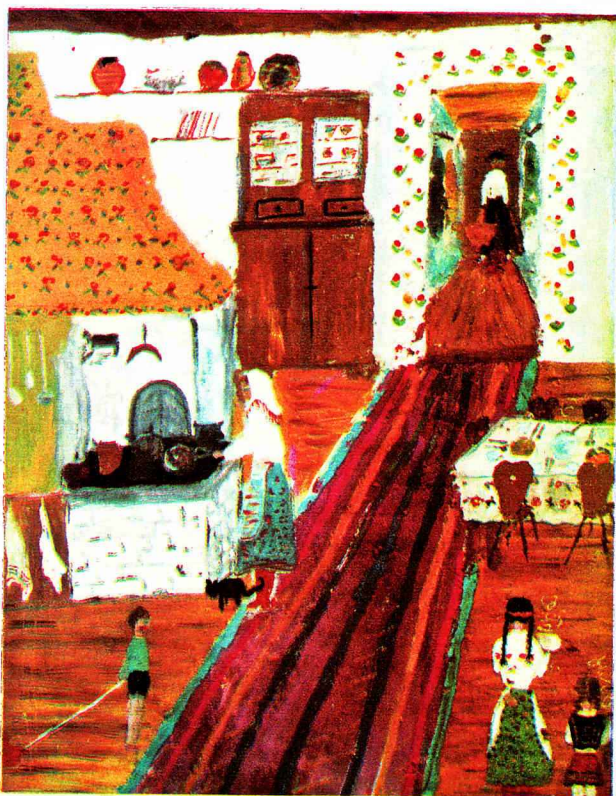
Ты видел Челябинск вечером?

Ты видел Челябинск вечером,
Когда волшебница осень
На небе чудесной кисточкой
Рисует густую просинь?
Огнями светятся здания —
Зелеными, синими, красными,
Как будто поближе к людям
Спустились звезды прекрасные.
Вот взяли и с неба спрыгнули,
Точь-в-точь озорные мальчишки!
А в небе гроздью рябиновой
Повисли огни телевышки.

Наташа **КОРОСТИНА**
(написано в 7-м классе)

1

Ела **ВЫШУЛОВСКА**. «ХАТА ГОРЦА»

2

Шахматный бой

Воевали шахматы,
Черные и белые.
Черные — проворные,
Белые — смелые.

Наступают пешки —
Храбрости немало!
Черной королеве
Даже страшно стало.

Выезжают храбро
На слонах ладьи.
У ладьи у белой
Орден на груди.

Вылетает конница,
Лихо кони ржут.
Короля у черных
К белым в плен
ведут.

Проиграли черные,
Получили мат,
И теперь спокойно
Шахматы лежат.

Сергея **ЦЫБИН**,
5-й класс.

3

Жарко ЛАЛОВИЧ. «КЛОУНЫ».

Серебряное копытце

Клен дугой склонился к роднику,
 Будто бы его нарочно гнули...
 На заросшей тропке под сосной
 Я нежданно встретила косылю.
 Черные огромные глаза
 На меня смотрели с удивленьем.
 Колокольчик синий на губах
 Коротко отзванивал мгновенья.
 А она притопнула ногой,
 Прежде чем опять в чащобе скрыться.
 Серебром блеснуло на траве,
 Будто в сказке, легкое копытце.

Наташа КОРОСТИНА,
 9-й класс.

Июньский ветер

Пожалуй, больше всего на свете
 Люблю я теплый июньский ветер.
 Несет с полей он мне запах нивы,
 От речки — грустные вздохи ивы.
 Несет аромат земляники лесной,
 Что тихо в траве притаилась густой.
 И запах смолистой сосновой коры,
 И радостный говор, и смех детворы.

И звон колокольчиков синих в лесу,
 Что свежую прячут от солнца росу.

И шелест ромашек, и птиц звонкий хор
 Несут свою песню в лазурный простор.

Мне слышится трепетный звон ручейка,
 И песня его весела и легка.

Я слышу его, хоть ручей и далек...
 Мне все эти звуки принес ветерок.

Лиля КУЛЕШОВА
 (написано в 6-м классе).

Туча

Как старуха злая,
 Хмурая и тучная,
 Сжав в ладонях солнце,
 Опустилась туча.

Гулко брови сдвинув,
 Грозной быть хотела.
 Но, как видно, сделать
 Это не сумела.

И, спрятав голову
 В серенький халатик,
 Начала с досады
 Горько, горько плакать.

Ира КОМИССАРОВА,
 8-й класс.

РЕБЯТА
ТАКИЕ
КАК ТЫ

Фото В. МИШИНА.

В. КРАПИВИН

Одиннадцатилетний полководец

Англичане шли в атаку. Ровные шеренги голубых драгун неумолимо приближались к позициям, на которых залегли и отстреливались буры. Резервный батальон готовился поддержать атаку.

Вдруг на солнечное поле набежала тень, словно большое лохматое облако закрыло солнце. Но это было не облако. Это был рыжий кот Тимошка. Бесшумным движением когтистой лапы он разнес первую шеренгу британских солдат и откусил голову капитану.

Степа и Андрей ухватили Тимофея за шиворот и выставили за дверь. Потом вернулись на поле боя.

Буры могли торжествовать. Англичане понесли такой урон, что нечего было думать о продолжении атаки. Обезглавленный капитан лежал, раскинув пластилиновые ноги.

— Странно, — сказал Степа, — почему он так не любит англичан? Ведь на другие армии он не нападает.

— Наверно, он их терпеть не может из-за битвы при Ватерлоо, наверно, он за французов.

— Вообще-то я этих англичан тоже не люблю, — признался Степа. — Неинтересно с ними почему-то. То ли дело, когда русские и французы сходятся!

И он отправил драгун ее величества в казарму — картонную коробку, где уже отдыхали от битв римские легионеры, мамелюки, австрийцы и датчане...

Как и у многих самых обыкновенных пятиклассников, у Степы Дмитриева свой учебный уголок: письменный стол, расписание уроков на стенке, стопки учебников. Но когда мы с ним познакомились, уголок этот выглядел совсем необычно. По клеенке стола, черной, как вспаханное поле, двигались навстречу друг другу дивизии Кутузова и Бонапарта. Реяли знамена русских полков с косыми андреевскими крестами и трехцветные штандарты французов. Вставали на дыбы лошади командиров, готовились к стрельбе артиллеристы.

Самый рослый из гранатеров был меньше спички.

На миг показалось, что смотришь с вертолета на поле, где идет съемка фильма «Война и мир». В глазах зарыло от пестроты мундиров и знамен.

— Как же ты сумел слепить такую уйму солдат?! Ведь на это надо столько времени!.. Ну, сколько минут ты делаешь одного солдата?

— Я не знаю, — сказал он. — Если нравится, то не думаешь о времени... Ну, смотрите сами.

И он открыл коробку с пластилином.

Пальцы у Степы удивительно тонкие и точные. Как у музыканта. На это обращаешь внимание, когда следишь за его работой. Вот легли на разноцветный мундир перекрещенные ляжки португез, появилась усатая голова в высокой шапке, ноги в ботфортах, шпага. Выросли руки с цветными обшлагами. В правой—длинный пистолет. И вот стоит на ладони наполеоновский офицер ростом пониже Степиного мизинца. А за сколько минут он появился на свет, я и не заметил. Засмотрелся...

«Ну, что особенного? — скажете вы. — Мало ли ребят играют в солдатики? И лепят их и вырезают из картона. И в магазине покупают пластмассовых. Обычное дело».

Так, но не совсем.

Пришло в редакцию письмо из Томска от пионера Гены Гитлица. Он интересуется военной историей и просил, чтобы помогли ему разобраться в форме старых русских и иностранных войск. Ну и вопросы он задавал! Как различить султаны на киверах разных гусарских полков? Какие мундиры были у пеших артиллеристов и какие у конных? Какую форму носили испанские пехотинцы начала прошлого столетия?

Может быть, я слегка путаю вопросы, их было больше десятка. Неспециалисту запомнить их было трудно. А ответить на них тем более. В редакции только руками развели:

— Тут, товарищи, нужен военный консультант, историк.

Но вот кто-то вспомнил, что живет в Москве, на Большой Грузинской, Степа Дмитриев, который увлекается этим.

— Вы думаете, он поможет?

Степа взял письмо и, читая вопрос за вопросом, начал выставлять на стол фигурки в пестрых мундирах:

— Это есть... Пожалуйста... Егеря? Вот они... А это офицер русской артиллерии... Вот с испанцами труднее. А, вспомнил. У них форма желтая с красным...

Раньше ему просто нравилось лепить. Он мастерил из пластилина маленьких зверюшек, веселых индейцев, ковбоев. После полюбившегося фильма лепил его героев и разыгрывал с ними сцены. Потом Степе попала в руки книга «Сто рассказов из русской истории». Особенно увлекли Степу эпизоды войны 1812 года. Тогда и появились на свет первые русские гренадеры и французские гвардейцы. А потом, на день рождения, когда мальчишкам дарят клошкы, фильмоскопы, конструкторы и другие увлекательные вещи, Степе подарили хрестоматию по русской военной истории.

Это была очень нужная книга! Игра, которой занят Степа Дмитриев, не просто игра в солдатики. Когда приходит из соседней квартиры Андрей Петросянц, его товарищ, и они расставляют в разных концах комнаты армии, здесь, на желтом паркете, повторяется история: битвы под Смоленском и Малоярославцем, Бородино и Ватерлоо. И надо знать точно, где стояла гвардейская артиллерия маршала Сарбье, когда шла в атаку пешая гвардия Лefевра, а когда гренадеры Нея и Даву. Надо знать, с кем вели бои русские гусары и кирасиры, с кем сходились в рукопашной схватке наши егеря и гренадеры.

И Степа знает. Потому что ему это интересно. Сейчас в его пластилиновой армии больше трех десятков различных видов войск многих времен и стран. И обо всех он может рассказать.

Только не подумайте, что Степа Дмитриев — это какой-то маленький профессор, который ни о чем не может думать, кроме давно прошедших битв и старинных мундиров. Он любит приключенческие фильмы, любит шумные игры, хоккей, и целый угол в комнате завален его пластмассовыми автоматами и пистолетами. Но вот есть у него увлечение, которое приносит большую радость.

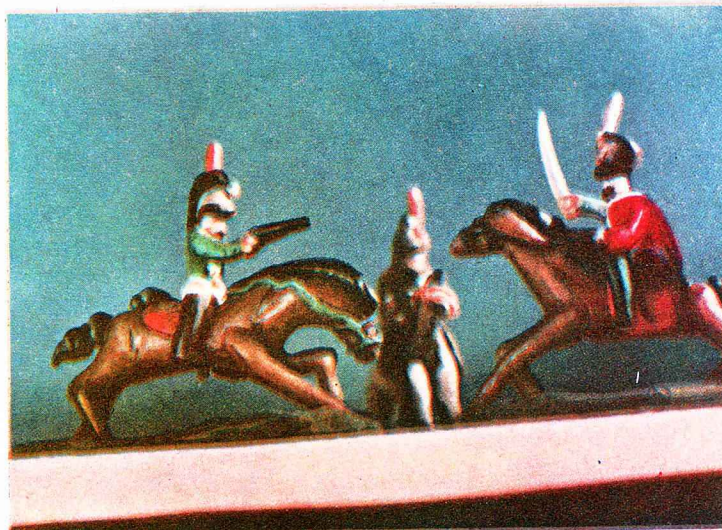
Сейчас Степа думает построить панораму. Вроде Бородинской. Ну, конечно, поменьше, чтобы умещалась на столе. Он еще не выбрал, какую битву там изобразить. И не это его волнует.

— Не могу придумать, как сделать в этой панораме пушечный дым,— говорит он.

Наверное, он придумает.

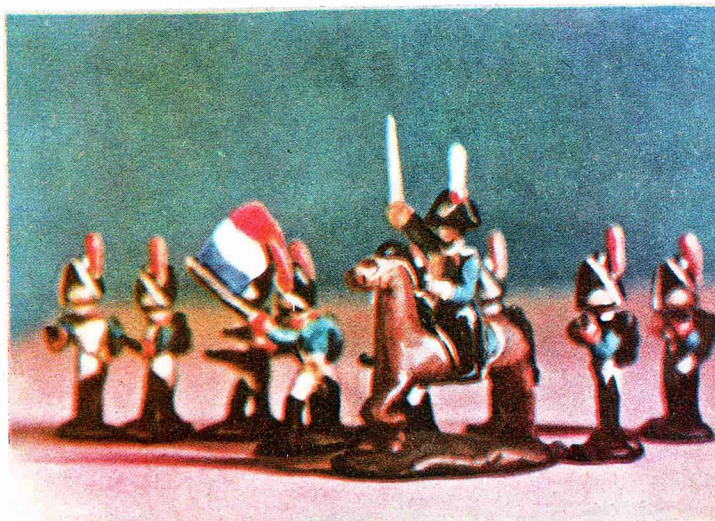

Битва при Ватерлоо. Английская гвардия наступает.

Поединок русского гусара (он справа) с французским драгуном.

Скоро начнется атака. Французских гвардейцев поведет в бой генерал.

Валерия ГЛАЗУНОВА

ЕГО ЗОВУТ

Пальто, которое ты носишь, ручка, которой ты пишешь, булка, которую ты только что ел с таким аппетитом, — все это куплено в магазине. А там самые обыкновенные и самые разнообразные вещи и продукты называют одним словом — «товары». Да, пока их никто не купил, это товары.

Ты, конечно, не раз бывал в магазине и уверен, что уже все о нем знаешь. Но я хочу пригласить тебя сегодня именно в магазин.

Называется он «Универсам», а полностью это звучит так: универсальный магазин самообслуживания.

Бетон, стекло, алюминий... Здание магазина сверкает, переливается разными цветами, кажется легким, воздушным. Оно так и манит тебя в свои просторные залы! На четырех этажах разместились здесь товары. На первом — продукты, на втором — пальто, костюмы, платья. Выше — телевизоры, радиоприемники, магнитолы, игрушки, музыкальные инструменты... Всего и не перечислишь! Входи смелее — здесь ждут тебя!

Обслужи себя сам

Мы привыкли к тому, что еще недавно повсюду в магазинах работали продавцы. Они отмеривали, взвешивали, упаковывали товары. Про-

давцы стояли по одну сторону прилавка, а покупатели по другую. Все товары были на полках, за спиной у продавца, и покупателю то и дело приходилось просить: «Будьте добры, покажите мне вон ту шапку, да нет, нет, — вон ту, рядом!»

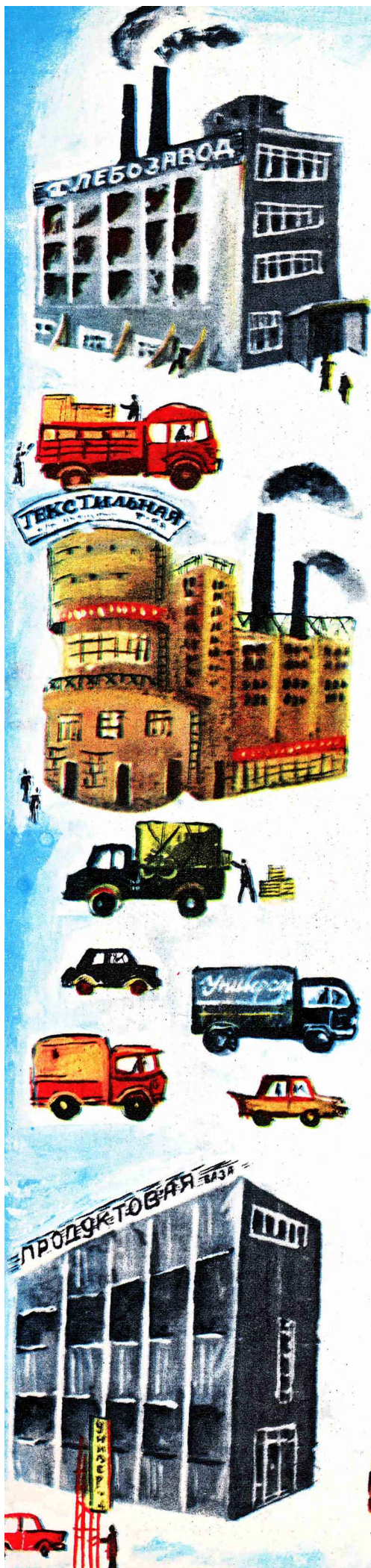
Универсам выглядит по-иному. Прилавков тут нет, продавцов — тоже. Входишь в зал, и со всех сторон тебя обступают товары. Они уложены на горках, выставлены на стендах, подставках, просто насыпаны в корзины, подвешены на плечиках, перекладинах.

Пожалуйста, подходи, смотри, выбирай. А выбрал — клади в сумку. Прошелся по первому этажу, глядишь, через пять минут в сумке твоей лежит уже все, что надо к завтраку: молоко, творожный сырок, яйца, сахар, печенье, кофе, хлеб! Контролер-кассир быстро подсчитает, сколько это стоит, получит с тебя деньги. Удобно, правда? А главное, приятно, что тебе доверяют.

Ну, а если надо купить новые ботинки? Меряй сколько хочешь, хоть десять пар подряд — никто ничего не скажет и торопить тебя не станет. Ты обслуживаешь себя сам!

Скоро во всех магазинах так будет. Везде — самообслуживание. Подрастет твоя младшая сестренка, и, чего доброго, тебе еще придется рассказывать ей, какими были магазины раньше и кто такие были продавцы.

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ.

КАК ЭТО ДЕЛАЕТСЯ

УНИВЕРСАМ

Покупатели этого не видят

Магазин можно сравнить с театром.

Большой, залитый светом зал, в котором продают товары, похож на сцену. Все вокруг такое красочное, яркое, нарядное, словно здесь каждый день праздник! Даже кажется порой, что у тебя немного кружится перед глазами.

Но театр — это не только сцена, на которой разыгрывается действие, это еще и незнакомый нам мир за кулисами. Есть свои кулисы и в магазине. Пойдем со мной, я покажу тебе, что за ними происходит. Покупатели этого обычно не видят. Ведь и зрителей в театре тоже за сцену не пускают.

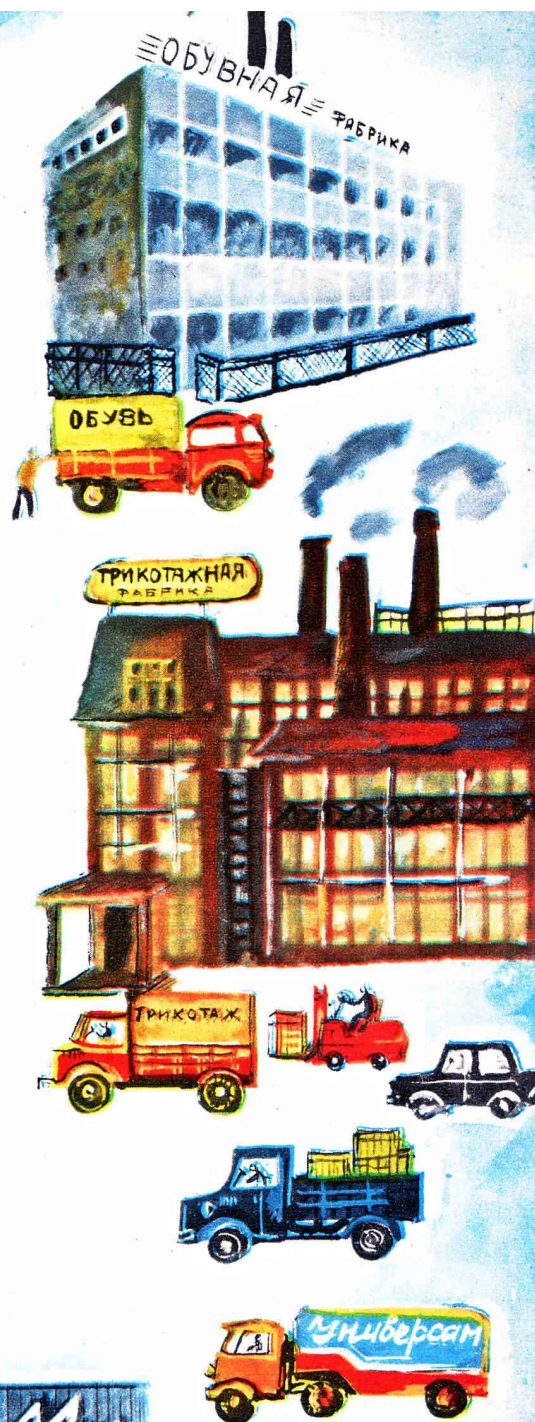
Длинный коридор, двери, двери. Откроем одну из них. Это кладовая. Здесь хранят

товары. Вдоль стен — стеллажи. Полки на стеллажах разделены на ячейки. Для крупных товаров ячейки большие, для средних — поменьше, а мелкие предметы, к примеру, пуговицы, кнопки, заколки, лежат в небольших выдвижных ящичках.

Обрати внимание: какой строгий порядок. Каждый товар имеет свое постоянное место. На полках, ячейках, ящичках — таблички, в них указаны название, сорт и цена товара.

Признайся честно, что твои вещи — тетради, книги, игры — не всегда лежат в таком образцовом порядке. Частенько же тебе приходится искать нужную вещь! А здесь не потратят на поиск ни одной лишней минуты.

В соседнюю кладовую вступишь, будто в огромный платяной шкаф. Сколько здесь пальто, плащей, костюмов! Все они висят на плечиках, укрыты от пыли чехлами. Ря-

дом с этой комнатой разместилась гладильная. Каждую вещь тут внимательно осматривают, отутюжат, пришьют, если надо, пуговицу и только после этого предложат покупателю.

Теперь спустимся по лестнице вниз. Внизу тоже коридор, а по обе стороны двери. Только двери не совсем обыкновенные: обиты белой жемчужной, с резиновыми прокладками и запираются, точно сейфы, большими ручками-замками, похожими на штурвал. Это холодильные камеры. В них хранят товары, которые в обычных условиях могут быстро испортиться, — мясо, колбасы, сливочное масло, рыбу, консервы. В таких камерах поддерживается температура воздуха от нуля до двух градусов тепла. А там, где хранятся замороженные продукты, вечная стужа, двенадцать — пятнадцать градусов мороза! Так что и зимой и летом работать тут приходится в ватных брюках и телогрейках.

Видишь, ты уже замерз! Пошли скорее дальше. Что это? Фабрика? Да, похоже на небольшую фабрику. Здесь фасуют товары. Отмеривают нужную порцию, взвешивают, упаковывают. Ты ведь заметил: все продукты в магазине продаются расфасованными.

Большинство товаров так и выпускают на фабриках и заводах — в пачках, пакетах, коробках. Но некоторые продукты приходится фасовать пока в магазине. Работа легкая, и на помощь людям приходят машины.

Одна машина нарезает ветчину ломтиками, взвешивает и упаковывает в полиэтиленовую пленку, другая фасует рыбу, а вон та, у стены, сыр. Машины не устают, не ошибаются. Они работают быстро, точно, аккуратно. Людям остается только подавать им продукты и уносить готовые пакеты.

Представь себе, сколько труда затрачивали на всю эту работу продавцы. Ну, попро-

буй хотя бы нарезать колбасу. Вот тебе острый нож. Начинай. Ты отрезал пять, восемь, десять ломтиков, а рука у тебя уже немного заныла от напряжения. Теперь взвесим. Видишь? Всего двести граммов! Да и ломтики получились что-то не совсем ровными... А машина? Конечно, обогнала тебя!

Посмотри, как она работает. Фасовщик закрепляет батон колбасы зажимом, устанавливает рукоятку толщиномер так, чтобы получились ломтики толщиной, скажем, в три миллиметра. Остается только включить электродвигатель, и... на приемной площадке начинают быстро расти стопочки совершенно одинаковых тоненьких ломтиков. За семь часов работы такая машина успевает нарезать целых полтонны колбасы.

А теперь познакомься с электронными весами. Они показывают не только вес товара, но и его стоимость. Положили на весы ананас — весит он девятьсот восемьдесят три грамма. Попробуй-ка быстро сосчитать, сколько он стоит. А весы в то же мгновение назовут цифру с точностью до копейки и отпечатают цену на маленьком чеке. Фасовщик вкладывает его вместе с ананасом в прозрачный пакет. Прошло несколько минут — и еще одна корзина с

ананасами готова отправить-
ся на лифте в торговый зал.

«По одежке встречают...»

Коробки, пакеты, мешочки, банки — все это костюмы товаров. А мода на костюмы, как ты знаешь, часто меняется. В новые модные платья одеваются и наши товары. Упаковка стала теперь яркой, легкой, прочной. Появились новые материалы — изменились фасоны. Удобство, простота, привлекательность, ну и, конечно, элегантность — вот что отличает эту модную одежду товаров. Постепенно исчезают из наших магазинов однообразные серые пакеты для крупы, муки, сахарного песка. Их сменяют пакеты красочные, с яркими, четкими надписями. По такой одежде еще издали можно узнать товар!

А посмотри, как удобна упаковка из прозрачных пленок! Она дает тебе возможность заглянуть в запечатанные коробки, мешочки. Пленки бывают разные. Одни из них позволяют продукту «дышать» — они пропускают воздух и влагу. В такие мешочки упаковывают овощи. Другие пленки отличаются газонепроницаемостью. Если упаковать в них колбасу или

свежий хлеб и откачать при этом воздух, продукты надолго останутся свежими, даже если хранить их в обыкновенном буфете.

Не будет скоро и тяжелых стеклянных бутылок для молока и кефира. Их заменят пакеты. Твоя сумка с покупками станет гораздо легче... Но, главное, подумай, сколько это позволит сэкономить... бензина! Да, да, бензина! Ведь тогда уже не придется возвращать пустые бутылки и банки из магазина на молочный завод, да и молока в пакетах можно перевезти на одной автомашине значительно больше, чем в бутылках. Освободится почти каждый второй автомобиль!

Здесь гостят товары

Одни товары привозят в магазин прямо с фабрики, которая находится тут же, в городе. Другие совершают

длинное путешествие и перед тем, как попасть в магазин, заезжают на торговую базу.

Многие товары гостят на базе по несколько месяцев. Почему? Да вот почему.

Шьют, скажем, на фабрике шубы из синтетического меха или шапки-ушанки, а сейчас лето. Кому нужны летом теплая шуба да шапка? Покупатели спрашивают в магазине летние рубашки, шорты, купальные костюмы, тапочки. Нельзя же им предложить купить шубу или валенки!

Вот и везут эти товары с фабрики не в магазин, а на базу. Пусть полежат на складе, подождут осенних холодов, а уж ближе к зиме в магазине им будут очень рады.

Или такой случай.

Изготовили на обувной фабрике большую партию обуви: красивые детские сандалеты коричневого цвета и все тридцатого размера. Не повезешь же столько одинаковых сандалетов в один магазин! Там и за несколько лет их не

раскупают, будут только на полках лежать, в кладовой место зря занимать, фасон устаревает.

Поэтому обувь везут с фабрики сначала на базу. И так с одной фабрики, с другой, с третьей... Собирается на базе много всяких ботинок, сандалий, туфель, тапочек. Разных фасонов, цветов, размеров. А там уж для каждого магазина отбирают сколько надо и того, и другого, и третьего. Чтобы покупатели могли выбрать, что им больше всего подходит, что нравится.

Вот и получается, что база похожа на большое озеро, в которое с разных сторон стекаются реки, речушки и ручейки.

Товары на базе хранят, сортируют, проверяют. Нет ли каких-нибудь дефектов? Вдруг что-нибудь испортилось, отпоролось, отвинтилось!

Может же случиться, например, такое. Решил папа подарить тебе ко дню рождения многоцветную шариковую ручку. Ты давно мечтал о ней, и отцу хотелось доставить тебе радость. Купил он ручку, принес домой... Осмотрели вы с ним ее повнимательнее — на корпусе трещинка, и стержень один что-то плохо держится, должно быть, пружинка слабовата. Вот так «сюрприз»! И тебе и папе досадно!

Чтобы не было таких огорчений, трудятся на базе товароведы. Они знают особенности каждой модели, с одного взгляда замечают все недостатки той или иной вещи. Сколько метров ткани перемерят за день их прозорные руки, сколько пар ботинок осмотрят их зоркие глаза!

«Стоп! Плохому товару нет пути в магазин!» Это закон нашей торговли.

А в недалеком будущем...

Теперь давай с тобой немного помечтаем. Любопытно представить себе, как будет выглядеть то, что нас окружает, ну, хотя бы через несколько лет. Универсам, конечно, тоже изменится... А вот как?

Во-первых, он станет еще просторнее. В торговых залах не будет ничего лишнего — одни товары! Никаких полок, шкафов, горок! Словом, никакого оборудования.

Товары будут въезжать в зал магазина на собственном транспорте. Вот, скажем, прибыл сахар в легком пластмассовом ящике на колесах, и отправили его к тому месту, где на полу крупными буквами написано: «Сахар», а рядом такая же стойка с надписью «Макаронны», дальше — «Рис», «Пшено», «Манная крупа».

Весь пол магазина расчерчен стрелками-указателями, словно на городской площади: линии движения машин, островки и переходы для пешеходов, прямоугольники стоянок.

Вот свежий, еще теплый хлеб подкатил к магазину на фирменном автомобиле хлебозавода, выехал из кузова в запломбированном ящике на колесах и — прямо в зал на свое место. А там откинули крышку. С внутренней стороны на ней написаны цены. И, пожалуйста, покупатель, подходите, берите батоны, булоч-

ки, каравай! Такие ароматные, с нежной хрустящей корочкой! К этому хлебу ни одна человеческая рука еще не прикасалась: и выпекали и в ящик его укладывали машины!

Ну, а молоко, масло, творог? Все эти продукты тоже будут приезжать с молочного завода в ящиках-тележках, но установят их в специальных нишах — небольших углублениях в стене торгового зала. В потолке над этим местом прорезана щель, через которую вниз поступает холодный воздух. Получается воздушная занавеска — невидимая, но плотная, надежная. Ведь это здорово! Холодильник с воздушной дверью! И продукты все на виду у покупателей, и перегружать их не надо из ящика в холодильные камеры! Продали товар, освободилась тележка — на ее место поставят новую.

✱

В недалеком будущем ты станешь постарше. Придет пора выбирать себе профессию. И может быть, тебе захочется прийти в Универсам, но прийти не покупателем, а человеком, от которого прямо зависит, какой будет торговля завтра. Универсаму нужны люди, умеющие придумывать и создавать новые умные машины и автоматы, и люди, умеющие поведывать, люди, которые создают товары, и люди, которые помогут покупателю купить то, что ему нужно. Торговле необходимы молодые руки.

Об этом говорилось на XVI съезде комсомола. Съезд выразил уверенность, что тысячи трудолюбивых молодых людей найдут здесь свое призвание.

ВЕРТОЛЕТ

Эмма МОШКОВСКАЯ

Вертолетик
без
расписания,
такое его
желание...

Быстрый,
шустрый,

вот —
над капустой,
вот —
над травой,
над
головой,
вот — над машиной
вертолет стрекозиный...

Вот
опустился,
вот
прикустился.
Вертолетик
без расписания,
где он сядет?
Кто знает заранее?

И. УВАРОВА

ЦВЕТЫ И ЗВЕРИ

Всем детям хочется рисовать. Если у них под рукой нет карандаша, они рисуют мелом на асфальте или палкой по земле.

В детстве рисуют все, а художников вырастает мало. Кто-то пойдет в художественную школу, окончит художественный институт, прочтет много книг по искусству и будет часто ходить в музеи учиться, как рисовали другие.

А иные, хоть извели в детстве не меньше бумаги, занялись потом другими делами. Больше они уже не рисуют. А когда смотрят, как пятилетний сын изображает лошадь с шестью ногами и солнце, из которого торчат красные палки, они и не вспомнят, что рисовали так же, когда были маленькими. И удивятся, может быть.

Но есть еще совсем особенные люди. Они могут стать агрономами, учителями, инженерами или грузчиками, но и став взрослыми, они по ночам видят те же сны, что видели в раннем детстве, и где-то, хотя они этого не знают, в глубине души они верят, что есть еще такой мир, который был у всех нас в детстве, когда мы читали сказки.

И вот они берут карандаш или краски и неумелой рукой начинают выводить рисунок. Что полу-

чается, они не знают. Зачем нужно им рисовать, не знают, не знают и того, как рисуют настоящие художники. Но иначе не могут — и рисуют.

Оказывается, таких художников не так уж мало. Оказывается, они нарисовали много интересных картин, и среди них есть замечательные картины, которые попали в лучшие музеи мира.

Иногда их называют наивными художниками, иногда примитивными. А иногда народными.

Народные художники рисуют фантастический мир, тот, который мы можем увидеть во сне и забываем наутро. Они могут рисовать и самые обычные вещи: стол, чашку, человека, сидящего на стуле. Но и обычные эти вещи выглядят на их картинах незнакомцами: стол, от которого жди каких-нибудь неожиданностей, вроде он не стол, а зверь на четырех ногах.

Мы расскажем вам об одной такой удивительной художнице, о Марии Примаченко.

В двенадцать лет Мария тяжело заболела. Она все ждала, когда болезнь пройдет и она встанет. Но тянулись дни и месяцы, а встать она не могла: ноги как тряпки, не держат.

У настоящего слона хобот похож на ствол. А это «Слон» Кати Ющенко, и хобот у него — целое цветущее дерево.

Лежать было очень скучно. Забегут иногда соседские ребята, да ненадолго: в деревне всем забот хватает — сено корове таскать, маленьких братьев нянчить. А то их пошлют за маслятами в лес, лес тут близко, прямо через поле. В лесу, наверное, хорошо, цветов лесных много, птицы поют, на поляне лежат коряги, похожие на чудищ.

Мария поплачет тихонечко, чтобы мать не видела, и уснет. Делать все равно нечего.

Особенно тоскливо зимой. Темнеет рано. Окно в хате маленькое, свет в него вползает с трудом, будто розовый зверь карабкается на подоконник. Стемнеет совсем — мать лампу зажжет, сядет у стола, вышивает розы на полотенце.

Мать иногда расскажет сказку про говорящего зверя, про царевну, про темный лес.

Закроешь глаза — вот и лес темный, только совсем не такой, как у них в Болотне, и зверя такого не встретишь, а уж царевны и подавно.

Чаще мать тихо поет тоскливую украинскую пес-

Такого зверя и такой птицы нет ни в одной сказке. Их нарисовал Федор Примаченко.

ню. Иголка пляшет в полотне, оставляя следы — красные крестики. Из крестиков складывается цветок. Мать умеет вышивать розу, петуха и согнутую ветку. Так ее научила бабушка. А она стала учить Марию. Что так-то лежать?

Мария научилась быстро: стежок на стежок — крестик. А три стежка в виде буквы «ж» — звездочка. Но вышивать розу и петуха ей не хотелось. Она выпросила большое полотенце и на нем вышила картину.

Большой дом стоял на картине. Это школа. Школы в селе тогда не было, но Мария очень хотела, чтобы была. Шли по улице в свою школу ребята. И была среди них одна девочка — это Мария вышила себя. Скорее бы построили школу. Скорее бы ей поправиться и идти по дороге, пыля пятками. А то и побежать вприпрыжку.

Нитки у нее были только черные и красные. Мать картину на стену повесила.

Потом Марию возили в город на операцию. Врачи сказали, что вылечить совсем ее никто не сможет. Что будет она жить со своей болезнью. Жизнь от этого всегда будет очень трудная.

Дома Мария могла уже выбираться на крыльцо, сидеть на солнце. Она сидела и чертила прутиком на земле всякие картины. Лучше всего ходил прутик после дождя: земля сырая. Картина получалась серая: волк серый и цветы серые.

Однажды шла мимо чужая женщина из города. Поглядела на картину, поглядела на Марию. Понравилась ей Мария, и картина очень понравилась. Подарила она Марии подарок в картонной коробке.

Так бывает в сказках. Но знала ли Мария сказку про обыкновенную девочку, к которой среди бела дня являлась колдунья и дарила ей что-нибудь? Какие-нибудь хрустальные башмаки...

В коробке оказались не хрустальные башмаки, а разноцветные лепешки простых акварельных красок и кисточка.

Когда Мария осторожно опустила кисточку в миску с водой, а потом потрогала ею зеленую лепешку и провела на бумажке первую цветную линию, стало ясно, что она получила в подарок ключи от царства, куда никто, кроме нее, не может войти.

С того дня жизнь ее раскололась пополам. Половина жизни оставалась старой: деревня, хата с земляным полом и малым оконцем, костыли Марии, ситцевое старое одеяло, теплая печка, от которой пахнет капустой и хлебом, крошки на земляном полу и цыплята в старой ватной шапке под кроватью.

Но открывалась тетрадка — и Мария уходила в свое царство. Она была его хозяйкой и делала что хотела.

Она рисовала зверя с четырьмя лапами и длинной узкой мордой. А хотела — рисовала ему шесть лап, а то и восемь. Зверь расплзался на всю страницу. А ведь так хотелось, чтобы кругом было поле с цветами или цветы лесные — куда же им втиснуться? Места нет. И она рисовала цветы прямо на звере. Зверь от этого получался очень красивый. Хоть и страшный, но все-таки красивый. Морда у него злобная, шкура толстая, а прямо из шкуры растут цветы, как из клумбы.

Мария очень полюбила таких «цветочных» зверей. Звери рисовались как-то сами собой, она таких никогда не видела, да они и жили только на ее картинах, а больше нигде на всем белом свете.

Цветы нужно было уметь рисовать, а Мария не умела, никто не учил. И она стала рисовать их

так, как вышивала: крестик или звездочку. Палочки у крестика потолще, вот и лепестки. Если поставить в середине желтую точку, — готов цветок.

Так все звери были будто бы зашиты цветами или звездами. А рядом с ними она обязательно рисовала одну ветку с ягодами или одно дерево с яблоками.

Потом цветы стали получаться большие, стебли у них заплетались один за другой, на стеблях сидели птицы и мартышки.

И плодились в стране, открытой Марией, звери, цветы, птицы. Их становилось все больше. А Марии прибавлялось все больше лет.

Звери и птицы на ее картинах жили совсем самостоятельно. Им не было дела, что Мария выросла, вышла замуж и родила сына. Они не знали, почему их рассматривали приезжие из Киева, отбирали, а потом упаковывали в большой ящик, где было темно, как в кладовке, куда Мария их прятала обычно.

Ящик долго везли. А когда открыли, в глаза зверям и птицам ударил свет такой яркий, что они зажмурились бы, если б сумели. Кругом было много людей, много шума. Их повесили на стенке, а люди ходили толпами, смотрели и удивлялись. За стеной лежал странный город с большими домами, с высокими крышами, с прозрачной башней, уходящей в небо. Это был Париж.

В Париже была международная выставка. Звери Марии получили серебряную медаль.

Медаль из Парижа не дошла до украинского села Болотня, где жила Мария Примаченко. Медаль где-то потерялась в дороге. А потом началась война. Всем было не до картин, не до Марии, не до ее зверей. Болезнь опять подстерегла Марию, болезнь и голод военных лет, и много других печалей.

Прошло очень много времени, прежде чем она опять взялась за кисть и стала рисовать новых зверей и других птиц. Они всегда выходили разные, но жили в одном царстве. Здесь текли реки,

набитые рыбой до самых берегов, здесь ходили волки прямо по деревьям. Деревья были усеяны густо яблоками, а волки яблок не трогали, хоть и были страшны: с круглым стеклянным глазом вполморды, с зубами в разинутой пасти, которые росли из самой глотки, с травой на боках вместо шерсти. А в стеклянном глазу рос красный цветок.

Мария рисовала двух желтых зверей, немного похожих на собак. Звери сидели на задних лапах перед деревом, на котором росли ягоды, — одна половина красная, другая синяя. А на голове у зверей были кепки.

Рисовала птицу с огромной розовой головой и полосатым туловищем. Были у птицы не перья, а цветы и кружевные оборки.

Рисовала мартышку в очках — сидела серая мартышка в охалке цветов, а повсюду среди цветов висели очки. А у цветов были глаза, и они смотрели, что вытворяет мартышка.

Звери рождались в ее фантазии. Может быть, это ей вспоминались детские страхи: шевелящиеся тени, страшные сны, которые снились ей во время болезни. Она их рисовала потом всю жизнь в виде страшных зверей. Она их приручала, дарила им цветы, украшала их, делала нарядными.

А цветы в ее картины пришли из народных вышивок. Вышивали всегда, во все старые времена все женщины, которые тут жили, все предки Марии. И мать, и бабка, и бабка бабки, и все старухи, затерявшиеся в старине, когда вышивать было так же обязательно, как сейчас писать и читать. Так сложилось, что в этих местах вышивали всегда и крестом и звездочкой — сложным крестом, вышивали цветы, ветки, ягоды.

Эти узоры не повторяются в картинах Марии. Но в тех цветах, которые она рисует, можно узнать науку вышивки, которой обучила Марию ее мать, первая на селе рукодельница.

Скоро выйдет детская книжка М. Стельмаха, украинского поэта, для которой Мария Авксентьевна сейчас делает иллюстрации. И в книжке эти

Наверно, Федор Примаченко знает про какую-то дивную страну, где живут Ягодный Птах и Болотный Бугай и другие странные существа.

картинки тоже будто не нарисованы, а вышиты: каждая картинка — в рамке из цветов, каждый штрих такой яркий, будто толстая пестрая нитка прошла бумагу.

Мария Авксентьевна Примаченко так и прожила всю жизнь в Болотне. Болотня сильно изменилась. Теперь здесь есть школа, и ребята бегут через все село, спешат, пыля пятками, а то и врпшпрыжку в свою школу — совсем как на той первой картине, которую вышивала Мария Авксентьевна много лет назад.

Но на ее картине не было еще одной школы, которая теперь есть в Болотне. Она находится в доме Марии Авксентьевны, сюда ребята приходят рисовать, она их учит.

Приходят ребята чаще всего по воскресеньям, а летом чуть не каждый день. Сидят и рисуют, кто что захочет. Мария Авксентьевна сначала ничего не говорит, рисуй, как знаешь.

И вот что странно: ее ученики никогда не пере-рисовывают из книжек, хотя в книжках видели и зверей и птиц. И они рисуют не тех зверей и птиц, каких можно увидеть в лесу, а то и у себя на дворе. Рисуют они чаще фантастических животных и цветы, каких в жизни не встретишь даже в тропических странах.

В их сказках живут чудища страшные, как заколдованный принц из сказки «Аленький цветочек». А на самом деле они, наверное, добрые, потому что зла никому не причиняют.

Ребята вовсе не подражают картинам Марии Авксентьевны. Но они научились у нее фантазии.

В Болотне уже своя школа народных художников. А лучшая ученица тут — Катя Юценко.

Она тоже рисует зверей и цветы: вот оранжевый зверь, очерченный синим толстым контуром. Назвала его Катя «Бегемотом», а вся картина называется «Бегемот думает, куда идти». И другой зверь в желтых и круглых, как звезды, цветах, в зеленой шапке — «Слон шагает в космическом просторе».

Учится у Марии Авксентьевны Катина младшая сестренка Таня. И очень способная девочка Валя Скопич, которая нарисовала большую картину «В этой хате живет пан Котский». Хата под оранжевой крышей, а сам пан на пороге — нарядный кот, а на крыше лежит самая обычная, ненарядная кошка.

Это школа Марии Примаченко, народной художницы. Смотрите сами — художники они все разные, и разные у них картины. Но все-таки есть что-то общее, какая-то особенность, по которой их всегда можно отличить от любого другого рисунка.

Общее в них — поэзия Украины, ее сказки и предания, ее образы и ее цветы, которые много веков вышивали на полотенцах и скатертях, на кофтах, на рубашках, какие были у людей, живших на этой земле.

Слоненку — его нарисовала Катя Юценко, — наверное, обидно, что у него такой маленький нос...

ШИТОВЫЙ

КЛЕВЕР

ТАЛЬНИЦА

«Динь-дон-динь» — под куст желто-красных георгинов, который Марина с Лёкой безжалостно обрывали, приземлилась Калинка.

— Ой, Калинка! У нас завтра праздник цветов. Все мастерят костюмы из травы и листьев. Еще будет лотерея на угадывание названий цветов и конкурс букетов. Вот мы и рвем георгины, — сказала Марина. — А еще у нас есть букет из полевых цветов. Только они повяли и вообще какие-то некрасивые.

— Вот этот веник из помятых, завядших цветов вы называете букетом? И георгины тоже завянут и тоже станут веником. Цветы в поле и в лесу надо собирать рано утром, когда еще много ночной влаги, а садовые перед срезкой обязательно полить. Сейчас три часа, совсем не подходящее время.

— А что нам теперь делать?

— Дождаться завтрашнего утра. Или... — Калинка задумалась. — Решено. Не ждем завтрашнее утро, а вернем сегодняшнее.

Она махнула своей шапочкой-невидимочкой, хлопнула три раза в ладоши — и... сорванные георгины вылетели из Лёкиных рук и снова проросли к кусту, полевые цветы выскочили из ведра и со свистом пронеслись мимо них, пятно от клубничного киселя на подоле Мариного платья само собой исчезло, а Лёкина коса заплелась и завязалась красным бантом, как было утром.

Солнце тоже вернулось на свой утренний пост, трава покрылась росой, и девочки с Калинкой зашагали к лесу.

— Некрасивых цветов нет. Приглядитесь к любому, на первый взгляд невзрачному, и окажется, что это — сказочное создание. — И Калинка показала на голубой ковер мелких цветочков.

Лёка наклонилась, присмотрелась и удивилась:

— Чудо! Серединка светлая, краешки ярко-голубые, а лепестки как сложно вырезаны! И листочки ажурные! Чудо!

Через два часа они принесли домой охапку разных цветов и трав да еще в саду срезали.

— Первое и неперемное условие красивого букета — свежесть. Эти купавки подвяли, опустим их в воду на всю длину стеблей, до самых венчиков, а сверху еще накроем мокрой газетой. Пусть часок постоят, хорошенько напьются воды. Так можно вылечить почти все цветы. А подвявшую ветку жасмина поставим на 30 секунд в кипяток, только предварительно обернем соцветия и листья бумагой, чтобы их пар не сжег. Потом срежем конец ветки, размочим его и поставим в вазу с водой комнатной температуры. Так можно вылечить все кустарниковые.

Люттики выпускают млечный сок, перед тем как ставить в вазу,

Кошачья лапка

Мартарица

Вьюнок

Гвоздика

Вереск

опустим, как все млечногоковые, на две-три минуты в теплую воду (30—35°), чтобы клейкий сок не заклеил сосуды. У роз очиним концы стеблей, как чините карандаши, со всех сторон. Три чайные поставим в высокий бокал, а остальные сохраним для завтрашнего букета.

— Давай их опять прирастем к кусту, а завтра снова срежем, — предложила Лёка.

— Какая хитренькая! Так и будем — срезать и приращивать? А что вы будете делать без меня? К первому сентября вы, наверное, цветы купите накануне? Как сделать, чтобы утром они были еще лучше? Смотрите!

Калинка осторожно присобрала лепестки и обернула цветок розы полоской белой тонкой бумаги, сверху и снизу бумагу слегка закрутила и слабо завязала ниткой. Девочки так же поступили с остальными шестью. Потом опустили розы в воду до бумажных колпачков и вынесли их за террасу — в самое прохладное, тенистое и влажное место.

Красивый, но слишком большой букет. Из него можно сделать два, даже три букета. Попробуйте!

— Завтра утром они будут свежие, словно только с куста. Так можно поступить с гладиолусами, маками, лилиями, пионами. Причем все эти цветы, срезанные нерасцветшими, полностью раскрывают бутоны в воде, а георгины надо срезать только распустившись.

Воду меняйте ежедневно, она должна быть комнатной температуры, а георгинам даже два раза в день. Каждый раз, перед тем как ставить цветы в свежую воду, срежьте острым ножом или бритвой концы стеблей и обрывайте листья, которые опущены в воду, чтобы не загнивали.

Срезанные цветы стоят долго, если в воду добавить сахар (половину кусочка на стакан воды), поваренную соль (на стакан несколько крупинок) и чуть-чуть квасцов.

Берегите букет от солнца, жары и духоты. На ночь поставьте на открытое окно, а рядом банку с водой, чтобы воздух был более влажным.

Ну вот, а теперь посмотрите на цветы и подберите их так, чтобы каждый цветок был в букете виден и вместе стоящие цветы взаимно оттеняли красоту друг друга. Много цветов в букет собирать не надо, цветам в вазе должно быть просторно. Из трех, пяти, семи, девяти цветков можно составить превосходный букет. Очень красивые в букете разные травы или ветки деревьев, например, узкие голубоватые стебли длиннолистой овсяницы, или веточка конского каштана, или пушистая лиственница.

Букет и ваза должны составлять одно целое. Прежде чем ставить цветы в вазу, хорошенько посмотрите, подходит ли она тому букету, который вы придумали.

Калинка взяла высокую вазу сероватого фарфора, налила воды, бросила кусочек сахара, размешала и опустила в воду, быстро подрезав стебли, три белоснежных лилии и два ярко-синих с блеклыми серединками дельфиниума, добавила несколько веточек травы полевицы, одну лилию чуть подняла над всеми, а травинку опустила.

— Всего из пяти цветков и травы, — ахнула Марина, — получился прекраснейший букет. Я тоже такой сделаю... Хотя нет, я составлю свой букет. Два желто-красных георгина, три золотистых бархотки и красно-коричневые листья конского каштана.

— Молодец, Марина. Очень красивый букет. Вот смотрите, я еще один букет составлю...

Калинка взяла простой, гладкий стакан, поставила один лютик с тремя мелкими цветками и бутонами, два стебля травы кукушкиных слезок, один стебель суховатой овсяницы и одну белую звездочку ромашки.

— Удивительно! — сказала Лёка. — Букет из ничего. Красивее в жизни не видела!

ПИЖМА

ОДУВАНЧИК

ВЕРБЕЙНИК

ЧИСТОТЕЛ

ЗВЕРБОЙ

ЛЮТИК

МАШИНЫ

МАШИНЫ

МАШИНЫ

МАШИНЫ

МАШИНЫ

МАШИНЫ

МАШИНЫ

МАШИНЫ

Рассказы «Обманчивый свет» и «Медведи из Уаскезэ», написанные индейским писателем Серой Совой и недавно переведенные мною на русский язык, взяты из его книги «Рассказы опустевшей Хижины».

Эта книга — мое счастливое открытие. Она стояла на одной из полок Библиотеки иностранной литературы в Москве и ждала прихода друга. Имя Серой Совы мне было дорого. Много лет тому назад я также неожиданно открыла замечательную повесть этого индейского писателя, чье имя я впервые тогда узнала, — повесть «Саджо и ее Бобры». Если говорить о радости в труде, то именно это чувство я испытывала, когда работала над переводом чудесной повести, посвященной автором детям всего мира. Она впервые увидела свет в моем переводе на русский язык на страницах журнала «Пионер» в 1939 году, а в следующем году вышла отдельной книжкой. С не меньшей радостью я работала над переводом «Рассказов опустевшей Хижины» — этой удивительной книги, написанной Серой Совой в глухом лесу, на закате жизни.

Если бы Серая Сова был жив, ему было бы теперь 82 года. Он родился в Канаде в 1888 году. Мать его была индианка, отец — шотландец. Серая Сова рано осиротел. Еще мальчиком попадает он в девственные леса Северо-Западной части провинции Онтарио, где его приютили и воспитали индейцы племени оджибуэй. На всю жизнь остался благодарен Серая Сова простым добрым людям, которые усыновили его и зажгли в его сердце неугасимый огонь, нежную любовь к дикой природе.

«Мои учителям, народу, быстро исчезающему с лица земли, я обязан всем, что есть ценного в моем творчестве», — пишет Серая Сова в автобиографии.

Во время империалистической войны 1914—1917 годов правительство Канады призвало Серую Сову в армию; пришлось надеть английскую форму снайпера и ехать за океан воевать.

СЕРАЯ СОВА
(Вэша КУОННЕЗИН)

РАССКАЗЫ

Не было случая, чтобы я заблудился. Никогда не употреблял я компас или какое-нибудь иное техническое или научное приспособление, странствуя по знакомой или незнакомой территории. И, несмотря на то, что мне не случалось заблудиться, бывали случаи, что я терял ориентировку на некоторое время, и тут нужно было быстро сообразить, чтобы выйти из трудного положения. Человек, который утверждает, что он никогда не сбивался с дороги, либо говорит неправду, либо ему не приходилось много странствовать по лесу. Человеку, живущему в лесу, очень трудно признаться, что с ним случались подобные неприятности, тем не менее время от времени это со всеми бывает, и даже индейцы попадают в тот заколдованный круг, когда человек бродит часами и не может найти дорогу, иногда это кончается смертью.

Слово «заблудиться» люди толкуют по-разному, но лучшее толкование я получил от одного старика, очень долго жившего в лесу, который однажды — по непонятным причинам — так плутал по лесу, что в конце концов его искали

С тяжелыми ранениями вернулся Серая Сова на родину после окончания войны. Он нашел здесь страшное опустошение — колонизаторы прокладывали линии железной дороги и безжалостно жгли леса, где кочевали индейцы.

«Пожары, железные дороги, электростанции, самолеты разрывали на клочки старую жизнь... Индейская граница отступала. Я спешил за ней», — пишет Серая Сова в автобиографии.

Серая Сова взял направление на северо-восток, так как слышал, что на севере провинции Квебек сохранились глухие места, где кочевали индейцы и встречались бобровые колонии. Лес без бобров в представлении индейцев племени оджибуэй — пустой лес, бобры — это душа индейского кочевья.

Два с лишним года путешествует Серая Сова на своем маленьком каноэ по запутанным водным путям в поисках девственного леса. В эти мрачные, полные тяжелых переживаний дни Серой Сове улыбнулось счастье: он встретил девушку из племени ирокезов, ее звали Анахарео. Она стала его женой, и они вместе продолжали путь.

Долго ли, коротко ли, как говорится в сказках, но молодая чета достигла наконец живописных берегов Березового озера, где в глухом, девственном лесу Серая Сова заметил признаки бобрового жилья. Была уже поздняя осень, начались заморозки, и Серая Сова спешил выстроить хижину для своей семьи — жены и двух осиротевших бобрят, которых они подобрали по дороге и полюбили, как детей.

Серая Сова стал замечать, что шайки белых охотников-спекулянтов со сворой собак разоряют бобровые хатки, убивают бобров, опустошают и этот чудесный край. Теперь Серая Сова проводит бессонные ночи, охраняя бобровые колонии, а сам совсем перестает охотиться. Но как кормить семью? Что делать человеку, у которого охота была единственным ремеслом?

С любовью наблюдал и ухаживал Серая Сова за сиротами-бобрятами — как удивительно они были

похожи на маленьких детей, недаром индейцы называют их «младшими братцами»! И у него зародилась робкая мечта — стать писателем, чтобы рассказать людям о том, какие бобры умные и трудолюбивые, как они поддерживают лес, строя запруды, и как жестоко уничтожают их.

Серая Сова начал писать рассказы. Волнуясь, он послал свою первую рукопись в Лондон. Прошло немного времени, и из Англии пришло письмо, из которого Серая Сова узнал, что его рассказы скоро увидят свет. Это была радость необыкновенная! Прислан был и гонорар. В своем письме редактор советовал Серой Сове продолжать писать рассказы.

И Серая Сова настойчиво продолжает свою работу внимательного естествоиспытателя и художника слова.

Появившиеся в печати произведения индейского писателя наделали много шума в американском обществе.

Канадские ученые заинтересовались работой Серой Сове по охране бобровых колоний. Скоро он стал появляться на экранах кинематографов вместе со своими питомцами-бобрами и выступать с рассказами о животных перед многочисленной публикой.

Прошло немного времени, и ему предложили занять пост хранителя бобрового заповедника в Национальном парке в Саскачеване. После нескольких дней раздумий он принял это предложение, потому что считал своим моральным долгом служить делу охраны природы, охране бобров.

Серая Сова переехал в далекий Саскачеван и поселился с семьей в скромной хижине на берегу озера Ажаун, в глуши девственного леса.

Здесь, в этой «Стране Тишины и Теней», он написал свою прекрасную книгу — «Рассказы опустевшей Хижины».

Серая Сова оставался на посту хранителя бобрового заповедника до последнего дня своей жизни. Он умер в Саскачеване в 1938 году.

Алла МАКАРОВА

Обманчивый свет

Рисунки И. ГАЛАНИНА.

десять человек целых восемь дней. И тем не менее он не мог примириться с мыслью, что он заблудился. «О, нет, — уверял он, — со мной этого не могло случиться, я просто сбился с дороги».

А теперь расскажу о себе. Я люблю бродить по лесу ночью, и для меня это не связано с трудностями, за мой ночной образ жизни индейцы и дали мне прозвище СЕРАЯ СОВА. И не потому я люблю ночные скитания, что мои глаза лучше видят в темноте. Совсем нет. Дело в том, что лишь одна из десяти ночей бывает по-настоящему темная. А для того, кто привык работать по ночам, эта темнота кажется несколько светлее, чем обыкновенному человеку. Человек может преодолеть большое пространство даже в незнакомой местности, если он хорошо себе представляет, что значит путешествовать в условиях дикой природы вообще; если у него есть способность ориентироваться в лесу, если он обладает хорошим слухом, если он живо реагирует на то, что происходит вокруг него; кроме того, он должен «чувствовать» рельеф местности, и, самое главное, он должен чувст-

вовать себя как дома и не пугаться, что он один в темноте ночи, среди дикой природы. В остальном все обстоит очень просто. Я бродил по дремучему, темному-темному лесу, и только изредка мне приходилось пользоваться факелом из березовой коры. Я путешествовал в каноэ целыми ночами напролет, перетаскивал по волокам груз и ладью, и все это почти с той же скоростью, как и днем; поднимался и спускался по водопадам, прислушиваясь к шуму и грохоту воды; немного мне помогали звезды, отсвечивающие на влажных скалах, и белые гребни волн.

Совершать такие путешествия, в неверном ночном свете или даже в полной темноте, вам, быть может, покажется подвигом. Но людям, привыкшим к суровой жизни на лоне девственной природы, все это представляется естественным, как будто иначе и не могло быть, и они никогда не кичатся и не хвастаются этим. Однако, как это ни странно, излишек света может причинить больше неприятностей, чем любая темнота. Я в этом убедился на собственном опыте, попав в довольно смешное положение.

Поздним вечером в глухом лесу Северного Квебека мой товарищ по охоте, который никогда не служил в солдатах, попросил меня рассказать о войне. И, как обычно бывает у людей, испытавших, что такое солдатская служба, я рассказывал не столько о сражениях, сколько о голодном пайке и лишениях военного времени. Скоро мы оба почувствовали нестерпимый голод.

В то утро я убил оленя, недалеко от нашей хижины; я решил отрезать от него кусок мяса, а мой товарищ предложил, что он тем временем испечет баннок — индейский хлеб. Было очень темно, и, так как мне нужно было снять шкуру с оленя¹, я захватил с собой фонарь.

Застреленный олень лежал на расстоянии трехсот ярдов от хижины, и я начал свой путь в правильном направлении. Но фонари имеют обыкновение отбрасывать свет кругами, и в этот небольшой светящийся круг я и попал. За пределами его все погрузилось в кромешную мглу, и совсем ничего не было видно.

После того, как я прошел некоторое расстояние и не нашел оленя, я вдруг заметил — для меня это было неожиданностью — след лыж. В глубоком, рыхлом снегу этот след расплзся и был довольно бесформенным, так что определить, чей он, было невозможно. Я считал, что в этих местах, кроме нас с товарищем, никого не было. Мой недавний след замело снегом. Но чей же этот? Я решил вернуться сюда позже, а пока продолжить поиски оленя. Пройдя довольно безуспешно большое расстояние, я вдруг увидел еще один лыжный след, на этот раз он пересекал мой. Я растерялся, не знал, что думать, и мне было стыдно, что не могу отыскать свою добычу. Я направился немного в сторону и снова наткнулся — теперь уже не на один лыжный след, а на два; как тот, так и другой шли с правой стороны от меня и, перекрещиваясь, врезались в третий след. На небольшом расстоянии я заметил и четвертый след. Неожиданно я оказался в сети нескольких лыжных следов и ничего не мог понять. Все они шли в одном направлении — направо от меня. «Что за чертовщина! — подумал я. — Что за бродяги петляют здесь?» Я пошел быстро по следам. Они по-прежнему кружили и переплетались друг с другом. Я остановился и стал прислушиваться. Но кругом была тишина, зачарованная тишина, какая только бывает ночью в зимнем лесу. «Что за нечистая сила водит меня за нос?» — недоумевал я.

Я поспешил дальше, скользя и подпрыгивая на своих лыжах. Преодолев некоторое расстояние, я заметил по следам, что неизвестные спутники — теперь их уже было несколько человек — тоже шли тем же стилем. Я был близок к отчаянию. А на фоне отягощенных снегом деревьев подпрыгивала и скользя моя огромная уродливая тень, словно сказочный великан, точно повторяющий каждое мое движение. Казалось, что я был в заколдованном кругу моего фонаря, что я попал в глубокую освещенную яму, которая кружила и кружила меня и двигалась вместе со мной, когда я шел. В моем утомленном мозгу эта ночь представлялась каким-то ужасным кошмаром, и я стал задумы-

¹ Зимой с туши дикого зверя шкура снимается не сразу; обычно тушу сначала зарывают в снег и оставляют там на сутки, считая, что мясо, заготовленное таким способом, вкуснее.

ваться, не участвует ли здесь нечистая сила, — на это у меня было достаточно оснований. Но мои мрачные размышления были неожиданно прерваны — я споткнулся и упал навзничь на огромный сугроб. Мне удалось каким-то невероятным, акробатическим движением уберечь свет фонаря, и что бы, вы думали, я увидел? Из сугроба торчало копыто какого-то зверя.

Наконец-то я набрел на своего оленя. Оглядевшись кругом, я увидел, что все, за кем я гнался, были тоже тут. Их было всего двое — моя тень и я.

Искусственный свет в лесу всегда будет вводить вас в заблуждение. Вы не можете ориентироваться даже по вершинам деревьев, которые обычно отчетливо вырисовываются на фоне неба. Когда вы идете с фонарем, вы попадаете в заколдованный круг света — снизу, сверху, со всех сторон, и вы кружитесь и топчетесь на каком-то очень ограниченном клочке земли. Так было и со мной. Моих собственных следов становилось все больше и больше, когда я преследовал призрачного спутника, а круг, по которому я вращался, все уменьшался и уменьшался, пока у меня не закружилась голова.

Отрезав кусок оленины, я побежал на лыжах — теперь уже в правильном направлении — к хижине. Мой товарищ спал крепким сном, а лепешки, которые он испек, давно остыли. Я разбудил его, и мы сели ужинать. За ужином мой товарищ время от времени отворачивался и как будто откашливался, стараясь подавить приступы смеха. Не могу сказать, чтобы это было мне приятно.

А теперь я предоставляю вам, мой читатель, решить, был ли виноват фонарь в моем злослучении в лесу, или же я должен пенять на себя.

Медведи ИЗ Уаскезье

Уаскезье — курортный палаточный городок, разбитый на широком песчаном берегу того же имени огромного озера, конца-края которого не видно.

Стоя на его берегах, вы начинаете понимать настоящее значение слова «расстояние». В тридцати милях от городка лежит озеро Ажауан. Здесь в одном из крупнейших канадских заповедников живет мой бобровый народ и я. Эти уединенные места вполне доступны для тех, кто загорится желанием проделать это путешествие, а бобровый дом окажет им свое теплое гостеприимство.

Стоит мне увидеть приближающееся каноэ или же заметить появление человека, пробирающегося по извилистым лесным тропам, как

меня охватывает большая радость, и я с удовольствием предвкушаю встречу гостя с Джелли Ролль и Рухайдом и другими членами их клана. Я живу здесь совсем один, если не считать моих четвероногих и пернатых друзей, и встречи с людьми мне очень дороги.

Необъятные просторы этого дикого края покрыты девственными лесами и многочисленными озерами. Вы можете идти на восток и на запад на невообразимое расстояние и на север до самого Полярного круга, и везде будет все та же первобытная природа, и лишь изредка встречаются торговые посты.

Каждую весну в Уаскезье приезжают люди и разбивают лагерь — вырастает целый город палаток; каждую осень они уезжают, оставляя огромную территорию на попечение диких зверей и птиц и на мое попечение.

Должно быть, самые интересные из всех летних гостей Уаскезье — это медведи. Здесь встречаются всевозможные медведи: медвежата весом около ста фунтов, только что начинающие самостоятельную жизнь, и большие медведи, которые весят шестьсот фунтов, и это вовсе не самые крупные, это просто обыкновенные медведи, каких здесь много. Вы встретите здесь черных медведей с рыжими мордами, рыжевато-коричневых, темно-коричневых и просто коричневых — обыкновенных, а мне как-то попался на глаза медведь с яркой бронзовой окраской. Здесь нет только гризли. Медведи — это безобидные, добродушные существа, которые ни на кого не обращают ни малейшего внимания, и не раз мне приходилось видеть медведя, шествующего по проезжей дороге. Улицы городка освещены по ночам, но фонари находятся на большом расстоянии друг от друга, и случалось, что люди в темноте насканивали на медведей и пугали их до полусмерти; в связи с этим было внесено предложение улучшить освещение городка.

Интересно наблюдать, как шесть, а то и больше медведей собираются кучкой около летних кухонь, обнюхивают и выбирают себе куски из подачек поваров; надо отдать справедливость косматим: они ведут себя очень вежливо по отношению друг к другу и совсем не обращают внимания на толпу любопытных, которые смотрят на них во все глаза и непрерывно щелкают фотокамерой, стоя на расстоянии всего лишь двадцати футов.

Недалеко от Уаскезье среди зарослей кустарников, через которые проходит большая проезжая дорога, живет медведица с медвежатами. Они часто выходят на дорогу и ждут машину. Стоит вам остановиться, как они подходят всей семьей и без всякого стеснения выпрашивают лакомые кусочки. Это, конечно, несколько дискредитирует старые рассказы о свирепости медведицы, у которой есть медвежата, однако людей, сидящих в машине, это очень забавляет, и они потом с гордостью рассказывают, как смотрели в глаза «страшному зверю».

Молодые и неопытные медведи, впервые поселившиеся в Уаскезье, незнакомые еще с местными порядками, то и дело что-нибудь натворят: то они забираются в палатки, еще никем не занятые, и засыпают там, то залезают головой вниз в мусорные баки и барахтаются, пока к ним не придут на помощь. Одна моя знакомая рассказывала, что как-то, войдя в свою палатку, она заметила большую черную собаку, которая улеглась, как дома, и на ее приход реаги-

рвала с полным безразличием. Рассердившись на бесцеремонность непрошеного гостя, женщина сначала шлепнула его рукой, а потом стала выгонять веником, и тут только она увидела, что это был довольно крупный медведь. Медведь не обиделся и спокойно ушел.

Рассказывали мне и такой случай. Медвежонок, скитаясь между палатками, стащил женские трусики. Немного поиграл ими и, не найдя в этом ничего интересного, отправился на поиски новых приключений. Но не тут-то было, трусы связали его движения, зацепившись за когти. Он то и дело останавливался и пробовал стряхнуть их; иногда он даже становился на задние лапы, поднимал высоко над головой переднюю лапу и махал трусами, словно флагом. Он вертелся в тщетной попытке освободиться от ненавистных пут, потом останавливался в забавной позе, словно смущенный своим бессилием. В конце концов трусы взлетели на воздух и повисли на ветке дерева; медвежонок взглянул на них с облегчением и побрел себе дальше.

Говорят, что один из косолапых был всегда гостиницы и ежедневно в определенный час входил непринужденно на кухню; это был довольно большой медведь, и повара, чтобы поддерживать с ним дружественные отношения, оставляли для него угощение — кусок пирога или другие лакомства, а сами уходили во двор. Наевшись досыта, медведь, не торопясь, уходил, а повара возвращались на кухню со вздохом облегчения.

Случалось, что малообразованный медведь, незнакомый еще с порядками лагеря, вваливался на склад. Особенного вреда и убытка он не причинял, и главная вина ложилась на сторожа, который забывал запереть дверь на складе. Как бы там ни было, но ни один уважающий себя медведь не позволял себе этого — ведь гораздо легче и приличнее выпросить себе еду на кухне.

Как-то раз было получено сообщение из одного курортного городка (не из Уаскезэ), что медведи, которых взрослые обвиняют в коварстве и злодеяниях, тайком играли в зарослях с детьми. Я не знаю, что еще может сделать медведь, чтобы заслужить доверие человека, — остается только посадить ребят к себе на спину и привезти их в город.

Поверьте мне, что медведь — добрый малый, он с удовольствием съест любую пищу, которую вы ему дадите или же забудете убрать. Характер у него веселый, и не следует преувеличивать его недостатки. Он хочет, чтобы вы его поняли, и не надо быть с ним мелочным. То, что медведи иногда вламываются в кладовые и вытаскивают оттуда мешки с мукой для того, чтобы рассыпать ее по земле площадью в пол-акра и поваляться там, говорит только о том, что медведи игривы. Я считаю вполне справедливым за такие проказы наказывать медведя, а если к тому же вы ему покажете соблазнительную витрину с мясными и свиными консервами в банках по 2 килограмма весом (не трудитесь их открывать, медведь сам сумеет это сделать) да еще банки с медом, то внимание медведя будет отвлечено от муки хотя бы на некоторое время.

Медведи придают особый колорит этим местам, и большинство из завсегдатаев Уаскезэ считает, что именно они привлекают сюда людей. Быть может, некоторые робкие души испугаются, если встретят компанию медведей на

главной улице городка, но таких пугливых немного, большинству нравятся эти встречи. Медведь — это клоун лесов; неуклюжий и подчас вороватый, он все же очень милый и добродушный малый, когда с ним хорошо обращаются.

В окрестностях Уаскезэ, где водится много медведей, не зарегистрировано ни одного несчастного случая от столкновения с медведем, известны только комические происшествия.

Дикие животные очень быстро распознают заповедные места, как только туда попадают. За короткое время они становятся совсем ручными, спокойно живут своей жизнью и не вмешиваются в дела человека, если только он не вмешивается в их дела. Кажется, им нравятся новые интересные развлечения, которые они здесь находят.

Несколько лисиц очень красивой окраски — черно-бурые, серебристо-серые и рыжие — сделали этот летний курорт своей постоянной обителью. Несмотря на то, что лисицы — прирожденные путешественницы, эти предприимчивые существа проводят большую часть своего времени на курорте. Однажды я получил удовольствие встретить целое лисье семейство: очень красивая серебристо-серая лисица с четырьмя черными, как смоль, лисятами стояла у дороги и смотрела, как я проходил мимо. Зимой они постоянные посетители хижины проводника, где им оказывают теплое гостеприимство и, конечно, никогда не забудут накормить.

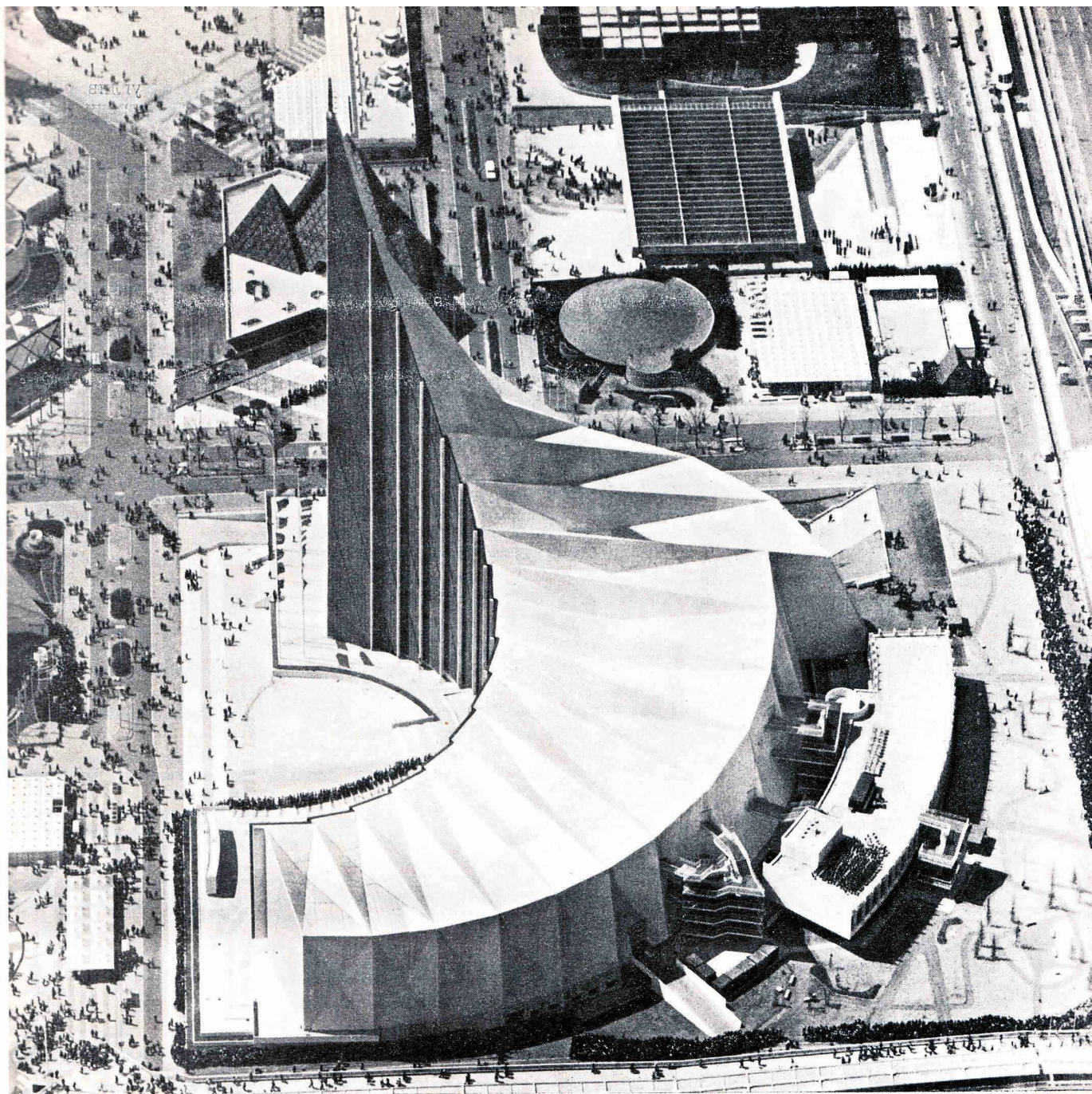
Я редко бываю в Уаскезэ и не все знаю, что там происходит из года в год, поэтому я с удивлением смотрел на стадо оленей, которое спокойно проследовало мимо толпы любопытных. Их было пять. Они шли легко и грациозно, вереницей друг за другом, как индейцы, и, казалось, следили за каждым шагом своей непринужденной, пружинящей поступи — быстрые, дикие и свободные дети первобытной природы, посланцы лесной глуши.

Незадолго до этого один ручной олень жил в Уаскезэ. Он умер, говорят, от злоупотребления табаком. Нет, он не курил, но, как некоторые другие животные, очень любил жевать табак и был своего рода наркоманом. Как-то вечером он увидел, что одна молодая женщина пошла прогулять по набережной. Олень тоже решил прогуляться и пошел за ней. Женщина знала этого оленя и не стала отгонять его, и они шли рядом по набережной. Почувствовав усталость, женщина присела. Олень прилег рядом.

Потом молодая женщина решила, что ей уже пора возвращаться домой, и встала. Но олень, по-видимому, еще не собиравшись уходить и, толкнув легонько, заставил ее сесть. Через довольно продолжительное время женщина снова попыталась встать, но спутник снова заставил ее сесть. Так повторялось несколько раз, и женщина, боясь рассердить оленя, решила не двигаться с места; олень продолжал лежать у ее ног. Наконец на выручку молодой женщине пришло несколько ее друзей, тогда олень сдался и вместе со всеми отправился в город.

Звери, которые продолжают жить на холмах среди дикой природы, окружающей со всех сторон Уаскезэ, смотрят, конечно, с упреком на перебежчиков. Но они ничего не предпринимают, чтобы удержать своих собратьев, и количество беглецов с каждым годом увеличивается.

Перевела с английского
А. МАКАРОВА.

НАШ ДВОРЕЦ НА «ЭКСПО»

В окрестностях японского города Осака — Всемирная выставка. Каких только тут нет павильонов: и с башнями, со шпилями, и в виде шаров, причудливых блюдец, кубов, многогранников!.. Но всех интереснее наш павильон — советский. Он сделан в форме огромного красного знамени, высоко — на сто девять метров! — взметнувшегося в голубое небо.

Из круглых кабин подвесной дороги, в которых путешествуют по выставке туристы, всегда видна вокруг павильона эта длинная-предлинная очередь. Знамя-дворец, увенчанный серпом и молотом, каждый день привлекает сотни тысяч посетителей. Людям, нико-

гда не бывавшим в Советской стране, кажутся чудесными и детский сад, где так светло, уютно веселым малышам, и действующие модели заводов-гигантов, обширные поля, плантации, механизированные фермы амурского колхоза и диорама великанов-гидроэлектростанций на Ангаре и Енисее, самые современные станки, космические аппараты и новые жилые кварталы пострадавшего от землетрясения Ташкента, воздвигнутые усилиями всего советского народа...

«Масштабы социализма огромны, — читаем мы в книге отзывов павильона. — Социализм открывает будущее, которое достойно человека».

ВНИМАНИЕ! ЭТО НАС КАСАЕТСЯ! ВНИМАНИЕ!

Для наших тетрадок

КАК ПИОНЕРЫ СБЕРЕГЛИ СОРОК ТЫСЯЧ ГЕКТАРОВ ЛЕСА, РАССКАЗЫВАЕТ ГАЗЕТА «ЛЕСНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ».

На сорока тысячах гектаров сохранился лес, растет и зеленеет благодаря тому, что в прошлом году удалось собрать 1300 тысяч тонн старой бумаги, макулатуры. На сырье для новой бумаги пошла не древесина, живой лес, а старая, уже использованная бумага. Это не только сохранило огромные лесные массивы, но и сократило расходы по производству бумаги.

Подсчитано, что в этом году можно бы собрать еще больше, до полутора миллионов тонн макулатуры. Судите сами, в одной только Москве более трех миллионов подписчиков на газеты и журналы. «Да плюс к тому исписанные тетради, обертка, картонная тара. Нет ни одной московской квартиры, где периодически не выбрасывались бы в мусоропровод килограммы бумаги», — замечает газета «Лесная промышленность».

К СОЖАЛЕНИЮ, ПИШЕТ ГАЗЕТА, В ПИОНЕРСКИХ ОТРЯДАХ СТАЛИ МАЛО БЕСПОКОИТЬСЯ О ТОМ, КАК ПОМОЧЬ С БУМАГОЙ И СДЕЛАТЬ ПОВОЛЬШЕ ТЕТРАДЕЙ, КНИГ. НЕСКОЛЬКО ЛЕТ НАЗАД КАЖДЫЙ ШКОЛЬНИК В МОСКВЕ СДАВАЛ ПО ДЕСЯТЬ КИЛОГРАММОВ МАКУЛАТУРЫ, В ПРОШЛОМ ГОДУ — ПО ШЕСТЬ, А В НЫНЕШНЕМ СДАЮТ СОВСЕМ МАЛО.

Два рубля

Учитель Урусубинской школы (Ивановская область) В. Залипаев напечатал в «Правде» статью «Пусть знают цену копейке».

Он рассказал, как в школе готовился праздничный вечер, и у ребят произошел такой разговор:

— По сколько будем собирать?

— Давайте по два рубля.

— А не слишком ли много, ребята? — вмешался я. — Ведь в некоторых семьях по два-три школьника.

— Ничего, дадут! — проговорил Олег.

— А сколько зарабатывают твои родители? — понтересовался я.

Олег недоуменно пожал плечами.

— А велика ли ваша семья?

— Шесть человек.

«Значит, в семье четверо школьников, их нужно одеть, обусть, прокормить. А сын об этом даже не задумывается. Видно, ребята не понимают, откуда берутся жизненные блага. Им представляется, будто все в жизни дается легко, без труда и напряжения», — заключает свою статью В. Залипаев.

А НАДО БЫ ЗАДУМАТЬСЯ: НЕ МАЛЕНЬКИЕ.

БЕРЕГИТЕ ТИШИНУ!

Оказывается, шум очень вредит здоровью. Врачи обратили на это внимание.

Главный врач Мурманской станции гигиены труда Г. Чернявский рассказал, что на станцию обратились врачи «Севрыбы»: при осмотре они обнаружили у рабочих лесотарного цеха пониженный слух. Причина: в цехе шумят машины.

Портится слух, расстраиваются нервы.

Сейчас ученые ищут способы, как сберечь здоровье людей, упразднить шум. Во многих городах запрещены гудки автомобилей и паровозов. Конструкторы стара-

ются создать бесшумные машины.

Еще важнее для людей после работы тишина в доме. Нельзя кричать во все горло, так, будто ты живешь один на свете, или стучать, запускать радио на полную мощность.

Словом, надо каждому думать о людях по соседству, беречь их здоровье.

КОРОТКО О БОЛЬШИХ ЛЮДЯХ

Добрый друг капитанов

Как это ни удивительно, но Петербург, задуманный Петром как морские ворота в Европу, долгое время оставался чуть ли не «сухопутным» городом, потому что та часть Финского залива, куда впадает Нева, слишком мелкая для больших судов. Портом был Кронштадт. Еще Петр чувствовал потребность в Морском канале. Но строительство его началось лишь в 1876 году и продолжалось пять лет. Канал проложили по дну залива. Он не широк — с мостика корабля он кажется не шире палубы.

О том, как важен этот Морской канал, можно су-

дить по тому, что фашисты, обложив во время войны Ленинград со всех сторон, хотели его запереть. В первый же день войны им удалось заминировать его, и на mine подорвался пароход «Рухно». По замыслу фашистов, затонувший корабль должен был закрыть канал для всех судов.

Лоцман Федор Алексеевич Трофимов спас канал. Он направил тонущий пароход на бровку и посадил на мель, освободив канал. Когда «Рухно» заскрежетал днищем о мель, Трофимов вытер холодный пот со лба и сказал:

— Ну, канал жив!

Лоцманы — хорошие друзья капитанов, они проводят корабли в порт, а за день в ленинградский Морской канал входит до двадцати пяти и более флагов разных стран. Каждого надо встретить так, чтобы, как положено, под килем была глубина не менее трех футов.

Самое последнее достижение — автоматическая проводка судов.

За лето прошлого года радиолоцманы в Петергофе, не сходя с берега, провели более полутора тысяч судов. На Балтике лоцманов называют «говорящая карта».

На уроке — трактор

Весной минувшего года девятнадцать выпускников Бассинской средней школы (Новосибирская область) вместе с аттестатом зрелости получали свидетельства

комбайнеров. Во время жатвы многие из них стали за штурвал машины в совхозе «Полытоталец». Толя Пригорин, к примеру, убрал зерновые со 146 гектаров.

И в этом году ребята изучают на уроках трактор и другие сельскохозяйственные машины. Они выходят из школы готовыми специалистами.

ЛЕСНОЙ ДОКТОР

В нескольких лесхозах белорусского Полесья, усыхая, теряла свой зеленый наряд сосна. Что за болезнь? Как ее лечить? Местные работники обратились в «лесную больницу», и в Полесье приехала экспедиция во главе с «лесным доктором» Александрой Владимировной Колченковой. Она не раз уже приходила на помощь заболевшим соснам, березам, дубам.

Обидно, когда в здоровом лесу видишь умирающее дерево. И как радостно, если его можно спасти, оживить. Обычно больные рассказывают своим врачам, что у них болит, но «пациенты» Александры Владимировны всегда молчат. Для того, чтобы узнать, какая болезнь постигла сосну в Полесье, экспедиция обследовала лес на площади сто тысяч гектаров. (Путь был трудный: через болота, речки, буреломы.) Шли «врачи» с полной выкладкой на пле-

чах, в рюкзаках несли целую аптеку для больных.

Шесть месяцев Александра Владимировна и ее товарищи изучали Полесье. Они определили причину болезни и составили проект, как ее лечить.

Если бы соединить воедино все леса, спасенные «лесным доктором» Колченковой за 25 лет ее работы, это был бы необозримый зеленый океан.

— Чем больше в наших лесах муравьев и насекомых птиц, тем меньше вредителей будет в лесах, — говорит Александра Владимировна. — **ПУСТЬ РЕБЯТА ЗОРЧЕ ОХРАНЯЮТ МУРАВЕЙНИКИ, РАЗВЕШИВАЮТ БОЛЬШЕ ПТИЧЬИХ ДОМИКОВ И СТОЛОВЫХ. КАКОЕ ЭТО БЛАГОРОДНОЕ ДЕЛО!**

За морями-океанами

КРАСНЫЙ МАЭСТРО

«Он постоянно подвергался гонениям, его стремились отодвинуть на второй план, лишить возможности продвижения, но он вел упорную, настоятельную борьбу...»

Из аргентинской газеты «Кроника».

Да, судьба Освальдо Пугльесе была очень трудной. Его мелодии напевали в разных уголках Аргентины, о нем говорили, что он умеет выразить в музыке душу народа, но ему запрещали выступать, срывали его концерты, не раз самого его бросали в тюрьму. Освальдо Пугльесе — коммунист, ему не могли простить его убеждений. А он и не скрывал их: на концерты выходил с красным значком — серп и молот сверкали на лацкане его пиджака.

В тревожные дни, когда США пытались вовлечь в войну против корейского народа все латиноамериканские страны, в том числе и Аргентину, Освальдо написал свою песню «Не играйте в войну». Он сочинил песни и в поддержку героической борьбы вьетнамского народа. Когда забастова-

ли женщины-работницы, он для них создал революционную песню «Работница». Его арестовали и бросили на шесть месяцев в тюрьму. В заключении он написал новую песню — «Тридцать четыре заключенных».

Освальдо сидел в тюрьме, а его оркестр продолжал выступать. Однако место пианиста, которое обычно занимал Пугльесе, оставалось пустым. И каждый раз, когда в исполнении появлялись паузы, которые должен был заполнить пианист, зрители аплодировали — они вспоминали о судьбе Пугльесе.

Бурные протесты трудящихся заставили власти выпустить его на свободу. Недавно в Аргентине был устроен фестиваль в честь «Красного маэстро», как называют здесь мужественного борца, коммуниста.

КОМУ ДОСТАЮТСЯ ПРИБЫЛИ

Так назвал свою статью В. Солдатов, собственный корреспондент газеты «Сельская жизнь». Его статья рассказывает нам то, что происходит в сельском хозяйстве Америки.

— Осенью прошлого года, — пишет В. Солдатов, — мне пришлось присутствовать на празднике урожая в небольшом городке, расположенном на границе Вирджинии и Южной Каролины. В параде участвовал мэр, кандидат в законодательное собрание штата, местные бизнесмены. Неожиданно в самом конце процессии появился небольшой трактор. На нем был укреплен плакат «Джон за работой». Фермеру громко аплодировали.

— Год назад на тракторе ехал Билл, — негромко заметил мой собеседник. — Сейчас он работает на фабрике.

Журналист объясняет суть этого эпизода: мелкие фермеры разоряются и бросают свои фермы...

В течение последних лет фермеры «хлебной корзины»

Соединенных Штатов, протянувшейся от Техаса до Канады, добились больших урожаев. Они покупали новую технику, вносили в почву много удобрений. Им благоприятствовала и погода. Но когда рекордный урожай был собран, оказалось, что пшеницы слишком много, цены на нее упали...

Нам, советским людям, все это кажется очень странным. У нас, если хороший урожай, — всем лучше. Но в капиталистическом мире свои законы. Не подумайте, что и в самом деле там произведено слишком много пшеницы или слишком много свинины. Нет, число голодных в Америке огромно. Но о них никто не думает. Крупные фермеры, чтобы самим нажиться, разоряют мелкие хозяйства.

НОЧНОЙ ОБОЗ

Алексей МУСАТОВ

ПОВЕСТЬ

Окончание

Рисунки **С. ТРОФИМОВА.**

Срочное предписание

Сегодня в детдоме намечался банный день. С утра Таня со старшими ребятами и дедом Силантием возили с речки воду, пилили дрова.

В разгар работы Таню отыскала встревоженная тетя Лиза и сказала, что Ефросинья Тихоновна ждет ее в дежурке.

— Полицай Семенов зачем-то приходил.

Таня вздрогнула. Появление Семенова всегда приносило какую-нибудь беду. Таня бросилась в дежурку — маленькую угловую комнату в школьном здании.

Ефросинья Тихоновна, тяжело навалившись на стол, сидела белая, как береста. Елена Александровна, пришедшая в детдом, чтобы провести очередной медосмотр, держала за-

ведущую за руку, прослушивала пульс. В комнате пахло валерьянкой.

Анна Павловна стояла у окна и про себя читала какую-то бумагу.

— Что... что случилось? — упавшим голосом спросила Таня. — Зачем приходил Семенов?

Учительница протянула ей лист бумаги.

Таня пробежала ровно отбитые на машинке строчки и похолодела: это было предписание об отправке детей в Германию. Ссылаясь на распоряжение немецких властей о том, что детский дом возник незаконным путем и что его работники не могут правильно воспитывать детей, городская управа приказывала под личную ответственность госпожи Ткачевой в течение трех суток подготовить детей к отъезду. Бумага была подписана городским головой Преловским.

— Вот и конец всему... Теперь уж никуда не денешься, — произнесла Анна Павловна.

Мысли одна тяжелее другой пронеслись в голове Тани. Удар, страшный удар обрушился на их детский дом! Неужели все, что перенесли ребята, было напрасным? И это теперь, когда наши войска погналы гитлеровцев из-под Москвы и, может быть, вскоре освободят их город? Неужели дети будут вывезены в Германию, чтобы стать батраками на фермах, в имениях или донорами в больницах?

«Что же делать, что делать? — мучительно раздумывала Таня. — Надо срочно повидать Ивана Данилыча, Виктора. Пусть они свяжутся с партизанами и дадут им знать, что ожидает детей. Может быть, те сумеют что-то придумать... Но где взять время, если до отправки ребят осталось трое суток? Всего лишь трое суток! Вот если бы оттянуть отъезд детей в Германию дней на десять или хотя бы на неделю...»

— В лес уходить надо... Всем... Немедля. И уводить с собой детей, — подняв голову, наконец заговорила Ефросинья Тихоновна. — Может, к партизанам пробьемся.

Она потянулась за костылем. Но тот скользнул по краю стола и с грохотом упал на пол.

— Эх, Тихоновна! — поднимая костыль, жалобно сказала тетя Лиза. — Какой уж из тебя ходок... Да и куда мы с малышами тронемся в такой лютень...

— Тогда старших уводите, — вздохнула Ефросинья Тихоновна. — А я с малышами здесь останусь... Мне не привыкать...

— Нет, сами уйти мы не сумеем, — вполголоса сказала Таня. — Немцы нас догонят и вернут обратно. Тут надо другое. Помните про девчат из пошивочной мастерской? Их тоже в Германию хотели отправить. А они справку от врача получили, что у них трахома. Ну, отправка и задержалась. — Таня повернулась к Елене Александровне и встретилась с ней взглядом. — Я знаю тех девчат. Никакой у них трахомы не было. Просто им хороший доктор попался. Вот если бы и нам так сделать...

— Ты что же хочешь? — тихо спросила Анна Павловна. — Чтобы мы объявили, что у наших детей трахома?

— Не обязательно трахома, — поспешила объяснить Таня. — Можно и другую болезнь подобрать. Вот тиф, скажем. Главное, чтобы в детском доме карантин объявить. Хотя бы дней на семь, на десять. А самим за это время с партизанами связаться... Елена Александровна, вы согласны со мной?

— И отчаянная ты голова, Татьяна, — вздохнула Ефросинья Тихоновна и посмотрела на врача.

— Лучшего выхода, пожалуй, не придумаешь, — помолчав, сказала Елена Александровна. — Ну что же... Я готова на все. Сегодня же напишу заключение, что в детдоме началась сыпной тиф. Заболевание тифом дает карантин на две недели.

— А если немцы разнюхают? — спросила тетя Лиза. — С вас же первый спрос.

Елена Александровна вздохнула:

— Риск, конечно, большой... А отвечать при случае нам всем придется. И давайте похитрее действовать. — Она попросила подготовить двух-трех детдомовцев к тому, чтобы они согласились лечь в карантин, как тифозные больные.

...В сумерки к Тане подошел Шурка и сказал, что ему надо срочно поговорить.

— И мне надо, — призналась Таня.

Они вошли в пустую дежурку, зажгли коптилку.

Шурка выглядел напряженным, взъерошенным, как будто только что закончил с кем-то нелегкий спор. Немного помедлив, он вполголоса спросил, правда ли, что ребят из детского дома отправляют в Германию.

Таня подтвердила, что все это правда и что на сборы им дано всего три дня.

— Так мы и знали, — мрачно отозвался Шурка. — Раз Семенов заявился — добра не жди... Вот мы и решили — не ехать. Разбежаться кто куда.

— Кто это «мы»?

— Ну вот мы... мальчишки. Наша компания. Будем жить в городе, тайно, безпризорниками. Или проберемся к партизанам.

— Решили, значит? — усмехнулась Таня. — Боевая четверка спасается от отправки в Германию. А остальные? Мальши, девочки?

Шурка молчал.

— А я думала вам другое дело поручить, посложнее... — И она объяснила, что все ребята должны поверить, что у них в детдоме началась эпидемия. А для этого двое-трое детдомовцев должны лечь на две недели в изолятор и притвориться, что они заболели тифом.

— Ну, это проще простого. Только скажите — от охотников отбоя не будет. Вот хотя бы Фильке Мясному — он поспать дюже любит. Или девчонкам.

— Нет, Шурка... Тут сила нужна... характер. Чтобы не сорваться, выдержать. И я

очень надеюсь на тебя. Знаю, в смелости тебе не откажешь, но тут смелость должна быть особая. И подумай, кого бы ты взял себе в пару. Кому веришь, как самому себе?

— Пожалуй, Родьке,— подумав, сказал Шурка.— С ним можно. Или Витолу...

После часового ожидания в приемной Ефросинья Тихоновна и Елена Александровна вошли наконец в кабинет городского головы.

— Мы по вашему вызову,— напомнила Ефросинья Тихоновна.— Из детского дома.

Секретарша подсунула Преловскому папку с бумагами.

— Та-ак,— иронически заговорил Преловский.— У вас, значит, неожиданно вспыхнул тиф.

— Да. Позавчера вечером,— подтвердила Ефросинья Тихоновна.— Двое мальчиков лежат с высокой температурой в изоляторе.

— И это утверждает мадам Ткачева, которую никто и нигде не утверждал в должности директора детского дома.— Преловский брезгливо поднял за уголок бумажку с заключением Елены Александровны.— А диагноз ставила доктор Первухина, жена офицера Красной Армии, которую также никто не назначал врачом в детский дом. Не так ли?

— Но врач всегда врач...— сдержанно заметила Елена Александровна.— И дети действительно больны. Мы уже объявили карантин в детском доме.

— А не кажется ли вам, что вы поспешили со своим заключением? Рекомендую пересмотреть его... И как можно скорее... Тем более что срок отправки детей остается прежним.

Елена Александровна побледнела.

— Если вы мне не верите,— как можно спокойнее сказала она,— можете прислать любого специалиста... Вот хотя бы профессора Хазарова...

Ей вспомнилась эта фамилия потому, что до войны она слушала лекции профессора в мединституте, потом практиковалась у него в клинике. Хазаров, как большинство жителей города, не успел эвакуироваться, сейчас служил в городской инфекционной больнице и, кажется, был у немцев на хорошем счету.

— Вы знаете профессора Хазарова?— спросил Преловский.

— Немного... Я когда-то у него училась...

Преловский задумчиво побарабанил пальцами по столу, затем распорядился пригласить к нему профессора Хазарова.

«Карантин»

Второй день Шурка с Витолом находились в «карантине».

Он был устроен наспех в пионерской комнате, узкой и длинной, как ученический пе-

нал. Из комнаты убрали все лишние вещи, завесили окно занавеской, принесли из спальни две железные койки, две тумбочки и повесили на двери устрашающую надпись: «Карантин».

Родьку воспитатели в «карантин» не поместили: сочли, что тот не выдержит положения мнимобольного, сорвется и убежит.

Шурка с Витолом в одном нижнем белье лежали под теплыми одеялами и томилась без дела.

Время от времени в «карантин» заходили Таня с Еленой Александровной и в какой раз втолковывали ребятам, как они должны себя вести, чтобы детдомовцы поверили, что они действительно тифозные: лежать тихо, спокойно, громко не разговаривать, на кроватях не возиться, к окну не подходить и в форточку не выглядывать.

На третий день пребывания в «карантине», едва только тетя Лиза успела накормить «больных» завтраком, как к ним поспешно вошла Таня.

— Мальчики, по кроватям,— вполголоса приказала она, прислушиваясь к голосам за дверью.— Сейчас вас будет осматривать доктор из городской больницы, профессор Хазаров.

Она настороженно оглядела комнату, убрала в шкаф шахматы, настольный бильярд, книги, поправила на ребятах одеяла, сунула им под мышки градусники.

— Хазаров?!— приподнимаясь, спросил Шурка.— Это который у немцев...

— Да, да,— кивнула Таня.— Его прислали сюда из городской управы.

— А чего нам делать?— осведомился Витол.

— Отвечать на вопросы, стонать, жаловаться...— Желая как-то подбодрить ребят, она растерянно улыбнулась.— Ну, мальчики, держитесь! Помните, что вы больные...

И Таня, в последний раз оглядев комнату, скрылась за дверью.

Вскоре в «карантин» вошла Елена Александровна и вслед за ней профессор Хазаров в белом халате. Профессор был высокий, чуть сутулый, с седыми клочковатыми бровями на хмуром, усталом лице, глаза прикрыты темными очками.

Елена Александровна показала ему карточки «больных».

Бегло просмотрев их, профессор попросил доктора оставить его наедине с ребятами. Елена Александровна вышла. Хазаров опустился на табуретку и пощупал у Шурки пульс.

— Ну-с, молодой человек, что болит?

— Ой, дяденька доктор, все болит!— застонал Шурка.— Жар, ломота в руках-ногах... Пить охота.

Хазаров достал из-под мышки у Шурки термометр.

— М-да! А температура всего лишь тридцать семь и три десятых.— Он понюхал тер-

мометр.— Чем под мышкой натирал? Чесноком или луком?

— Что вы, дяденька доктор! Это, наверное, градусник испортился. Вы у Витола проверьте... Он всю ночь бредил... Будто он уже в Германию попал и у него кровь выкачивают...

— Какую кровь? Зачем?—Профессор, приподняв очки, пристально взгляделся в лица мальчиков.

— А вы разве не знаете, зачем наших ребят в Германию... — с тоской вырвалось у Витола.

— Дяденька доктор! — вновь заговорил Шурка.— А я вас помню... Вы меня в больнице лечили, когда я скарлатиной болел. Я и Борьку вашего знаю... Вместе учились...

— Да, да, все может быть,— каким-то отсутствующим голосом ответил профессор.

— Борька мне еще книжку не вернул. Про разведчиков. Библиотечную. Вы скажите ему...

Вздвогнув, профессор опустил на глаза темные очки, тяжело поднялся с табуретки и направился к двери.

...В это время в дежурке в напряженном ожидании сидели Елена Александровна и Ефросинья Тихоновна. У двери, слегка приоткрыв ее и поглядывая в коридор, стояла Таня. Ей хорошо видна была лестница, ведущая со второго этажа, по которой вот-вот должен был спуститься профессор Хазаров. В конце коридора маячила фигура полиция Семенова, который пришел в детдом вместе с профессором.

— Вы думаете, он поможет, этот профессор? — посмотрев на врача, спросила Ефросинья Тихоновна. — Кто он вам? Родственник, приятель?

— Да нет, ни то, ни другое, — помолчав, ответила Елена Александровна. — Но он же человек... русский. А потом у него собственный сын погиб... И жена. Во время эвакуации. От бомбежки.

— Идет... профессор идет, — вполголоса предупредила от двери Таня.

Сутулясь более чем обычно, Хазаров вошел в дежурку, снял халат. Елена Александровна и Ефросинья Тихоновна поднялись ему навстречу.

— Вы правы, коллега, — сухо бросил профессор врачу. — У мальчиков действительно тиф. — Он присел к столу, написал на листке бумаги заключение, потом предупредил: — Но имейте в виду, этой бумажкой дело еще не кончается. Ваших тифозных придется отправить ко мне в инфекционную больницу.

Елена Александровна едва не вскрикнула:

— К вам? В тифозное отделение?

— Вот именно. Вы же сами врач и понимаете, что без этой меры ни вашему, ни моему заключению никто не поверит.

Таня переглянулась с Ефросиньей Тихоновной. Как? Здоровых детей отправить в тифозное отделение? Разве мог кто подумать, что дело примет такой оборот?

Профессор тяжело поднялся с табуретки и направился к двери.

— Профессор! — обратилась к нему пораженная Ефросинья Тихоновна. — Но дети же действительно могут заразиться.

Хазаров помрачнел.

— Да, такая возможность не исключена. Риск, конечно, имеется. Но иного выхода нет ни у вас, ни у меня. Для видимости ваши мнимобольные обязательно должны быть помещены в больницу. Без этого карантин может быть отменен. — И, поднявшись, он деловито сказал: — Сегодня же пришло санитаров. Подготовьте мальчиков, предупредите их обо всем. Я постараюсь сделать все возможное, чтобы они остались здоровыми...

Профессор ушел, а женщины еще долго обсуждали между собой, как им поступить с Шуркой и Витолом: не говорить, куда их увезут, или сказать?

— Обязательно. И всю правду, — заявила Таня.

— Здоровых детей к тифозным! — сокрушенно ахнула Ефросинья Тихоновна. — Это же верная гибель.

— Почему гибель? — возразила Елена Александровна. — Ведь профессор обещал сберечь их...

— А может, попрятаться ребятишкам, скрыться куда? — осторожно предложила тетя Лиза. — Повезут их санитары в больницу, а они по дороге возьми и сбеги. Ищи-свищи потом.

Покачав головой, Таня принялась доказывать, что сейчас им никак нельзя еще раз навлекать на себя подозрение со стороны городской управы. Им во что бы то ни стало необходимо выиграть время, чтобы установить связь с партизанами. И поэтому надо сделать так, как советует профессор.

Она поднялась и кивнула Елене Александровне:

— Пойдемте к нашим «больным», поговорим с ними. Я уверена, что ребята поймут... должны понять.

В больницу

К вечеру к детдому подъехал больничный фургон с двумя санитарками. Закутанные по самые глаза платками, в больших кожаных перчатках, санитарки вытащили из фургона брезентовые носилки и направились в изолятор.

В этот час выходить на улицу детдомовцам было строго запрещено: ведь у них в доме тиф и двух заболевших товарищей сегодня отправляют в инфекционную больницу. Но ребята, хотя и затаились в спальнях, не спускали с фургона глаз. Они обступили все окна, выглядывали в форточки, а группа мальчишек даже забралась на чердак и наблюдала за фургоном через слуховое окно.

Первым из изолятора вынесли Витола, за ним Шурку.

«Больные» лежали на носилках, укрытые до подбородка одеялами, и выглядели тихими, обессиленными. Детдомовцам, прильнувшим к окнам спален, даже показалось, что Шурка с Витолом дышат тяжело, прерывисто и лица их пылают от высокой температуры.

— Здорово их прихватило! — разговаривали между собой ребята.

— Наверное, простудились, когда воду для бани возили!

— Их сам профессор Хазаров смотрел. Сыпной тиф у них обнаружил.

— А не заболеют они, что бы с нами стало? — с тоской выдавил кто-то из мальчишек. — Загнали бы нас сейчас в теплушки...

— Страдальцы вы наши! Мученики! — неожиданно запричитала тетя Лиза, провожавшая «больных». — И куда вас только увозят...

— Не надо... перестаньте, — умоляюще шепнула ей Таня. — Ребятам и так не по себе... — И она поспешно обернулась к Шурке с Витолом: — Ничего, мальчики, ничего... Все будет хорошо, все обойдется. — Она даже попыталась улыбнуться, но улыбка получилась жалкой и растерянной. Ребята ответили ей понимающим, грустным взглядом.

Таня вспомнила, как незадолго до приезда санитарок она и Елена Александровна разговаривали с ними в изоляторе. Как сна и предполагала, мальчики все поняли с первых же слов и без возражений согласились лечь в больницу.

— Подумаешь, в тифозную больницу попадем! — с деланной беспечностью отмахнулся Шурка. — Пусть хоть и заболеем, ничего страшного. Вылечимся как-нибудь... Только бы ребятам хорошо было... — И он спросил, удалось ли Тане связаться с партизанским отрядом.

Таня сказала, что к партизанам с ее донесением уже отправился один надежный человек, но ответа пока еще нет. Но он будет, непременно будет, партизаны их не забудут, надо только подождать. Вот двухнедельный карантин и поможет им решить судьбу детского дома.

Санитарки принялись всовывать внутрь фургона носилки с «больными».

— Шурка, Витол! — неслось из открытых форточек. — Поправляйтесь скорее!

— Мы вас ждем!

— Навещать будем!

Не выдержав, Шурка сбросил одеяло, высунулся из фургона и готов был что-то крикнуть в ответ, но, заметив предупреждающий взгляд Тани, только помахал детдомовцам рукой.

Санитарки закрыли дверь, и фургон тронулся.

В этот же день Таня заглянула на квартиру к Барсукову. Жена сказала, что Иван Данилович вот уже третий день как уехал получать в деревне овес для лошадей и до сих пор не вернулся. Прихватил он с собой и Мишку. Не случилось ли чего с ними? Может, приболели дорогой или лошадь ногу повредила?

— А немцы их не могли забрать? — спросила Таня.

— Не должно... Иван Данилыч начальством послан, от комендатуры... Документы у него в порядке.

Прошло еще два дня, а Барсуковых все не было. Обеспокоенная Таня решила, что Ивану Даниловичу никак не удастся напасть на след партизанского отряда или он вызвал подозрение у полицаев и те арестовали его.

А может быть, партизанам сейчас не до детей? Ушли в другой район, выполняют операцию или отбиваются от карателей?

Встречая воспитателей, Таня читала в их глазах немой вопрос: «Куда же запропастился твой надежный человек? Почему молчат партизаны?»

— Надо ждать... Время у нас еще есть,— пыталась успокоить их Таня, хотя и сама она чувствовала, как стремительно проходят дни карантина.

«Как же все-таки установить связь с Лесником? — раздумывала она. — Как дать ему знать о том, что ждет ребят?»

Таня встретила с Виктором и высказала мысль, что, может, ей самой пробраться в лесной край, к партизанам. Взять с собой Родьку Седых, собрать кое-какое барахлишко и пойти по деревням выменивать его на продукты. Так теперь многие делают.

Но Виктор отсоветовал. В городе усилились аресты и преследования, без пропуска в деревни никого не выпускают, и добраться до партизан Тане едва ли удастся. Надо все-таки надеяться на Барсукова: связной он опытный, верный, не было случая, чтобы не выполнил задания.

— А дни-то летят,— с тревогой напомнила Таня. — До конца карантина осталось всего лишь восемь суток.

— Тогда давай так,— подумав, решил Виктор. — Ждем Барсукова еще два дня. Не вернется — я сам пойду к партизанам.

Весть от партизан

На седьмой день Таня вновь отправилась к Барсуковым: больше ждать было невозможно. Если Иван Данилович с Мишкой все еще не вернулись, тогда к партизанам отправится Виктор.

В дом к Барсуковым Таня сразу не вошла: Иван Данилович просил заглядывать к нему пореже и с оглядкой. Она несколько раз прошла по противоположной стороне улицы, рассчитывая на то, что жена Барсукова выйдет к колодезю за водой или направится на базар.

Но из дома никто не показывался.

Таня решила, что еще раз пройдет по улице, повернет обратно и тогда уж постучит в калитку к Барсуковым.

Но постучать не пришлось. Калитка, ведущая в сени, неожиданно распахнулась, и двое полицаев вывели оттуда жену Барсукова — немолодую женщину с растрепанными волосами. Один из полицаев нес в руках корзину, набитую какими-то бумагами.

«Обыск был... Наверное, листовки наши», — догадалась Таня, едва успевшая укрыться за толстым стволом дерева.

— Куда вы меня? Зачем? — растерянно бормотала жена Барсукова, стараясь убрать под платок выбившиеся волосы. — Как же я домто без призора оставлю... Да и муж у меня в отъезде, по делу уехал.

— Отъездился твой муженек... Поводил всех за нос,— фыркнул полицаи. — Будет вам сейчас теплое свиданьице. Шагай, давай шагай! — Он грубо подтолкнул женщину кулаком в спину и заставил ее идти вдоль тротуара.

Проводив глазами полицаев и жену Барсукова, Таня поспешила в детдом. «Значит, Иван Данилыч арестован,— раздумывала она. — Но успел ли он повидать Лесника, привез ли от него какие-либо указания? Как теперь узнать об этом? И где находится Мишка: посажен вместе с отцом или сумел скрыться?»

Все эти вопросы Таня выложила перед Виктором, когда он пришел в детдом. Но тот ничего не смог объяснить и решил, что надо ему самому срочно пробираться к партизанам.

— Теперь уже поздно... не успеешь,— безнадежно сказала Таня.

— Все равно пойду,— заявил Виктор. — Надо успеть. Завтра с утра попробую вырваться из города.

Виктор отправился домой, но вскоре вернулся и ввел в дежурку сына Барсукова, Мишку.

— Вот и он, долгожданный... Еле на ногах стоит. Лесом к нам пробирался, на лыжах.

Измученный, прихрамывающий Мишка с трудом переступил порог. Лево́й рукой он опирался на лыжную палку, кисть его правой руки была замотана пропитавшимся кровью шарфом.

— Миша! Откуда ты? — ахнула Таня. — Я уж думала, что тебя вместе с отцом забрали...

— Было такое дело,— хрипло признался Мишка. — Сначала-то все будто хорошо шло, а перед самым городом мы на патруль напались. Обыск, конечно, проверка. А у нас в саниах, под мешками с овсом, взрывчатка... Для Виктора везли, от партизан. Ну, отца и застучали. А я бежать. Прихватил чужие лыжи в деревне да лесом к вам...

— А с рукой что?

Мишка отмахнулся.

— Да пустяк. Полицай вдогонку пальнул... Поцарапало малость.

Таня перевязала мальчику руку, напоила горячим чаем, и Мишка рассказал, что с ним произошло за эти дни. Выехав с отцом из города, они долго разыскивали партизанский отряд Лесника. По дороге их дважды забирали полицаи, долго проверяли документы, потом не раз задерживали партизанские заставы. Долго ли, коротко ли, добрались они наконец до отряда. Отец сообщил командиру, что детдомовцев собираются отправить в Германию.

— И что Лесник сказал? — нетерпеливо спросила Таня.

— А вот слушай,— вполголоса продолжал Мишка. — Было у партизан срочное совещание. Ваша затея с карантином им очень по-

Двое полицейав вели жену Барсукова — немолодую женщину с растрепанными волосами.

направилась. И пока у вас длится этот «карантин», они решили всех детей вывезти.

— Как это вывезти?

— План, значит, такой. Партизаны присылают в город две боевые группы. Одна из них подходит к льнозаводу, завязывает перестрелку с немецкими солдатами и отвлекает их внимание. А в это время другая группа действует на противоположной стороне города, в совхозе Городище, тайно подбирается к детдому, грузит ребят в сани и увозит их к себе в лес. Понятно? Вывоз детей назначен в ночь с девятнадцатого на двадцатое.

— Значит, осталось всего шесть дней, — вслух подумала Таня.

— Времени в обрез, — кивнул Мишка. — Так что начинай действовать. От Лесника тебе такое задание: надо подготовить к отъезду

всех ребят и воспитателей, одеть их потеплее, собрать нужные вещи.

— Ну, Миша, и смельчак же ты! — похвалила Таня. — Такие вести нам принес — лучше не придумаешь.

Мишка поднялся.

— Так я домой пойду. Мамку повидать надо...

Таня тяжело вздохнула, но так и не смогла сказать, что его мать увели полицейай.

— Нет, нет! — удержала она мальчика. — Сейчас домой тебе нельзя. Час поздний, тебя может забрать патруль. Сегодня заночуешь у нас...

Уложив Мишку спать, Таня не выдержала и, хотя было уже совсем поздно, разбудила воспитателей.

— Большая новость, товарищи! — сообщи-

ла она, когда все собрались в дежурке.— Надежный человек вернулся. Связь с партизанами установлена.

И Таня передала все, что узнала от младшего Барсукова.

Вход запрещен

Утро началось с неожиданностей. После оттепели ударил мороз, задул резкий, северный ветер. Он переметал сухой снег, обжигал лица, руки, перехватывал дыхание, и ребята старались не выглядывать из жарко нагретых спален.

— Полнолуние подошло. Не иначе с неделю морозы продержатся,— определил Силантий, когда они с Таней отправились утром на речку за водой.

«Как же мы в такую погоду выезжать будем? — подумала Таня.— Поморозятся все».

А когда Силантий и Таня привезли с речки бочку с водой, их ожидала еще одна новость. Перед окнами прохаживался полицай Семенов.

В помещение он не заходил, опасливо поглядывая на устрашающую надпись: «Вход запрещен. Здесь тиф»,— и крутился вокруг детдома, приплясывая от холода и пряча свой нос в поднятый воротник шинели.

Никого из посторонних в помещение полицай не пропускал, а воспитателям и ребятам объявил, что выход в город им запрещен: раз карантин, обязаны они сидеть в доме и не высовывать носа на улицу.

— Что, ваше благородие,— переглянувшись с Таней, насмешливо обратился к полицая Силантий,— явились наших ребятшек позабавить? Ишь, какие кренделя на морозе выкаблучиваете...

— Стойте, близко не подходите,— замал Семенов руками на Таню и Силантия.— Развели тут заразу тифозную. А мы вас еще охраняй, мерзни тут на юру. Ну, да ничего, скоро вы загремите отсюда. Закачают вас куда подальше...

— А может, и не закачают,— озорно усмехнулась Таня.— У нас еще один мальчик от тифа свалился. Карантин-то, похоже, не скоро снимут...

— Выдумываешь, девка.

— Не верите — зайдите в изолятор.— Таня кивнула на вход в детский дом.

— Ладно, не болтай много, проходи,— буркнул полицай, отходя подальше от Тани и Силантия.

А про больного в изоляторе Таня и в самом деле ничего не выдумала: там лежал Мишка Барсуков. У него поднялась температура, рука воспалилась, мальчик стонал, звал мать, рвался домой.

Елена Александровна обработала рану,

сделала перевязку, дала снотворное, и мальчик забылся тяжелым сном.

— Куда же он теперь? Дома у него ни матери, ни отца... Да и самого его забрать могут...

— Никуда мы его не отпустим,— заявила Таня.— Он с нами жить будет... в детдоме. Мы ему даже новое имя подобрали... Теперь он Петя Ключников.

К полудню Семенов сменил другой полицай — долговязый рябой парень, и Таня выедала у него, что с сегодняшнего дня детдом будет охраняться.

Девушка встревожилась. Неужели немцы о чем-то начинают догадываться? Или их действительно так перепугал объявленный карантин?

В эти дни детский дом жил лишь одной мыслью: скорее бы наступило двадцатое число.

Старшие ребята, предупрежденные Таней о партизанской операции, были на удивление старательны и послушны. Они заботливо следили за малышами, которым было сказано, что детдом еще раз переселяется в новое помещение, более теплое и благоустроенное. Они безоговорочно выполняли каждое указание воспитателей: помогали им упаковывать вещи, белье, посуду, набивали мешки продуктами. Вещи предусмотрительно делились на самые необходимые, которые непременно надо будет захватить с собой, и вещи второй очереди, которые на худой конец можно и оставить. Ведь неизвестно, на скольких подводах приедут за детьми партизаны и сумеют ли они погрузить все мешки и узлы.

Потом принялись запасаться теплыми вещами. Морозы крепчали, а ребятам предстояло ехать на санях и затем, может быть, жить в лесных землянках.

Вели себя детдомовцы тихо, осторожно, спать ложились рано, из помещения почти не выходили, чтобы не попасться на глаза полицаям, по-прежнему дежурившим около детдома.

Не забывали ребята и про Шурку с Витолом. Это же явная несправедливость: они уедут, а их товарищи останутся в тифозной больнице.

— А если им убежать оттуда? — как-то предложил Родька.

— Как это убежать? — не поняла Таня.

Мальчишки изложили свой план. Сегодня же они обманут полицая и проберутся к больнице — они уже были там не раз, знают все пути подхода и через форточку предупредят Шурку и Витола, чтобы те готовились к побегу. А вечером девятнадцатого числа они принесут им одежду и обувь, «больные» вылезут через форточку и вернуться в детдом.

— Неплохо придумано,— согласилась Таня.— А кто возьмется за это?

Желающих набралось добрый десяток, но Таня отобрала только двоих — Родьку и Яшку.

Ночной обоз

Наконец наступил долгожданный вечер. Воспитатели уложили ребят спать пораньше. Старшие легли в постель одетыми, в любую минуту готовые к подъему.

Воспитатели тоже были наготове. Таня выдала Родьке и Яшке одежду и обувь и отправила их выручать Шурку с Витолом.

— Действуйте осторожно, двигайтесь по одному,— наказала она.— На глаза никому не попадайтесь.

Силантий и тетя Лиза проверили входные двери и не стали, как обычно, запирают их на крючки и засовы, а в спальнях даже вытащили из рам шпингалеты и гвозди, чтобы можно было легко распахнуть окна и передать малышам в руки партизан.

Потом все воспитатели собрались в дежурной комнате и через «глазки» в опущенных колючим инеем стеклах принялись наблюдать за лесом.

За окнами по-прежнему сияла луна, и вокруг нее проступало лилово-оранжевое кольцо — верный признак надолго установившихся морозов. От стужи потрескивали бревенчатые стены помещения, снег под ногами полица, расхаживающего перед детдомом, сердито скрипел и повизгивал.

— Ох и погодка! — вздохнула Ефросинья Тихоновна, припав к «глазку» в окне.— Да и сам Семенов сегодня дежурит... Не к добру все это.

— Ничего,— успокоила Таня.— Попробуем сделать так, чтобы он не мешал нам.— Она вытащила из корзины три бутылки самогона, выменянного на базаре на соль, и передала их Силантию и тете Лизе.— Действуйте, как договорились... веселитесь, гуляйте.

— Да уж мы гульнем! — усмехнулся старик и, забрав самогон, вместе с тетей Лизой пробрался в сторожку.

Вскоре оттуда донеслось нестройное, сбивчивое пение подгулявших людей. Промерзший полицай настороженно вскинул голову. Пение не прекращалось. Семенов наконец не выдержал и заглянул в сторожку.

Силантий, не жалея дров, жарко топил железную печурку, тетя Лиза жарила на сковородке картошку со свиной, на столике стояла початая бутылка самогонки.

— Богато живете,— покосился Семенов.— С чего это пирушку затеяли?

— А чего нам, малярам? — заплетающимся языком принялся объяснять Силантий.— Не все вашему брату шнапсом баловаться, в такой мороз и нам не грех по маленькой пропустить...

Семенов раскричался: в городе не положено никаких ночных гулянок, и он сейчас заберет их в комендатуру.

Но тепло, пышущее от печурки, соблазнительный запах жареной картошки со свиной и особенно бутылка с самогомом сделали свое дело, и вскоре полицай присоединился к пирушке.

Таня выглянула в форточку — Семенова на улице нет, пения из сторожки не слышно.

— Кажется, клюнуло... угощается Семенов,— кивнула она Ефросинье Тихоновне.

— И что ты затеяла, Татьяна? Разве нам с таким бугаем справиться?

— Ребята помогут... Да и самогон свое дело сделает.

Часам к одиннадцати в сопровождении Родьки и Юрика в дежурку ввалились Шурка с Витолом.

— Больные вы наши! Герои! — обняла их Ефросинья Тихоновна.— Вырвались все-таки!

— Вас не заметили? Погони нет? — спросила Таня.

— Все в порядке,— ответил Шурка.— Как в палате стихло, мы раз-раз в форточку... А как здесь?

— Да вот сидим, ждем. Вскоре придется еще одну операцию провести.— Она рассказала про пирушку в сторожке у Силантия, про полицая Семенова.— Тетя Лиза должна сигнал подать.

Таня разбудила в спальне еще четырех ребят, привела их в дежурку и объяснила, что они должны будут делать.

Ожидание казалось бесконечным. Только около полуночи все собравшиеся в дежурке услышали через форточку, как тетя Лиза в сторожке тонким, пронзительным голосом запела: «А я млада-младешенька».

Таня поднялась.

— Это сигнал. Пошли, ребята!

Неслышно войдя в сторожку, они увидели, что Силантий обнимается с осоловевшим Семеновым. Не мешкая, Таня с ребятами накинула на голову полица одеяло, свалили на пол и связали веревкой по рукам и ногам, в рот засунули тряпичный кляп.

Полицай дергался, мычал, но освободиться не мог.

— Мычи, мычи, скотина безрогая... Кончилось твое холуйство! — в сердцах сплюнул Силантий.— Куда его теперь? В прорубь, что ли, сунуть?

— Нет, зачем же? — сказала Таня.— Партизаны его прихватят с собой... вместо языка.— Она велела ребятам присматривать за связанным полицаем, а сама с дедом Силантием отправилась в лес встречать партизан.

Около часа ночи на противоположной стороне города, в районе льнозавода, занялось зарево, глухо защелкали выстрелы.

— Началось... Теперь уже скоро,— вслух подумала Таня, пробираясь вместе с Силантием по дну оврага в глубь леса.

Но сколько ни вглядывались вперед, ничего не заметили: ни людей, ни подвод. И только негромкий голос откуда-то сбоку заставил их замереть и остановиться.

— Тихо, ни с места!

Из-за кустов вынырнули два парня в белых маскировочных халатах с автоматами в руках. Бесшумно скользя на лыжах, они подъехали ближе.

Таня назвала себя.

Парни проводили ее к командиру группы, которая расположилась за поворотом оврага, в ельнике. Здесь же были и лошади, запряженные в широкие сани-розвальни, застланные сеном. Таня насчитала около двенадцати подвод.

— Наконец-то! — бросилась она к командиру группы. — Мы уже готовы... — И Таня доложила, что путь к дому свободен, полицейский связан и лежит в сторожке.

— Это хорошо! — похвалил командир. — Значит, обойдемся без лишнего шума. — Он распорядился подогнать подводы поближе к детскому дому.

Партизаны и старшие детдомовцы вынесли из спален малышей, уложили в сани, прикрыли тулупами, сеном. С особой осторожностью уложили на сено больного Мишку Барсукова. Потом разместили на подводах старших ребят и воспитателей, все приготовленные вещи, не забыли прихватить и полицейская Семенова.

Через полчаса погрузка была закончена. Командир приказал обозу трогаться в обратный путь.

— Куда мы теперь? — спросила Ефросинья Тихоновна, все еще не веря, что наконец-то кончились дни невыносимых бед и страданий, что ребят не увезут на чужбину, не лишат Родины.

— К своим едем, к своим, — сказал командир. — Пока у нас в лесу поживете, в лагере, а потом переправим вас в партизанский край, откроем детский дом.

Возчики погоняли лошадей. Повизгивая полозьями саней, обоз все дальше уходил в лесную глушь.

«ЕСТЬ!»

Я не раз, и не два, и не двадцать
слышал, как посылают на смерть,
слышал, как на приказ собираться
отвечают коротеньким «Есть!».

«Есть!» в ушах односложно
звучало,
долгим эхом звучало в ушах,
подводило черту и кончало:
человек делал шаг.

С неболтливым сознанием
долга,
молча помня Отчизну свою,
жили славно, счастливо и
долго
или вмиг погибали в бою.

Я — Послезавтра!

На линии — ночь. Тишина.
И вдруг — переключка
связистов:
Я — Марс. Я — Сатурн.
Я — Луна.
Отечественная война.

Над темной вселенной земли
Блестала вселенная неба.
Тогда мы еще не могли:
Ни сил, ни желания не было...

Но все-таки не без причин
Меж черных руин и развалин
Полки, как планеты, назвали,
Небесный давали им чин.

На линии — ночь. Тишина.
Связисты горланят азартно:
Я — Марс!
Я — Сатурн!
Я — Луна!
Не завтра я:
Я — Послезавтра!

*

Ласточки. Листочки
ласточек в дазури.
Ласточкой, как кисточкой,
небеса лизнули.
Легче легкости,
слаще ласковости,
тише робости —
след ласточки.

СТРАНИЧКА ИЕРОГЛИФОВ ● НАЕЗДНИКИ ИЗ АПАЯ ●
ПО ВОЕННОЙ ДОРОГЕ ● ПЕРВЫЕ КАВАЛЕРЫ ● ШВЕД-
СКИЙ ТАЛИСМАН

«ГАЗЕТА ДЕТЕЙ СИБУЯ»

Мне показали страничку, испещренную замысловатыми иероглифами,— пионерскую газету. Да, да, газету. Правда, тираж у нее всего двадцать экземпляров, и отпечатали ее не в типографии, а на простом ручном ротаторе. Называется она «Газета детей Сибуя».

Что такое Сибуя? Страна? Или, может быть, город? Ни то, ни другое. Сибуя — один из районов очень большого города Токио. В этом районе я прожила несколько лет.

Однажды в моем доме раздался телефонный звонок. Звонила Соноко — моя знакомая. Она сказала, что идет в воскресенье на пионерский сбор. Спросила, не хочу ли и я пойти. Я еще ни разу не была у японских пионеров и, конечно, согласилась.

В воскресенье был дождь. Небо низвергало на головы прохожих настоящие водопады. Я шла по лужам и думала о том, что в такую погоду ребята, пожалуй, не соберутся.

У дверей скромного одноэтажного домика моя проводная остановилась.

— Гомен кудасай? (Можно?) — постучала она.

— Дозо ероську! (Проходите, пожалуйста!) — ответил чей-то голос.

Мы толкнули дверь и очутились в крохотной комнатке. На стене — плакат: «Долой американские базы с земли Японии!» Рядом с плакатом, зацепившись за гвозди, висели сковородки, кастрюли. На столе среди посуды стоял ротатор.

Хозяйина комнатки звали Цунахино Хамада. Он был секретарем районного комитета прогрессивной молодежной организации. Отец Цунахино владел небольшой фабрикой, но сын не захотел быть капиталистом. Он ушел из дому и поселился в этой комнатке райкома.

Цунахино поставил на низенький столик чашки с зеленым чаем.

— Сейчас придут ребята, — сказал он.

И правда, на пороге появились две девочки лет десяти-одиннадцати. Поздоровавшись, они сложили прямо на пол мокрые плащи и зонтики. За ними гурьбой ввалились мальчики. Приглаживая на ходу мокрые вихры, они достали из карманов красные галстуки и, расправив их на коленях, повязали на шею.

Вскоре собрались почти все двадцать ребят, и сбор начался. Не было на этом сборе ни линейки, ни горна. Тесно прижавшись друг к другу на полу, ребята из

рабочего района Сибуя серьезно обсуждали, какой должна быть их детская газета.

Томоаки, сына железнодорожника, слушали особенно внимательно. Во-первых, он звеньевой и сам придумал своему звену имя — «Мутимеси» (это значит «бедняцкая каша»). А во-вторых, у Томоаки есть кое-какой политический опыт. По утрам он разносит газету коммунистов «Акахату». И это он предложил такое название — «Газета детей Сибуя».

— Как думаешь, Томоаки, сколько ребят должны делать газету? — спросил Цунахино.

— Двух, по-моему, достаточно, — ответил звеньевой «Мутимеси». — Мы с Миеко справимся. Я буду собирать заметки, а Миеко хорошо рисует.

— Согласны?

Все поднимают руки. А Томоаки, раз уж его выбрали главным редактором, тут же дал поручения. Рейко напишет про праздник Красного знамени, Хитоми — почему он стал пионером...

Когда все дела были закончены, мы, сидя на полу, пели песни. Разные. Миеко, например, очень хорошо спела русскую «Калинку».

На прощание пионеры пригласили меня на следующий сбор, он будет посвящен веселому событию — дню рождения Томоаки. В отряде есть хороший обычай — вместе праздновать дни рождения...

Дождь все еще лил, когда мы вышли на улицу. Ребята сняли галстуки и засунули их в карманы.

— У нас в Японии пока еще опасно ходить с красным галстуком, — объяснил Томоаки.

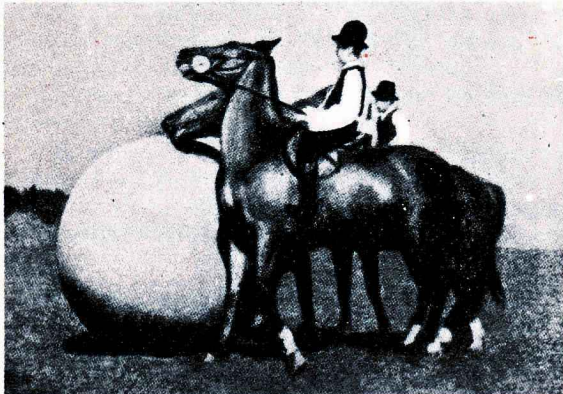
Месяц спустя Соноко прислала мне пакет. В нем оказался отпечатанный на ротаторе первый номер «Газеты детей Сибуя».

«Я прочитал в журнале о советских пионерах, — писал в газете десятилетний Хитоми. — Они делают много полезного. Хорошо, подумал я, если бы в Японии тоже были пионеры. Потом от одного товарища узнал, что организуется пионерский отряд, и сразу же пришел туда. О, как счастлив я был и горд, когда мне повязали на шею красный галстук!»

Я постараюсь вырасти хорошим человеком, постараюсь сделать мой народ счастливым. Ведь от нас, ребят, зависит будущее Японии. И я буду всегда верен пионерской клятве: «Дружить со всеми детьми мира!»

Н. ЦВЕТКОВА.

Токио — Москва.

Отряд юных конников

Кто в Венгрии не слышал о ребятах из сельской местности Апай! Вот уже несколько лет гремит о них слава как о самых лучших наездниках. Каждый год в Апай приезжают тысячи туристов, чтобы только посмотреть состязания юных конников.

Дело в том, что здесь расположено крупное хозяйство, где разводят породистых лошадей. И в нем ученики местной школы девять лет назад организовали пионерский конный отряд. В отряде — ребята из четвертых, пятых и шестых классов.

Длительные, упорные, из месяца в месяц, из года в год тренировки. И вот результат: школьники становятся мастерами верховой езды. Почетное звание чемпиона апайских наездников сейчас принадлежит тринадцатилетнему Томашу Мешеди. Это не удивительно: ездить верхом он начал с шести лет.

На снимке: традиционный футбольный матч с гигантским мячом на соревнованиях юных конников.

По пути Сухэ-Батора

Полвека назад в монгольских степях вспыхнула революция. Отряды бедняков поднялись на борьбу с богачами. Вел их отважный Сухэ-Батор.

В двадцатом году Сухэ и его товарищи побывали в Москве. Владимир Ильич Ленин принял посланцев далекой степной страны в Кремле и долго с ними беседовал. Вернувшись на родину, Сухэ призвал свой народ следовать примеру русских братьев. Но злодейское убийство оборвало жизнь народного героя.

Пионеры Монголии решили восстановить путь, по которому в годы гражданской войны вел Сухэ своих бойцов. Вышли в поиск отряды юных следопытов. Составили подробную карту боев.

Весной юные наездники оседлали коней. В городе Дорхош, где советские и монгольские рабочие строят новый металлургический комбинат, начался конный пробег. Пионеры повели коней по степным дорогам Сухэ-Батора.

ТЕЛЕТАЙП СООБЩАЕТ

АНГЛИЯ. Два юных аквалангиста сконструировали подводный велосипед. Испытания в школьном плавательном бассейне показали, что велосипед работает хорошо и развивает скорость до четырех узлов в час.

ВЕНГРИЯ. В пионерский лагерь Колаберци, под Будапештом, можно приехать поездом, который обслуживает детская железнодорожная бригада. Все члены бригады — отличники, пионерские активисты.

ИТАЛИЯ. Половина детей этой капиталистической страны прекращает учение в двенадцатилетнем возрасте. Родители не могут больше кормить этих ребят, и они вынуждены сами зарабатывать себе на жизнь.

Гости из дальних стран в пионерской республике имени Вильгельма Пика. За семнадцать лет в этом лагере на берегу живописного озера Вербеллинзее под Берлином провели каникулы больше девяноста тысяч немецких пионеров и ребят из тридцати восьми зарубежных государств.

Еще раз про Орден Улыбки

Как мы уже сообщали, в Польше учрежден Орден Улыбки. Автором лучшего его проекта (лучшего из сорока четырех тысяч!) оказалась девятилетняя Эва Хробак. Она изобразила улыбающееся солнце. Художник-медалист оформил рисунок девочки, а государственный Монетный двор выполнил необычный заказ.

Согласно уставу, Орденом Улыбки награждают взрослых по предложению детей. Взрослых, которые дарят ребятам радость.

Среди первых кавалеров ордена профессор Дега, известный хирург-ортопед, вернувший жизнь и здоровье многим детям; писатель полковник Пшимановский, автор полюбившегося ребятам фильма «Четыре танкиста и собака»; ведущая польского телевидения Рациборская, больше известная как «тетя Зося»; боцман Пастерный, который привозит школьникам из дальних плаваний коллекции удивительных животных и растений; водитель из города Ярослава Станислав Пухальский — в своем городе он подвез в школу четыре тысячи детей!

Новая знаменитость

Репортеры приготовили камеры. Сейчас на ледяной площадке появится Тони Петерсон. А вот он и сам, в хоккейных доспехах, с клюшкой в руках. Зашелкали аппараты.

Кто же такой Тони? Новая знаменитость шведского хоккея? Да! Ему было всего четыре года, однако клуб «Вестра фрелунда» зачислил его в свои ряды, пока, правда, запасным игроком. Тони с трех лет катается на коньках, неплохо владеет клюшкой, а главное — сам, без посторонней помощи надевает доспехи.

Для команды Тони — своеобразный талисман. Когда он сидит на скамейке запасных, хоккеисты обязательно выигрывают.

Как-то мы с Васькой схлопотали четверку по географии. На двоих, извините за подробности. Грустно, конечно,— кому приятно. Говорить не хочется. Но не переживать же молча. Вот я и говорю:

— Нехорошо, Вася, не знать родную страну. Сейчас не прошлый век, чтобы на извозчиков надеяться!

— Это я не знаю?! — закипятился Васька. — Да я в прошлом году был в таком городе, которого вообще на карте нет! Такой он маленький.

— Скажи, пожалуйста, — возмутился я, — а все равно пару получил. Вот ведь безобразие. Ну, никакой справедливости.

— Тебе бы только дурачиться, — разозлился Васька и отвернулся.

Я хотел еще позадирать его, но тут в класс вошел какой-то дядечка, и началась беседа.

— Значит так, товарищи, — внушительно сказал дядечка. — Река... понимаете — нет... представляет... значит, это самое, как ее, ну.. эту, понимаете — нет... опасность. В чем она... эта, ну, как ее... опасность... значит, это самое... состоит?! В том... вообще-то, что... между прочим... так сказать, это... весной по... этому самому, значит... льду... вообще-то... ходить... как его, ну... где-то... опасно. Понимаете — нет?

— Вась, — прошептал я, когда дядечка кончил, — что он сказал?

— Это... как его... ну, — пробормотал Васька, — что-то я не уловил!

— И я. А ведь говорил целый час!

— Шестьдесят две минуты, — поправил Васька и нервно боднул воздух.

— Вась, он гений! Говорил целый час и ничего не сказал. Это то, что нам нужно. Берем это на вооружение!

— Что это?

— Ну... это... как его... вообще-то... понимаешь — нет?

— Не, — безнадежно махнул рукой Васька, — я не смогу. Чтобы достичь такого искусства, надо всю жизнь тренироваться. Легче уроки выучить!

— Учи, учи, — ухмыльнулся я, — еще будешь мне заводить.

...Когда я пришел домой, позвонила Маринка и спросила, что задали по арифметике.

— Это самое, — ответил я нараспев, — как его... примеры... значит... номер 325 один столбец... и... как ее... эта... ну задача... вообще-то 86.

— Ты что, обалдел? — спросила Маринка и повесила трубку.

Вечером я представил себе, как меня завтра вызовут к доске и спросят что-нибудь такое, что я знаю. Например: «Куда впадает Волга?». Но я не дурак, чтобы сразу отвечать, что Волга впадает в Каспийское море.

Григорий ГОЛЛЕНДЕР

ЭТО

РАССКАЗ

А скажу так: «Это самое, значит, Волга... так сказать, в общем...» — и так далее — сколько сил хватит. Тогда, если мне зададут вопрос, на который я не буду знать ответа, все подумают, что я знаю, только у меня такая странная манера разговаривать.

На следующий день я сказал Нине Васильевне, что хочу исправить двойку, и напросился отвечать. Она вызвала меня и спросила про полезные ископаемые. Я сразу начал толочь воду по намеченной программе.

— Это, — бодро сказал я, — как их, значит... полезные ископаемые... вообще-то, так сказать... находятся... понимаете — нет, в этой... как ее...

— Земной коре? — не выдержала Нина Васильевна.

— Во-во, — подтвердил я, — в земляной коре. Они... значит, это самое, между прочим, вообще-то... где-то весьма полезные.

Прозвенел спасительный звонок.

— Кончай тянуть резину, — закричали ребята, — домой пора!

— Все могут идти домой, — сказала Нина Васильевна, — а я дослушаю Алешин ответ.

Я еще минут десять молот эту чушь. А когда понял, что измором Нину Васильевну не возьмешь, позорно замолчал.

— Все? — спросила она.

Я невесело кивнул.

— Двойки, Алеша, ты, конечно, не заслуживаешь!

Я воспрянул духом.

— Это для тебя слишком много! — вздохнула Нина Васильевна. — Кол! Хотя тоже, пожалуй, многовато. Или ты все-таки что-то знаешь? Скажи, пожалуйста, куда впадает Волга?

У меня появилась надежда на спасение. Мне захотелось на всю школу, на весь мир закричать, что Волга впадает в Каспийское море. Но вместо этого из меня помимо воли вырвалось:

— Волга... значит, это самое, как ее, ну, это, понимаете — нет...

— Ну, знаешь, — развела руками Нина Васильевна, — ноль! Абсолютный ноль! — И она с удовольствием вкатила мне ноль, оценку, которую вряд ли получал самый последний балбес за время существования человечества.

За дверью ждал Васька. По его лицу я понял, что он был свидетелем моего фиаско.

САМОЕ...

— Как дела? — спросил Васька как ни в чем не бывало. — Тебе уже можно завидовать?

В отчаянии я бросился бежать, не разбирая дороги. Когда я немного пришел в себя, было уже поздно. Надо было возвращаться домой, а я никак не мог узнать место, куда меня занесло. «Язык до Киева доведет», — подумал я и подошел к милиционеру.

«Я заблудился, помогите найти дорогу домой», — хотел сказать я, но вместо этого с языка сорвалось:

— Это самое... как его... ну... это...

— Не совсем понял, — заметил милиционер, — повтори, пожалуйста.

Я заволновался, и от этого из головы вылетели последние слова.

— Ты хотел что-то спросить, мальчик, — подбодрил милиционер.

— Это самое, — выдавил я, — как его... ну... — И замолчал. Стала собираться толпа.

— Может, он немой? — предположил кто-то. — Надо с ним поговорить на их языке. Немые есть?

По твалту, который поднялся, я понял, что немых в толпе нет. Зато каждый уверял, что сумеет объяснить-ся. Десятки людей стали жестикулировать передо мной руками и изображать с помощью пальцев всякие фигуры. Я протяжно застонал.

— Отставить, — скомандовал милиционер. — Какой же он немой, если только что разговаривал со мной?

— Может быть, он иностранец? — опять предположил кто-то.

— Факт, иностранец, — обрадовался милиционер. — Теперь понятно, почему ничего не понятно. Граждане, кто знает по-иностранному? Нужен переводчик.

Толпа нетерпеливо загудела.

— Не все сразу, — строго сказал милиционер и пока-зал своим жезлом на пожилого человека с портфелем. — Начните вы!

Человек с портфелем обратился ко мне по-английски. Я понял его, потому что мы проходим английский в школе, но я утратил дар речи и на английском. Под-ключились знатоки и других языков. Милиционер ловко регулировал, как на перекрестке, чтобы никто не лез поговорить со мной без очереди.

Я все молчал.

Выручил какой-то парень, который вынырнул передо мной неизвестно откуда и протянул листок бумаги. На листке по-русски было написано: «С чего все началось?» Я с благодарностью улыбнулся и написал ответ: «С гео-графии!»

Теперь с помощью карандаша и бумаги я смог объ-яснить, где я живу, и ответил на другие вопросы.

Милиционер остановил проходящую машину и попро-сил отвезти меня домой.

Как я ни скрывал, утром мама обнаружила, что я оне-мел. Она перепугалась и вызвала врача. К середине дня слух обо мне докатился до школы. Прибежали ребята во главе с Васькой.

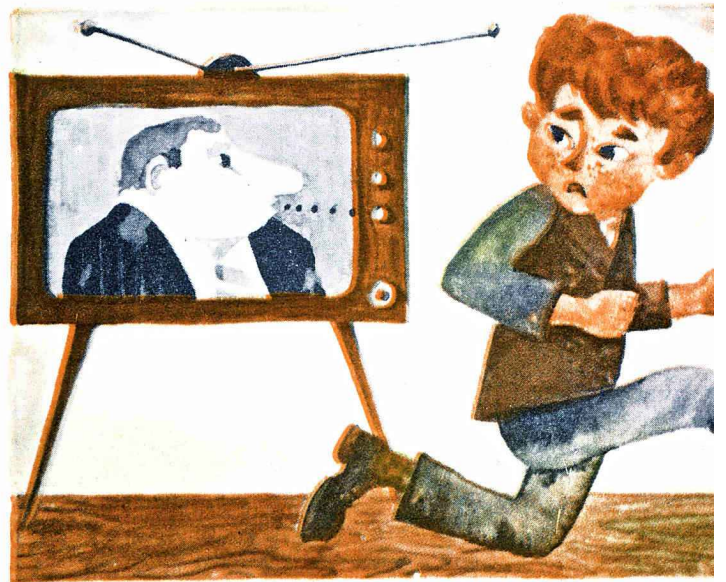
И тут как раз пришел доктор. Он осмотрел меня и неопределенно хмыкнул.

— Доктор, — заволновалась мама, — он будет гово-рить? Это пройдет?

Доктор еще раз хмыкнул, а перед уходом сказал, что, когда не помогают никакие лекарства, может помочь сильное потрясение.

— Это мы сейчас организуем, — радостно закричал Васька и вытащил из кармана гигантскую поджигу, в которую он затолкал полсотни спичечных головок. Дев-чонки завизжали и Ваську обезоружили.

— Это же доктор советовал, — кипятился Васька. — Я бы сейчас такое потрясение устроил — он сразу бы за-говорил.

Прошло несколько дней, а речь ко мне не возвраща-лась. Целыми днями я лежал на диване и безрадостно глазел на телевизионный экран. И вдруг я увидел на экране знакомое лицо. Это был тот дядечка, который приходил к нам на сбор.

— Товарищи! — сказал он и важно откашлялся. — Это самое, как его, ну... лед... значит, это...

Это было настоящее потрясение.

— Ма-а-ама! — жалобно и протяжно застонал я

— Что? — испугалась мама. — Что ты сказал?

— Мама! — повторил я и, еще не веря, что я загово-рил, жестом показал, чтобы выключила телевизор.

Мама вскрикнула и счастливо захолопотала возле меня. Я наслаждался возможностью говорить и время от вре-мени выстреливал отдельными словами.

— Корнфлекс! — вкусно произнес я. — Аллигатор!.. Перпендикуляр!.. Цапля сохла, цапля чахла... Попока-тепель.

На последнем слове я споткнулся.

«Попокатепель? Что это такое? — пытался я вспо-мнить. — Вроде какое-то географическое название? Ну, конечно, это же вулкан в Мексике, значит, опять гео-графия!»

Это воспоминание несколько охладило мою радость. «Географический» долг оставался за мной.

**...ЗАВТРА
БОЛЬШОЙ
ФУТБОЛ**

СТРАНИЧКИ ИЗ БЛОКНОТА

Страничка первая

Только что над тундрой прошумела пурга. И сейчас обветренные сопки напоминали большие сахарные головы. Испуганное шумом вертолета оленье стадо шарахнулось в разные стороны. Наш вертолет — огромная стрекоза — бросил прощальную тень на стожку оленеводов и взял курс на Анадырь. Короток полярный день. Темнота наступает почти мгновенно, стоит только огромному раскаленному шару скрыться за горизонтом. Вот почему так торопились вертолетчики. Торопились и мы: предстояла встреча с архитекторами, строителями нового города и разговор о будущем Дворце пионеров на Чукотке.

Вот и Анадырь. Вертолет, описав круг над крышами домов, занесенными снегом, опустился на большую площадку в центре города. И то, что увидел я, выйдя из вертолета, поразило меня. На краю площадки стояли... футбольные ворота, а мальчишки в меховых шапках-ушанках гоняли по снегу футбольный мяч. Этот полярный матч прервался только тогда, когда вихрь снега, поднятый винтами зеленой стрекозы, подхватил мяч и унес его далеко за ворота. Так еще в январские морозы на далекой Чукотке я стал свидетелем необычного открытия футбольного сезона клуба «КМ-70».

Сейчас, пожалуй, невозможно найти город, поселок, даже небольшое село, где бы не знали об этом популярном мальчишеском клубе, где бы не было своей армии болельщиков, своих любимцев, которых с надеждой называют «наш Хусаинов», «наш Мунтян», «наш Нодия», а порой табель о рангах самый высочайший — «наш Яшин», «наш Пеле»...

Шестой год миллионы ребят ведут борьбу за почетное звание чемпиона среди уличных и дворовых команд нашей страны.

Позади тысячи матчей. Флаг с эмблемой «КМ» реял на стадионах Москвы, Горького, Харькова, Луганска, Ростова-на-Дону, Еревана, Волгограда, Свердловска. Многие воспитанники «КМ» играют в классных командах...

Чем же нам дорог «Кожаный мяч»? Против чего нужно бороться?

Страничка вторая

Лев Яшин (вратарь московского «Динамо», заслуженный мастер спорта): «Мужество, воля, честность плюс честность, воля, мужество...»

К телефону подошел Лев Иванович. Мы, журналисты «Пионерской правды», знали, что в этот день очень трудно дозвониться прославленному вратарю: Яшину исполни-

лось 40 лет. Бесперывно звонит телефон, сотни телеграмм. И все же нам повезло.

— Хорошо, приезжайте, жду, — ответил Яшин.

Яшина — лучшего вратаря мира — никому представлять не надо. Яшин — это эпоха в футболе. С его именем связаны все громкие победы нашей сборной: и победа в Мельбурне на Олимпиаде, и кубок Европы, и почетное четвертое место в Англии на первенстве мира. И все же хотелось бы сказать о двух удивительных чертах его характера: простоте и скромности. Когда мы подарили ему копию кубка «КМ», выполненную знаменитыми стеклодувами Гусь-Хрустального, медаль «КМ» и диплом, он улыбнулся и заметил:

— Я еще этих наград не заслужил...

Лев Иванович неразговорчив. Но в ту короткую встречу говорилось о многом.

— Когда спрашивают, какая награда для меня самая дорогая, я отвечаю: первая футболка. Трудное время было, работал я тогда на заводе. Случилось так, что вратарь заболел. В ворота поставили меня. И в тот день я понял, что футбол не только голы. Гораздо большее. Ты защищаешь честь завода, на котором работаешь. Или школы, где учишься, двора, где живешь. А когда надеваешь футболку с буквами «СССР» — честь красного флага, всей страны! Разве могут люди со слабыми нервами, без воли, решительности оправдать доверие людей? Не могут. Вот почему я считаю, что мальчишки из «Кожаного мяча» (а я видел много ребячьих игр) в первую очередь должны быть честными, мужественными, волевыми...

Мужество на поле иногда начинается с мелочей: проиграла команда — и, ох, как трудно бывает пережить поражение, подойти к сопернику и твердо пожать руку! Был у нас такой случай, когда одна команда нарушила этот спортивный ритуал. Мы долго потом говорили с юными футболистами, и они поняли, что как трусы, зазнайки, покинули поле боя.

Я вспоминаю мальчишек из Ульяновска. На турнире в Волгограде им не повезло. Они проигрывали одну встречу за другой и даже ни разу не смогли «распечатать» ворота противника. Но я ни разу не слышал, чтобы ребята спорили, упрекали друг друга. Своим соперникам всегда дарили сувениры родного города и приглашали в гости.

Лучший бомбардир грузинской команды «Ани» Гена Кравченко получил небольшую травму. Он мог покинуть поле, но подбежал к бровке и попросил тренера оставить его на поле.

Мужество и честность — это две стороны одной медали. Нечестный человек не может быть мужественным. Вы, конечно, удивились бы, а потом возмутились, если бы в воротах стоял Лев Яшин, а диктор объявил по стадиону: «Сегодня ворота московского «Динамо» защищает Урушадзе». Да, такого

быть не может. Но вот в «КМ» нет-нет да вместо Вовы Чурилина играет Саша Рагошкин, вместо Пети Иванова — Сережа Смирнов, а вместо Вадима Серушкина — Коля Крючков. И тем, кто выступает под чужой фамилией, не стыдно. Не стыдно получать дипломы, где стоит чужая фамилия. Не стыдно забивать голы ребятам, которых ты старше года на 2—3. Не стыдно даже самого себя. Есть закон: солгал раз, солгал два, а потом будешь обманывать всех и всегда. Мне не раз приходилось говорить с ребятами-подставниками. Опущенные, бегающие глаза. Как бывает противно на мандатной комиссии выяснять, где он живет, в какой школе учится и какая оценка по физике! Любую подставку можно выявить. И это делает Главный штаб «КМ». Но хочется сегодня сказать всем прямо: если хотите быть мужественными, волевыми, смелыми — будьте всегда честными.

Страничка третья

Альберт Шестернев (капитан сборной СССР по футболу): «Говорят, что капитан — душа команды. Но побеждает всегда коллектив, сплоченный, дружный, боевой...»

Мы забрались под навес стадиона от жаркого солнца.

— Трудно играть в таких условиях, — проговорил Альберт и вдруг добавил: — Но есть золотое правило: матч состоится при любых условиях погоды.

Не раз в слякоть и дождь, в жару и даже... заморозки выводил Альберт Шестернев сборную СССР на футбольное поле. Он внешне всегда спокоен, но, как только замечит на поле острый момент, сразу преобразается. «Смотри-ка, он же чисто выполнил «подкат», не каждый взрослый так может...»

Разговор с Альбертом о капитане. Шестернев на минуту задумался, а потом привел один пример:

— Помните наш матч с Португалией в Англии? Я накануне получил травму и не смог выйти на поле. Капитанскую повязку надел Лев Яшин — так решила команда. Случай почти исключительный, когда вратарь — капитан. Я наблюдал за Яшиным. Сдержанный, умело руководящий защитой, он показывал своим друзьям чудеса мастерства и воли, не раз спасал ворота от верных голов. Яшина я знаю давно. Хороший друг, верный, принципиальный, прямой. Мне кажется, что таким и должен быть капитан.

Шестернев больше ничего не сказал, но все эти качества присущи и нашему прославленному защитнику, который носит красную повязку капитана.

Капитан... Мне нравятся мальчишеские футбольные капитаны. Как правило, это сме-

лые, авторитетные ребята в команде, влюбленные в футбол и преданные коллективу. Я никогда не забуду черноглазого мальчугана из азербайджанской команды «Улдуз» Джаваншира Юсифова. Самые хитроумные финты на поле делал Джаваншир. Звонче всех пел песни Джаваншир. Никогда не унывал и вел команду вперед опять Джаваншир, капитан команды «Улдуз». Я спросил ребят после матча, за что они избрали юрко-го, самого маленького по росту Джаваншира капитаном. Мне ответили:

— Он хорошо учится.

— Он никогда не трусит.

— Он веселый.

— Он всем помогает.

Джаваншир стоял в сторонке. Когда закончился разговор, он подошел ко мне и сказал: «Если команда дружная — тогда ничто не страшно. А наша команда очень дружная, потому и побеждаем...»

Капитан — это флаг команды. Лучшим из них доверяется пронести по стадиону стяг «КМ». Я не знаю, кем станет в жизни Джаваншир Юсифов: ученым, инженером, летчиком... Мы об этом не успели поговорить. Но уверен, что капитанские качества: дисциплинированность, сдержанность, умение подчинить свою волю воле коллектива, повести его за собой — всегда будут помогать ему.

Страничка четвертая и последняя

Иногда к нам на редакционный огонек заглядывает тренер сборной СССР по футболу **Гавриил Дмитриевич Качалин**. Опытный тренер, интересный рассказчик всегда делится с нами своими волнениями и надеждами.

— Если бы меня спросили, кто из футболистов мне нравится, я назвал бы многих. Но среди многих выделил бы Владимира Мунтяна. Почему? Любит футбол до самозабвения. Элегантен на поле, корректен. Владеет каскадом финтов. Смел и находчив. Скромнен. Любит читать. Ценит товарищество. И еще раз — влюблен в мяч и бесконечно предан ему.

«КМ» — целый океан юных футболистов, нужно растить из них мастеров большого футбола и хороших людей. Футбольная «звезда» должна сиять всеми гранями. Тогда он будет любим и никогда не заболит «звездной болезнью» — зазнайством. Мы ждем воспитанников «КМ» в сборную. Мальчики — наша надежда. Недаром девиз вашего клуба — замечательные слова: «Сегодня «КМ» — завтра большой футбол».

С. ФУРИН,
член Главного штаба
клуба «Кожаный мяч».

Писатели

рассказывают

Начинался сорок пятый год, последний год войны...

В заваленном сугробами сибирском городке жили были два мальчика. Маленький первоклассник и его сосед постарше — из четвертого. Жили не очень дружно: иногда бегали вместе в кино, иногда ссорились и порой забывали друг про друга.

Однажды в руки им попала книжка о дальних морях и загадочном острове. Книжка одна, а их двое. Хоть спорь, хоть дерись, пополам книжку не поделишь. И они стали читать вместе — вслух. И тут оба поняли, что им очень хорошо вдвоем. Хорошо сидеть рядом у гудящей печки и слышать голоса друг друга, хорошо мечтать о приключениях и подвигах, хорошо, когда можно доверить товарищу тайну, не боясь насмешки.

Когда книга кончилась, ребята придумали игру, у которой не было конца. Они придумали себе удивительный корабль — «Каравеллу», — на котором плавали по всем океанам, воевали с фашистами и пиратами, открывали неведомые земли...

Потом было многое: неудачный побег на фронт, ссора, из-за которой чуть не погибла «Каравелла». Но мальчишки остались верными своей мечте и дружбе.

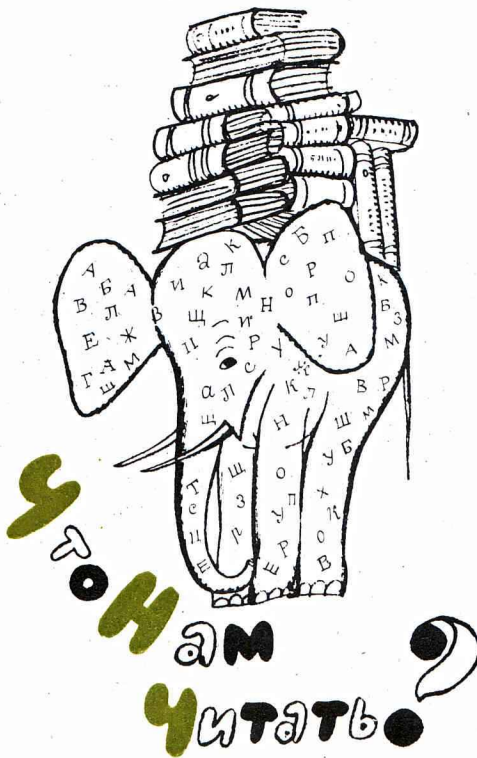
Об этом я написал повесть «Тень «Каравеллы». Она печаталась в «Пионере» в 1968 году. А совсем скоро я поставлю последнюю точку в новой рукописи, которая называется «По колено в траве». Глав-

СНОВА

О

«КАРАВЕЛЛЕ»

Писатели

рассказывают

ный герой этой повести — один из прежних «капитанов» «Каравеллы», Владик. Правда, сейчас он стал постарше, окончил третий класс. У него новые друзья (и новые недруги), новые игры и увлечения. Но в трудные моменты Владик обязательно вспоминает свою «Каравеллу» и своего уехавшего друга Павлика.

Взрослые могут сказать: ну какие там трудные моменты у десятилетнего мальчишки? Но вы-то знаете, что в жизни у ребят достаточно всяких особенностей. Например, влюбился человек и мучается. Конечно, третьеклассникам влюбляться не полагается, но что поделаешь. Или другое: никак не можешь постоять за себя в трудную минуту, теряешься перед опасностью. В мечтах воображаешь себя рыцарем, а на самом деле над тобой смеются мальчишки. Как воспитать в себе смелость и твердость характера? Это — самое главное, что беспокоит Владика. Ведь очень обидно быть робким и слабым, когда вокруг тебя смелые люди, когда сам мечтаешь о дальних плаваниях, а дома у тебя хранится орден отца, погибшего в последние дни войны.

И Владька начинает борьбу за себя, за свой характер. Он еще совсем невелик, и трава, которой зарос городок, ему по колено. Но ведь он капитан «Каравеллы». И недаром в конце повести ребята встречают его на высоком речном берегу как победителя.

Владислав КРАПИВИН.

А что думаешь ты?!

Дорогая редакция!
Пишет вам ученик 7-а класса школы № 4 Храмов Виктор. Мне очень понравилась книга Н. Дубова «Беглец». Я сочувствую Юре. Не знаю, как бы поступил я, но мне кажется, что Юра поступил правильно, уйдя из дома. Но, узнав о слепоте отца, он остается дома.
В том месте, когда отец бил Юру, мне было до того больно, что казалось: и меня тоже бьют.
Я благодарю издательство и автора книги Николая Ивановича Дубова за хорошую книгу.

г. Медногорск, Оренбургская область.

Я вместе с товарищами прочитал эту трогательную, полную трудовой героики книгу «Великое противостояние» моего любимого писателя Льва Абрамовича Кассиля. Мне кажется, что писать свой отзыв об этой книге не имеет смысла, так как я думаю, что таких писем в редакцию приходит много. Но все же хочется поблагодарить Л. А. Кассиля за те переживания, которые я испытал, читая эту книгу. Я ее взял в библиотеке, там не было интересных книг, я взял эту, по обложке, думал — мура, а на деле замечательная книга. А читатели часто берут книгу, смотря по обложке. Поэтому книга, ее обложка должны быть оформлены так, чтобы соответствовали содержанию книги.

С уважением к вам читатель Владимир Макарушкин,
14 лет. Минская область.

Привет из Сухого.
Здравствуй! Мне очень понравилась книжка Н. Надеждиной «Моревизор уходит в плавание». Ведь я мечтаю стать моряком, и только моряком. Вот я постоянно ломаю себе голову: почему мне не нравятся современные суда? Наоборот, мне нравятся старинные парусники. И у нас он есть. Большая лодка с каютами, кубриками. Провели веревки для закрепления руля и штурвала. Одна мачта, зато парус хороший. У всех есть своя форма: тельняшки, ремни и т. д. Постоянно ведем судовую дневник.

Костя Мухов,
Иркутская область, Братский район.

Здравствуй, дорогая редакция!
С большим приветом к вам ученица 4-б класса школы № 33 г. Магнитогорска.
Я с удовольствием читала книгу «Капитан Крокус», которую написал Федор Федорович Кнорре. Мне понравились герои этой повести Ломтик, Клоунлыш, Шелкунчик, Близнецы, Мухолептик, Музыкальный Пафнутик мне Коко, Отважный Капитан Крокус и Нерон. А противный Пафнутик мне очень не нравился в этой сказке, он только портил мне настроение, когда я читала книгу. После меня эту книгу читал мой брат. Его зовут Вова, ему тоже пришлось по душе эта книга. Но ребята этой сказки стали заступаться за свое детство.

Люда Горшкова.

Мне 8 лет. Я учусь во 2-м классе. В школе № 37 г. Луганска. Дорогая редакция, я прочитала книгу «Питер Пэн и Венди» Джеймса Барри. Она мне очень понравилась. Мне очень было смешно, когда я читала, как Питер Пэн хотел прилепить свою тень мылом. Как только Питер Пэн родился и в тот же день убежал из дому!

Анна Тухлян.

А что думаешь ты?!

О книгах
Н. Дубова
«БЕГЛЕЦ»,
Л. Кассиля
«ВЕЛИКОЕ
ПРОТИВОСТОЯНИЕ»,

Н. Надеждиной
«МОРЕВИЗОР
УХОДИТ
В ПЛАВАНИЕ»,

Ф. Кнорре
«КАПИТАН
КРОКУС»,

Д. Барри
«ПИТЕР ПЭН
И ВЕНДИ»

Победители конкурса Деда Мороза

Победителей пятьдесят. Пешкин награждает их всех «Грамотами ферзя и ладьи», шахматными книгами.

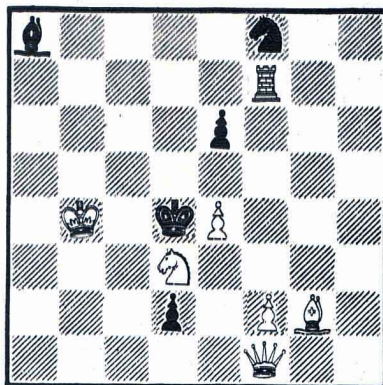
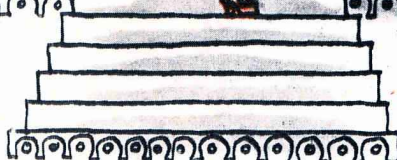
Среди победителей конкурса Юра Белоусов из города Ельня, Володя Баднаин из села Досчатое, Горьковской области, Саша Лим из Джамбула, москвичка Катя Виник, Оля и Цецен Эрдниевы из города Элиста, Калмыцкой АССР, Женя Дудник из города Такоб, Таджикской ССР, Валерий Косарев из села Кривые Балки, Белгородской области, Коля Селиванов из села Микуль Коми АССР, Галя Зазынкина из поселка Караси, Тульской области, Света Кривобок из города Кыштым, Челябинской области.

Рубеж взят

А как обстоят дела в нашем заочном соревновании на получение спортивного разряда?

В этом конкурсе участвовало более тысячи любителей шахмат, и многие из них преодолели трудный рубеж — завоевали четвертый и третий спортивный разряд. Есть даже претенденты на второй разряд.

Но, конечно, были в конкурсе и неудачники. Немало и таких ребят, для которых решающим будет последнее, десятое, конкурсное задание.

Вот оно. Начиная игру, белые дают мат в три хода черному королю. Пешкин ждет ваших ответов, друзья!

Трудно ли научиться?

Многие ребята пишут Пешкину о том, что не умеют играть в шахматы, но очень хотят научиться. «Мне сказали девочки, что это очень трудно» — это слова из письма третьеклассницы, москвички Оли Бастриковой.

И вовсе не трудно, Оля! Было бы только желание.

Вот, например, девятилетнюю Таню Артюхову научил играть в шахматы ее папа. Недавно Таня уже участвовала в серьезном соревновании — играла за команду депо станции Соль Донецкой железной дороги и победила пять взрослых шахматисток. Ее наградили почетным дипломом. Пешкин рад успеху Тани и награждает ее «Грамотой ферзя и ладьи».

А вот еще одна Таня, Таня Дерид, ученица четвертого класса 29-й кишиневской школы. Она

полтора года назад пришла в городской шахматный клуб. Занималась там старательно, играла в шахматных турнирах, не боялась поражений. И успех пришел: в женском чемпионате Кишинева Таня заняла девятое место, выполнив норму второго спортивного разряда.

Пешкин поздравляет и эту Таню. И тоже награждает ее «Грамотой ферзя и ладьи».

С чего же начинать занятия шахматами?

Прежде всего надо усвоить правила игры, а затем побольше играть и обязательно с сильными противниками. Вначале почти наверняка придется проигрывать, но постепенно тайны шахматных комбинаций будут становиться все более ясными.

Научиться играть помогут вам и книги. Возьмите в библиотеке учебник для начинающих. Книги по шахматам можно выписать и из магазина «Спортивная книга». Его адрес — Москва, К-9, Сретенка, 4.

Поручение Пешкина

Всем своим друзьям, оруженосцам шаха, и ребятам, получившим спортивные разряды в соревнованиях журнала, Пешкин дает на лето такое поручение.

Научить играть в шахматы не менее двух новичков.

Помочь провести шахматные турниры в пионерском лагере или у себя во дворе.

Для тех, кто привлечет много новичков в Страну шаха, Пешкин приготовил почетные награды. Он ждет от вас хороших сообщений.

Как решаются задачи

Задачи Деда Мороза решаются так: № 1. I. Ка3!, № 2. I. Фа6! № 3. с3—с4!

Заседание сорок записал Вадим ЛЕВИН.

— Приятная новость! — объявила бабушка Белобока. — Наша дорогая сорока Эврика изобрела озвучивающий порошок, и сегодня мы сможем услышать ребят, которые прислали нам письма.

— Урра! — закричали сороки.

— Тише, пожалуйста! Слушайте Вику Березкину из Среднеколымска.

— Здравствуйте, сорок сорок! Мне захотелось ответить на вопросы Славика Почтавенко, — начала Вика. — Я угадала, из какой книги первый разговор...

— Привет из Кирзи, — раздался вдруг голос Нади Баутиной. — Я учусь в 6-м классе...

— Стоп! Стоп! Стоп! — закричала Белобока. — Эврика, что ты делаешь! Разве можно сыпать озвучивающий порошок на все письма сразу? Озвучи-ка письмо москвички Лены Полуниной.

— В 12-м номере «Пионера» за прошлый год были напечатаны два разговора из книг, — начала Лена. — Первый — из книги шведской писательницы Астрид Линдгрен «Мальш и Карлсон, который живет на крыше». Разговаривают Мальш и его мама.

— Верно, — сказала Всезнайка.

— Второй разговор из рассказа В. Драгунского «Зеленчатые леопарды». Это разговаривают Дениска, Аленка и Костик...

— Ха-ха-ха, — рассмеялась сорока Несмеяна.

— Ты что хочешь? Разве Лена ответила неправильно?

— Нет, нет! Просто я вспомнила эти разговоры. Ой, не могу, какие они смешные!

— Тихо! Слово предоставляется Нади Абдулогаповой.

— В клубе «Сорок сорок» были напечатаны две строчки из стихотворения Лены Сальковой «Трусишка». Я дописала еще две строчки:

Я зверей смотреть ходила,
Испугалась крокодила.
Побежала без оглядки,
Здесь и там сверкали пятки.

Я учусь в шестом классе, живу в селе Андреевка, Талды-Курганской области.

— Дорогие сороки! Экономьте озвучивающий порошок! Его осталось три щепотки, а писем с ответами мы получили около тысячи и еще продолжаем получать.

— Давайте посмотрим те, которые пришли первыми.

Саша Кулигин из села Чингис, Новосибирской области, считает, что Лена испугалась крокодила, потому что:

Он решеткой огорожен,
А на ней: «Будь осторожен!».

Виталий Непеин из Архангельской области, Оля Пугачева из Башкирии и еще 76 ребят из разных концов страны как будто сговорились и дописали стихотворение так:

Этот страшный крокодил
Чуть меня не проглотил.

Люда Кузнецова из Орла спорит с ними: все это было на елке.

Крокодил бумажный был
И меня не проглотил.

А вот как придумала сама Лена Салькова:

Я зверей смотреть ходила,
Испугалась крокодила.
Я от страха так завывала —
Испугала крокодила!

— Ха-ха-ха! — снова подала голос Несмеяна. — Еще хочу, еще! Дайте новое задание!

— Пожалуйста! Лена Фидря из Харькова как раз предлагает сорокам и читателям «Пионера» две строчки из четверостишия своей сестренки Нины:

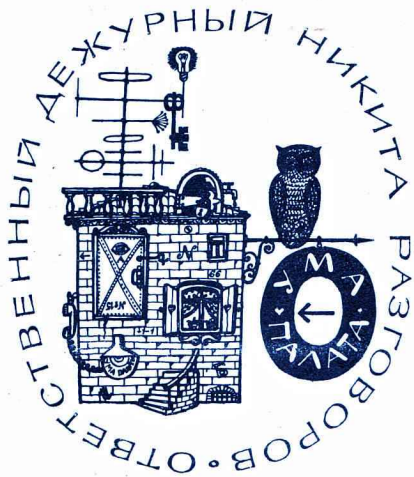
В зоопарке бегемот
Проглотил ежа. И вот...

Кто допишет две строчки, чтобы получилось смешное стихотворение?

Сороки выдернули по перу из хвоста и стали писать. Понятно, что на этом заседании клуба закрылось.

Рисунки А. БОРИСОВА.

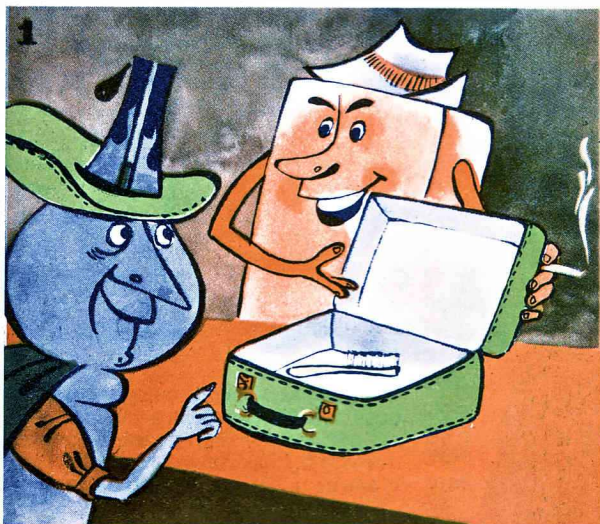
КАРАНДАШИ И РЕЗИНКИ

Записки капитана Перо-86

Однажды карандаши пожаловались мне, что, несмотря на самый строгий таможенный осмотр, резинки нередко тайком провозят с собой щипцы, которыми откусывают карандашам грифели. Совет Пеналов категорически запретил карандашам и резинкам пользоваться каким бы то ни было оружием, и я решил проследить, как же удастся резинкам провозить щипцы.

Я дежурил в таможне, когда там появились три резинки.

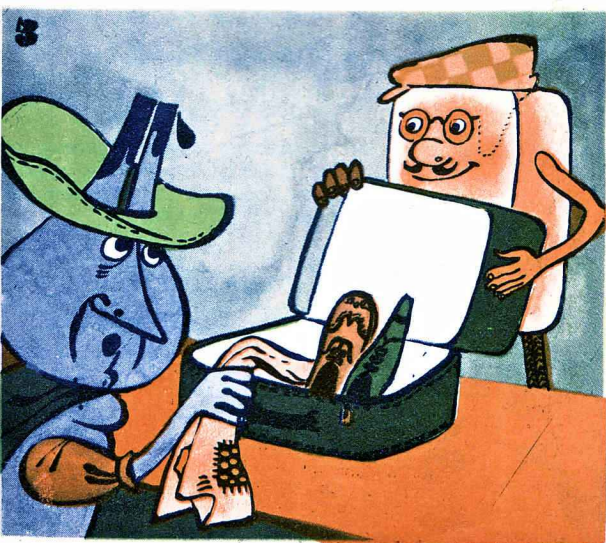
Как вы думаете, какую из резинок я задержал?

1. У первого путешественника в чемодане не было ничего, кроме зубной щетки.

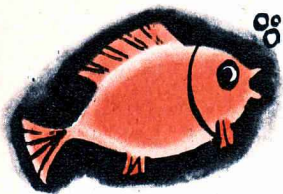
2. Чемодан второй резинки был набит фото-пленками и коробками с фотобумагой.

3. У третьей резинки в чемодане лежала пара ботинок и какой-то странный мешок.

4. Когда резинки вышли из таможни, я задержал одну из них. У меня не было сомнений, что щипцы именно у нее.

БЕСПОКОЙНЫЙ КОТ

ИГРЫ ДЕДА БУКВОЕДА

Мой друг уехал отдыхать и оставил мне кота и аквариум с двумя рыбками. Больше всего его волновало, как бы чего-нибудь не случилось с котом.

Не прошло и двух дней, как я получил телеграмму: «Береги кота твой Петр».

Я очень испугался и подумал, что Петр, наверное, перекупался в море и заболел. Позвонил в санаторий и спрашиваю:

— Что это за странную телеграмму ты мне прислал?

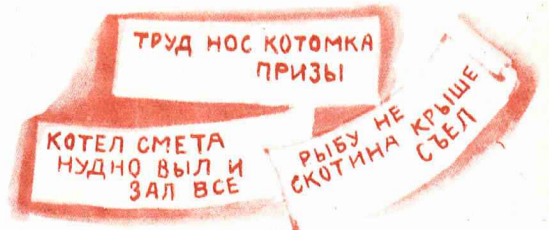
— Ничего не странную,— отвечает Петр.— Еще раз прошу тебя: береги кота и, если

с ним что-нибудь случится, сразу же сообщи мне.

Характер у кота оказался неважный. Мне пришлось послать Петру целых три телеграммы. Жаль, что почта передала их не совсем точно. Вот эти телеграммы:

1. Труд нос котомка призы,
2. Котел смета нудно выл и зал все.
3. Рыбу не скотина крыше съел.

Я думаю, что вы все-таки прочитаете эти телеграммы и, может быть, попробуете сами составить телеграммы о беспокойном коте.

ЕРАЛАШ

Кто на дереве сидит?

Кит.

В океане кто плавает?

Кот.

Кто подземный любит мрак?

Рак.

Под водою кто живет?

Крот.

Кто зубами впился в мышь?

Чиж.

Кто взлетел на крыльях ввысь?

Рысь.

Кто в углу стоять привык?

Бык.

Кто задумчиво зевнул?

Стул.

Это что за ералаш!

Заточите карандаш.

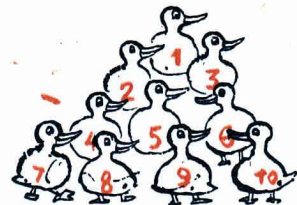
Я приказываю вам

Всех расставить по местам!

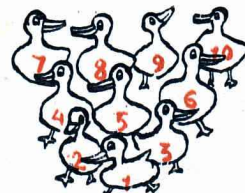

УТЯТА

Утят дрессировать очень трудно, но один юный натуралист сумел все-таки выдрессировать своих десятирких пушистых питомцев. Вот они идут стайкой в таком порядке:

Но достаточно дрессировщику подать им команду, три утенка занимают другие места, и стайка идет уже вот в таком порядке:

Какие утята должны занять другие места и где, чтобы получилось так, как на втором рисунке.

ПОМОГИТЕ КОЗЛЁНКУ

СООБЩЕНИЕ ЖИВЖИВКИ,
НАШЕГО ЛЕСНОГО
КОРРЕСПОНДЕНТА

В июне я побывал на Кавказе. Однажды в горах я увидел козленка. Он стоял на высокой скале, а слезть с нее боялся.

Мать козленка стояла внизу и тихонечко звала его. Наконец козленок решился и стал осторожно спускаться к ней.

Как же он спускался? Сколько шагов ему нужно было сделать, чтобы дойти до матери?

Запомните, что, делая «шаг», вы можете брать любые буквы из соседних квадратов по горизонтали, вертикали и диагонали. Важно только не перепутать порядок, в котором стоят буквы.

Самый короткий путь, по которому может спуститься козленок, состоит из пяти «шагов».

Ш	А	Г	Ш	Г	А	Г	Ш
Г	А	Ш	А	А	Ш	Г	А
Ш	Г	А	Г	Ш	А	А	Ш
Г	Ш	А	Ш	Г	Г	Ш	А
Ш	Г	Ш	А	Г	Г	А	Г
А	А	Г	Ш	А	Г	А	Г
Г	Ш	Г	А	Г	А	Ш	Г
Г	А	Ш	Г	Г	Ш	Ш	Ш
Ш	Ш	Г	Г	Ш	Г	Г	А
Ш	Г	Г	Ш	Г	А	А	

КТО ОНИ?

Загадка внушки
Деда Буквоеда

Я шесть их вижу в лужице,
То сразу обнаружится,
Я их давно заметила
И сообщаю всем:
В реке их только четверо,
Зато в колоде семь.
И если сосчитать,
Что в чашке — ровно пять!

КТО ОНИ?

НАЙДИТЕ

СБЕЖАВШИЕ ЗНАКИ

Из этой таблицы сбежали знаки умножения, деления и вычитания. Расставьте их так, чтобы у вас получились правильные ответы по горизонтали и вертикали.

8	×	7	-	12	=	44
×		-		+		+
4	+	3	×	4	=	28
-		+		-		:
7	-	5	×	6	=	12
=		=		=		=
25	-	9	-	10	=	6

	×		+		=	
+		+		×		×
	-		:		=	
:		-		-		:
			-		=	
=		=		=		=
	×		+		=	

А из этой таблицы, наоборот, сбежали числа. Верните их на свои места, чтобы и здесь по горизонталям и вертикалям получились правильные ответы.

Ответы на задачи
из № 6

ГОВОРЯТ ЛАДОНИ И ПАЛЬЦЫ

Охотники увидели в джунглях много животных. Те, которых вы должны отгадать, были: страус, заяц, черепаха, динообраз, жираф, лев, обезьяна.

«Я» В КВАДРАТЕ

Если вы начнете читать с буквы «я», у вас получится предложение: «Я добрался до конца».

КАРАНДАШИ И РЕЗИНКИ

Одна резинка поменяла свою шляпу на ту, которая висела на вешалке. В ней-то и были тайные сведения.

ПЕРЕД ОТВЕТСТВЕННЫМ МАТЧЕМ

Администратор, как ни старался, все-таки не сумел одиннадцатого игрока устроить в отеле, и тот остался без комнаты.

Зорьки рыбацкие

Все, о чем пойдет речь ниже, произошло в самый жаркий месяц лета — июль.

«Снежинки» над рекой

Занималась вечерняя заря, когда над зеркальной гладью реки запархали белоснежные бабочки — поденки (метлицы). Вскоре над рекой уже мела метелица. Миллионы «снежинок» кружились в воздухе, то припадая к воде, то взмывая ввысь. Стоило бабочке на какое-то мгновение коснуться воды, как ее тут же хватала рыба.

— Что будем делать? — спросил мой друг.

— Насаживать бабочек на крючок и на них ловить рыбу, — ответил я.

— Ну что ж, попробуем...

Наловить бабочек было нетрудно. Взмах фуражкой — и получай штук пять-шесть, а то и больше. Но с этой насадкой ничего не получалось. При выбрасывании лески нежная бабочка слетала с крючка. Пробовали насаживать по нескольку штук, и все равно ничего не выходило — на воду ложился голый крючок.

Утром мы решили поискать личинок поденки. Нашли их вблизи берега, в глыбе, когда-то сорвавшейся с крутояра и пролежавшей в воде года два. Глыба походила на решето: вся в дырках со спичечную головку. Это были личиночные ходы.

Насадка есть. Разматываем удочки, ставим более тяжелые грузила, чтобы ловить со дна.

Хотя белячий червячок так же нежен, как и бабочка, однако он хорошо держится на крючке.

Первую рыбу, хорошего язя, вытащил мой друг, а вскоре и я поймал полукилограммового подлещика. И пошло! Такого клева я еще не выдывал.

С той поры в летнее время я ловлю только на эту лакомую для всякой рыбы насадку. Но ловля эта коротка: июль — август.

Добрый сосед

Солнце палит нещадно. Даже в тени, под навесом из ивовых веток, жарко. Да и не усидишь тут, когда клюет то на одной удочке, то на другой. Берет крупная плотва.

В садке, что укреплен близ берега, полно рыбы, и почти вся она плавает вверх брюшком: чересчур теплая вода. Такую рыбу надо немедленно удалить из садка, иначе испортится. А вынуть — значит отдать на съедение мухам.

Какая обида! Пропадает столько рыбы!

— Не отчаивайтесь, — говорит сосед, наблюдавший за моей возней у садка. — Соль у вас есть?

Он высыпал пачку соли в ведерко, налил туда воды, помешал палкой. Получился крепкий соляной раствор.

— Вот теперь рыбу с крючка прямо в ведро. Глотнет раз другой — и просолится. А потом на ветерок ее; пусть вялятся. Получится превосходная вобла.

Теперь летом я стараюсь ловить только крупную плотву. За сохранность улова не тревожусь, жары не боюсь, синих мясных мух тоже. Ни одна не сядет на рыбу, пролежавшую 10—15 минут в крепком соляном растворе. Но опускать в раствор надо только живую рыбу.

Ребята подсказали...

Мы поднимались вверх по Оке на моторной лодке. Под Елатмой на песчаных косах увидели ребятшек с удочками. Они стояли по колено в воде, у каждого на груди висел на тесемочке мешочек для червей, сбоку болтались куканы с наизыменными на них серебристыми рыбешками.

Выключив мотор, я крикнул:

— Ребята, кого ловите?

— Подустов, — был ответ.

Подуст — рыба, любящая песчаное дно.

Мы подчалили к берегу, взяли удочки, насадку и зашлепали по воде к ребятам. Но странное дело: у ребят клюет, а у нас нет.

— Ступай-ка, узнай, на что они ловят — говорю другу.

Узнал: на красного навозного червя. А у нас белый, земляной. Пришлось идти к лодке и покопаться в ящике с запасом червей. Отыскали десятка три навозников и опять принялись за ловлю.

Стало изредка поклевывать. Трех подустов поймали. Это на двоих-то! Не жирно. А ребята знай себе потаскивают и потаскивают.

И тут я заметил, как мой юный сосед нет-нет да и забредет поглубже, где ложится насадка. Взмутит там ногами воду и опять начинает таскать подустов.

Так вот в чем секрет! Ребята, мутя воду, приманивают рыбу, она идет на мутную струю, где находит для себя всевозможных червячков, личинок.

И мы стали мутить воду. Вскоре рыбы было поймано на хорошую уху.

В. БОРОНИН

СОДЕРЖАНИЕ

Радиостанция «Здравствуй»	1
Гейзер. — Рассказ Э. Корпачева. Рисунок С. Трофимова.	4
Пестрая мозаика слета. — М. Владимиров. Рисунок Е. Медведева.	8
От Иркутска до Братска и другие стихи. — А. Твардовский. Рисунок А. Борисова.	10
Славка. — Маленькая повесть И. Андреевой. Рисунок Е. Медведева.	12
Научный телеграф. — М. Гуревич, О. Либкин	22
Рассказы о литературе	
Сто пятьдесят Дон Жуанов. — Ст. Рассадин, В. Сарнов. Рисунок Н. Доброхотовой	23
Надо посоветоваться. — М. Рачко	28
Еж и его родственники. — И. Акимущкин	30
Кораблик	34
Ребята такие, как ты	
Одиннадцатилетний полководец. — В. Крапивин	36
Как это делается	
Его зовут универсам. — В. Глазунова. Рисунок А. Вовиковой	38
Вертолет. — Стихи Э. Мошковой	42
Цветы и звери. — И. Уварова	43
Академия домашних волшебников	47
Обманчивый свет. Медведи из Уаснезье. — Рассказы Серой Совы. Перевел с английского А. Макарова. Рисунок И. Галанина	48
Наш дворец на «ЭКСПО»	53
О чем пишут взрослые газеты	54
Ночной обоз. — Повесть А. Мусатова. Окончание. Рисунок С. Трофимова	56
«Есть!» Я — Послезавтра! — Стихи Б. Слуцкого	65
Пионерский глобус	66
Это самое... — Рассказ Г. Голлендера. Рисунок П. Цепелинского	68
Спортивная площадка	
Завтра большой футбол. — С. Фурин	70
Что нам читать?	73
В стране шаха — владыки черных и белых полей. — Международный мастер М. Юдович. Рисунок Н. Доброхотовой	75
Клуб «Сорок сорок»	76
Ума палата. — Ответственный дежурный Н. Разговоров. Рисунок А. Борисова	77
Зорьки рыбацкие. — В. Боронин	80
На обложке: Здравствуй, лето! Фото В. Раскина.	

Главный редактор Н. В. ИЛЬИНА.

Художественный редактор
С. Ю. Сахарова.

Редакционная коллегия:

Т. В. Голубцова, В. А. Каверин, Л. А. Кассиль, Е. Л. Коваленко (ответственный секретарь), Ф. В. Лемкуль, В. Ф. Матвеев (заместитель главного редактора), А. И. Мошковский, А. И. Мусатов, А. С. Некрасов, В. И. Орлов, В. А. Поддубная, М. П. Прилежаева.

Оформление К. М. Высоцкой.

Адрес для писем: Москва, А-15, ГСП.
Бумажный проезд, 14.
Телефон 251-04-27.

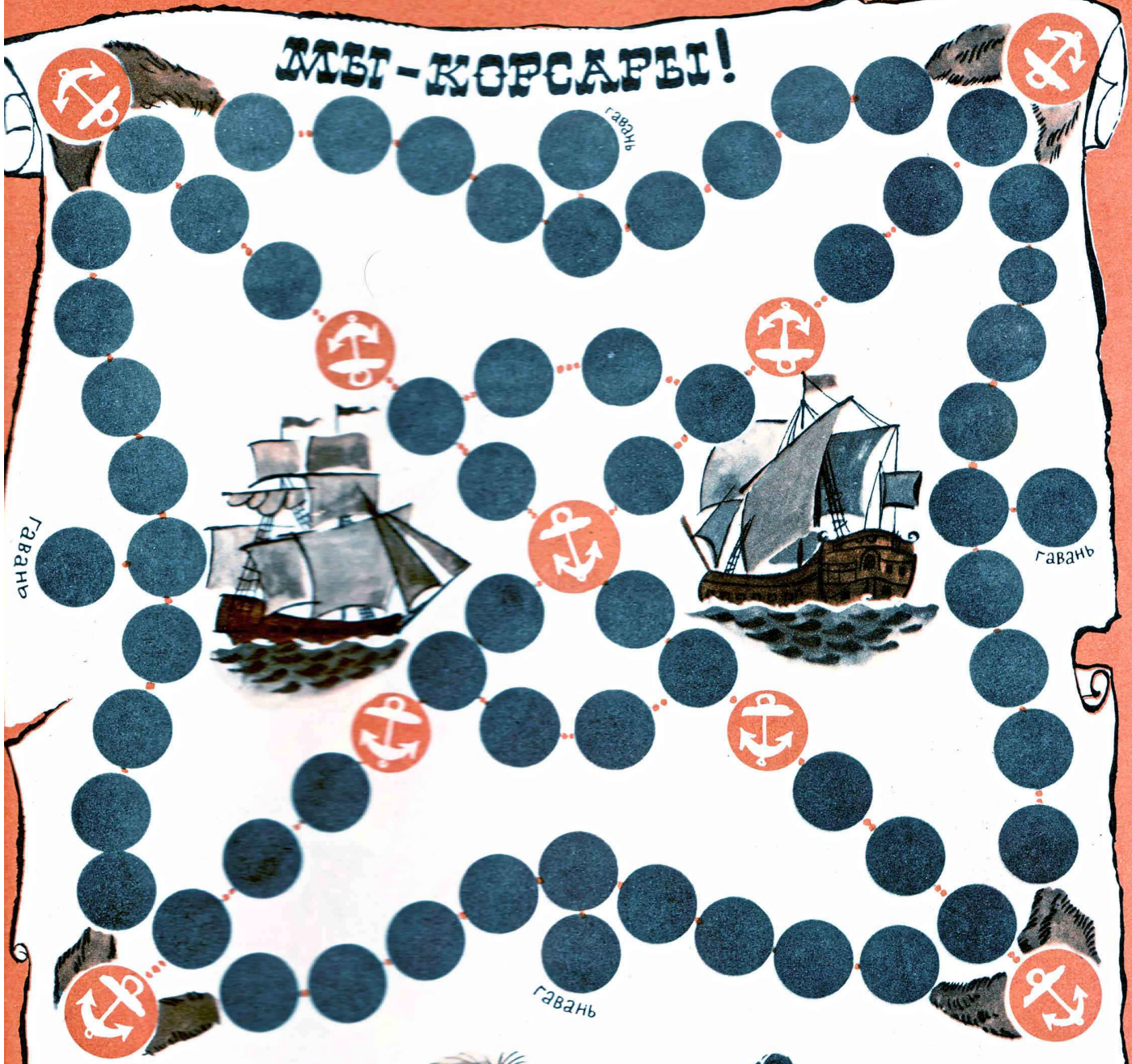
Рукописи не возвращаются.

Технический редактор В. П. Назарова.

Сдано в набор 29/IV—4/VI 1970 г. А 00087.
Подписано к печати 3/VI 1970 г.
Формат бумаги 84×60¹/₂. Объем 9,33 усл. печ. л.
11,24 учетно-изд. л. Тираж 1 240 000 экз.
Изд. № 1336. Заказ № 1277.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

МЫ - КОРСАРЫ!

В эту игру можно играть вдвоем или вчетвером. Сначала сделайте обыкновенный кубик с шестью гранями: 1, 2, 3, 4, 5, 6.

Нарисуйте на картоне и вырежьте корабли. У каждого игрока корабль должен быть своего цвета. Вы выбираете себе гавань, где держите все свои четыре корабля.

Итак, игра начинается!

Сначала первый игрок бросает кубик. Ему выпала, к примеру, цифра два. Он передвигает один из своих кораблей в любом направлении на два кружка. Потом то же самое делают по очереди другие игроки. Цель игры — захватить корабль противника и привести его в свою гавань.

Если ты, например, набросил пять очков и корабль оказался на том же самом поле,

на котором стоит корабль противника, ты можешь захватить его корабль.

При новом ходе ты, накрыв захваченный корабль своим, стараешься привести в свою гавань уже два судна. А твой противник может попытаться догнать тебя на другом своем корабле. Если ему удастся захватить два твоих судна, то он будет стараться привести в свою гавань все три корабля, а ты будешь стремиться помешать ему сделать это, вводя в игру другие свои корабли. Захватывать корабли нельзя только на тех полях, которые отмечены якорями.

Конечная цель игры — завладеть всеми кораблями противника и стать «хозяином моря».

Цена 25 коп.

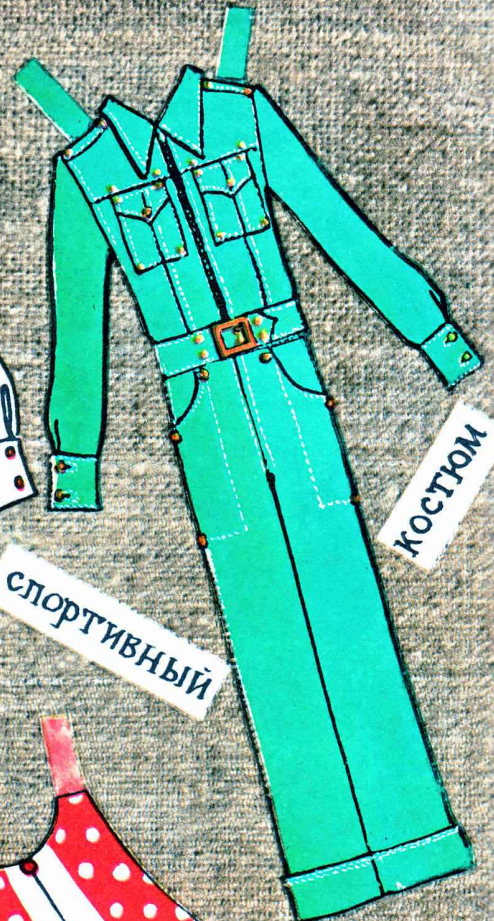
Индекс 70694

платье нарядное

сарафан

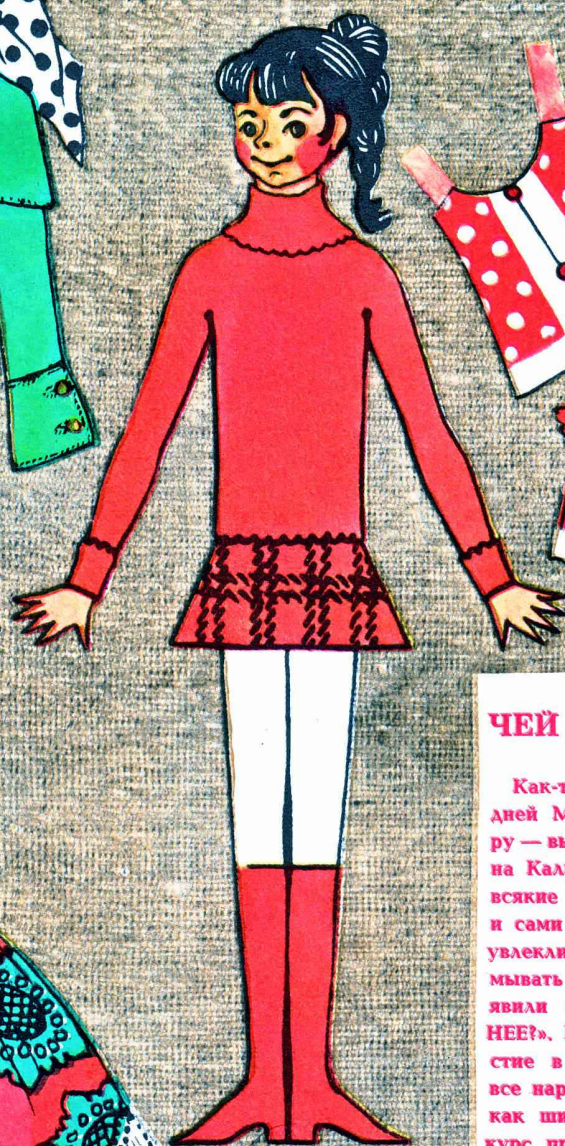
спортивный костюм

платье

ансамбль

пляжный костюм

карнавальный костюм

костюм

ЧЕЙ НАРЯД ИНТЕРЕСНЕЕ?

Как-то в один из дождливых июльских дней Марина с Лёкой придумали такую игру — вырезали из бумаги куклу, похожую на Калинку, и стали придумывать для нее всякие туалеты, которые не прочь были бы и сами надеть. А потом все их подружки увлеклись этой игрой и тоже стали придумывать туалеты для Калинки. Даже объявили конкурс «ЧЕЙ НАРЯД ИНТЕРЕСНЕЕ?». Все, кто хочет, могут принять участие в этом конкурсе. Калинка обещала все наряды посмотреть и потом рассказать, как шить, вязать или мастерить их. Конкурс продлится до 1 сентября. К Новому году Калинка назовет пять самых талантливых модельеров и одну самую-самую талантливую, а может быть, талантливого, потому что и мальчишки тоже любят придумывать красивые наряды.

Рисунок Н. ДОБРОХОТОВОЙ